РУСИСТИКА

2026 Том 24 № 2

DOI 10.22363/2618-8163-2026-24-2
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

Научный журнал
Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Белгородский государственный университет, Белгород, Российская Федерация

Балыхина Т.М. – академик РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики, Университет имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. – доктор педагогики, профессор, Латвийский университет, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии, Гранадский университет, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка, Брин-Мор колледж, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания, Саскачеванский университет, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Витебский государственный университет, Витебск, Республика Беларусь

Мокиенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка, факультет иностранных языков и литературы, Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков, гуманитарный факультет, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением, Эдинбургский университет, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
4 выпуска в год (ежеквартально).
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Белый список РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Dimensions.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.
6. Проблемы развития русского языка как языка науки.
7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.
8. Презентация медиадидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *О.В. Горячева*
Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 21.05.2026. Выход в свет 25.05.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 13,83. Тираж 500 экз. Заказ № 554. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2026

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2026 VOLUME 24 NUMBER 2

DOI 10.22363/2618-8163-2026-24-2

http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, member of the Academy of Natural Sciences, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – Full Member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – Full Member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – Full Member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya Oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
Publication frequency: quarterly.
Languages: Russian, English.
Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Dimensions.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *O.V. Goryacheva*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Васильева Г.М. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Дай Ж. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Лексика с этническим компонентом значения: лингвокультурологический потенциал в обучении русскому языку иностранных студентов 161

Непомнящих Е.А. (Иркутск, Российская Федерация) Аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов как элементов современного лингвокультурного пространства 176

Штырлина Е.Г. (Казань, Россия), Агеева Ю.В. (Казань, Россия) Фразеологические единицы русского языка, связанные с гаданиями: культурно-историческая детерминированность 195

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Романов Д.А. (Тула, Российская Федерация), Кучерова М.А. (Тула, Российская Федерация) Языковые новации «раннего» Л.Н. Толстого и их нарративно-художественные функции 210

Ахренова Н.А. (Москва, Российская Федерация) Эволюция политической медиариторики в России: комплексный лингвистический анализ 226

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

Устинов А.Ю. (Москва, Российская Федерация), Радандиш П. (Тегеран, Иран) Функционально-семантический подход к изучению диминутивов в иранской аудитории 244

Нгуен Т.Х.В. (Хошимин, Вьетнам), Лиеу Ф.Х.Т. (Хошимин, Вьетнам) Лингводидактические критерии разработки видеолекций по русскому языку: модель «перевернутый класс» во вьетнамской аудитории 262

Галкина Е.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Особенности микроструктуры письменных нарративов китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный 278

Камышева С.Ю. (Москва, Российская Федерация), Канафина З.Т. (Алматы, Республика Казахстан) Linguodidactic Potential of Ergonyms in Teaching Russian to Students from Kazakhstan (Лингводидактический потенциал эргонимов в обучении русскому языку казахстанских студентов) 297

2026 Vol. 24 No. 2
Russian Language Studies
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

CONTENTS

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Vasileva G.M. (St. Petersburg, Russian Federation), Dai R. (St. Petersburg, Russian Federation) Linguistic and cultural potential of vocabulary with an ethnic component in teaching Russian to foreign students 161

Nepomniashchikh E.A. (Irkutsk, Russian Federation) Axiological parameters of Russian decorative texts in the modern linguistic-cultural space 176

Shtyrlina E.G. (Kazan, Russia), Ageeva Yu.V. (Kazan, Russia) Cultural and historical features of Russian phraseological units originating from divination practice 195

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

Romanov D.A. (Tula, Russian Federation), Kucherova M.A. (Tula, Russian Federation) Language innovations of the "early" L.N. Tolstoy and their narrative-artistic functions 210

Akhrenova N.A. (Moscow, Russian Federation) Evolution of political media rhetoric in Russia: a comprehensive linguistic analysis 226

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

Ustinov A.Yu. (Moscow, Russian Federation), Radandish P. (Tehran, Iran) A functional-semantic approach to the study of diminutives in an Iranian audience 244

Nguyen C.H.V. (Ho Chi Minh, Vietnam), Lieu P.H.T. (Ho Chi Minh, Vietnam) Linguodidactic criteria for developing video lectures in Russian language: flipped classroom model for Vietnamese students 262

Galkina E.V. (Saint Petersburg, Russia), Krasnoshchekova S.V. (Saint Petersburg, Russia) Microstructure of narratives written by Chinese learners of Russian 278

Kamysheva S.Yu. (Moscow, Russian Federation), Kanafina Z.T. (Almaty, Republic of Kazakhstan) Linguodidactic potential of ergonyms in teaching Russian to students from Kazakhstan 297

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 161–175
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-161-175
EDN: RLRKFH

Научная статья

Лексика с этническим компонентом значения: лингвокультурологический потенциал в обучении русскому языку иностранных студентов

Г.М. Васильева ✉, Ж. Дай

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉filfak_herzen@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обеспечивает его цель — выявление и описание лингвокультурологического потенциала лексики с этническим компонентом значения, характеризующейся сложностью системных характеристик и имплицитностью культурно-маркированного содержания, для включения его в обучение русскому языку иностранных студентов. Материалом исследования послужил корпус лексических средств с этническим компонентом значения, созданный на основе сплошной выборки из академических толковых, семантических и идеографических словарей русского языка (более 400 единиц — генеральная совокупность), который был скоординирован с «Лексическим минимумом по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень» (выборочная совокупность). Установлено, что лексика с этническим компонентом значения представляет собой сложноструктурное образование, включающее антропонимы, этнонимы и однокоренные с ними слова, при этом содержит системную, коннотативную (ассоциативную и оценочную), фоновую и идиоматически обусловленную культурно-маркированную информацию. Доказано, что лингвокультурологический потенциал данной лексики должен быть учтен в обучении русскому языку иностранных студентов. Перспективы исследования связаны с созданием интегративного учебного словаря «Лексика с этническим компонентом значения в русском языке».

Ключевые слова: этнонимы, этнотопонимы, этнонимические лексические блоки, лингвокультурология, русский язык как иностранный, учебная лексикография

Вклад авторов: Васильева Г.М. — концепция исследования, обзор литературы по теме, сбор и обработка материалов, написание текста; Дай Ж. — сбор и обработка материалов. Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

© Васильева Г.М., Дай Ж., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.09.2025; принята к печати 25.12.2025.

Для цитирования: *Васильева Г.М., Дай Ж.* Лексика с этническим компонентом значения: лингвокультурологический потенциал в обучении русскому языку иностранных студентов // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 161–175. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-1-161-175 EDN: RLRKFH

Введение

Несмотря на относительно недолгое время, прошедшее с момента возникновения лингвокультурологии (примерно три десятилетия), лингвисты отмечают, что ее активное развитие способствовало возникновению устойчивой «лингвокультурной традиции» в исследовании различных аспектов языка (Шаклеин, 2012; Карасик, Шаклеин, 2025).

Традиция выявления и описания культурно обусловленного содержания лексики в учебных целях восходят к трудам основателей лингвокультурологии как науки (Воробьев, 1994; Шаклеин, 1998), положившим начало лингвокультурологическому подходу к обучению русскому языку как иностранному (РКИ), согласно которому изучение иностранного языка необходимо осуществлять «в теснейшей связи с культурными зонами и господствующими идеями народов, их совместного мыслительного взаимодействия» (Воробьев, 1994).

При выдвижении культурно-маркированных единиц языка различной сложности в качестве объекта лингвокультурологии (лингвокультурема, логоэпистема, лингвокультурный концепт, лингвокультурный код, лингвокультурный типаж и др.) основополагающая роль традиционно отводится культурно-маркированному слову, при этом отмечается важность использования лингвокультурологического подхода к описанию слов русского языка для обучения иностранных студентов «с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» (Воробьев, 2000: 84).

Учитывая значимость лингвокультурологического потенциала лексики, методисты предлагают различные формы ее включения в учебный процесс, фокусируясь как на отдельных единицах, получивших в русском языковом сознании концептуальное значение (Некора, 2008; Ян, 2021), так и на лексических объединениях (лексико-семантических полях, лексико-семантических группах, номинативных сферах и др.), имеющих лингвокультурологическую ценность (Виноградова, 2013; Мартынова, 2017; Ли, 2018).

Рассматриваемое сложноструктурное лексическое объединение названо нами *лексикой с этническим компонентом значения*. Название используется для номинации совокупности лексических единиц, в содержании которых фиксируются компоненты, указывающие на связь с каким-либо этносом или местом его проживания. Данное лексическое объединение содержит три группы слов: наименования стран, относящиеся к топонимической лексике (этнотопонимы), наименования представителей различных этносов (этно-

топонимы), а также словообразовательно связанные с ними различные части речи: прилагательные (например, китайский), существительные (например, русистика), наречия (например, по-английски).

Охарактеризуем разряды слов, составляющие данное лексическое объединение. Первая группа (этнотопонимы) относится к ономастике, изучающей имена собственные, которые, обладая когнитивной функцией, оказывают глубокое влияние на язык и культуру (Суперанская, 2007; Abbasbeyli, 2024; Chanda, 2017; Reszegi, 2022).

Интерес лингвокультурологов к ономастической лексике обусловлен прежде всего тем, что ономастические категории не только выражают лексико-семантические и грамматические значения, присущие им как языковым единицам, но и обладают высокой информационной ценностью, являясь самобытной частью национальной культуры. В сложном составе ономастической лексики лингвисты выделяют особую группу слов, относящихся к топонимике и связанных по своему значению с конкретными этносами. Эту лексическую группу называют этнотопонимами (Суперанская, 2007: 140). Т.е. этнотопонимы — это топонимы, используемые для выражения связи между конкретной этнической группой и географической областью (Доржиева, 2010: 113). Этнотопонимы, по мнению исследователей, образуют семантическое поле, репрезентирующее в языке не только географическое положение, но и различные исторические, культурные и политические связи между конкретным этносом и другими этносами. Лингвисты подчеркивают тот факт, что этнотопонимы обладают особой функцией: они являются средством ментальной идентификации этноса, отражая оппозицию «свой — чужой» и давая возможность дифференцировать этнические группы с помощью географических названий (Рассоха, 2010: 190).

Наименования стран имеют непосредственную связь с группой лексики, называющей народы, населяющие эти страны (например, американцы, белорусы и др.), которую принято относить к этнотопонимам[1]. В исследованиях указывается на то, что эти группы лексики не только тесно связаны между собой, но и содержат концентрированную информацию культурологического характера. Подчеркивается многочисленность и словообразовательная активность данных слов. Так, например, Р.А. Агеева отмечает, что они многочисленны в любом языке и чрезвычайно активны в словообразовательном отношении, т.е. являются мощным резервом для образования новых слов — прежде всего существительных и прилагательных (Агеева, 1990: 13).

Поскольку рассматриваемая группа лексики не только выполняет функцию этнографических и географических обозначений, но и концентрирует в себе информацию культурологического характера, то считаем актуальным выявление, описание и систематизацию тех ее характеристик, которые должны быть учтены при обучении русскому языку иностранных студентов.

[1] *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука. 1978. 378 с.

Цель исследования — выявить и описать лингвокультурологический потенциал лексики с этническим компонентом значения по данным лексикографических источников для обучения русскому языку иностранных студентов.

Методы и материалы

Объем лексики с этническим компонентом значения в русском языке (генеральная совокупность) выявлялся по данным различных лексикографических источников: идеографических, семантических, толковых и ассоциативных словарей русского языка: «Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание» под редакцией Л.Г. Бабенко (далее БТСРС)[2]; «Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой (далее РСС)[3]; толковый «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (далее МАС)[4]; «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова (далее РАС)[5]. В связи с большим объемом рассматриваемых лексических средств (более 400 единиц) проведена корректировка его содержания в учебных целях в соответствии с источниками данных: «Лексический минимум по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень» (далее ЛМ)[6] и Национальный корпус русского языка (выборочная совокупность). Лексикографический, семантический, ассоциативный, количественный, интерпретационный анализ ядерной группы лексики с этническим компонентом значения, выявленной методом наложения полученных списков, позволил выделить основные лингвокультурологические характеристики исследуемого материала (имеющие системный, коннотативный, фоновый и идиоматический характер).

Включенная в БТСРС рассматриваемая лексика дифференцирована на две категории: «Существительные, обозначающие народы мира» и «Существительные, обозначающие гуманитарные науки».

В первой категории зафиксировано 277 слов, распределенных по следующим подгруппам:

– народы, составляющие население современных государств, жители конкретной страны (американцы, китайцы, японцы и др.) — 126 единиц;

– народы, не соотносящиеся напрямую с современным национальным государством (кельты, норманны, цыгане и др.), — 151 единица.

---

[2] Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.

[3] Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М. : Азбуковник, 2003. 714 с.

[4] Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А.П. Евгеньевой. АН СССР. Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

[5] Русский ассоциативный словарь : в 2 томах. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : АСТ, 2002.

[6] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н.П. Андрюшиной (электронное издание). СПб. : Златоуст, 2015. 164 с.

В категории наименований гуманитарных дисциплин зафиксировано 20 слов: американистика, востоковедение, германистика, испанистика, китаеведение, китаистика, монголоведение, монголистика, ориенталистика, романистика, русистика, славистика, славяноведение, советология, тюркология и др. Среди них отмечаются группы семантически близких слов, например: востоковедение и ориенталистика (науки о странах Востока); китаеведение, китаистика и синология (науки о Китае); славистика и славяноведение (комплекс наук о славянских народах и их языках).

В РСС зафиксировано более 200 слов с этническим компонентом значения, представленных в шести категориях, названия которым даны составителями словаря:

– по отношению к расовой, национальной принадлежности (по внешним признакам), например: ариец, афроамериканец, — 24 единицы;

– по отношению к людям другой национальности, их жизни, укладу, например: англоман, антисемит, — 12 единиц;

– по национальным пристрастиям и национальной нетерпимости, например: англофобство, германофильство, — 11 единиц;

– по сходству или несходству в происхождении, вере, в месте жительства, например: земляк, инаковерующий, — 21 единица;

– народы, племена, население государств, например: россияне, американцы, — 200 единиц;

– этнофолизмы, например: австрияки, жиды, москали, — 7 единиц.

В МАС данная лексика представлена в количестве 106 слов, которые могут быть распределены на следующие группы:

– этнонимы (названия народов и их представителей), например: итальянцы, поляки, — 56 единиц;

– термины, связанные с культурным влиянием, заимствованиями, ассимиляцией например: американизировать, англицизм, — 27 единиц;

– названия научных дисциплин и специалистов, например: германистика, русист, — 12 единиц;

– идиомы, например: русская печь, китайская грамота, — 11 единиц.

В РАС фиксируются следующие группы стимулов, относящихся к исследуемой группе: этнотопонимы (Австралия, Америка, Беларусь, Германия, Греция, Италия, США, Россия, Франция, Япония), этнонимы (еврей, немец, русский, татарин), отэтнонимические прилагательные (китайский, русский, французский, японский, финский, турецкий, грузинский, американский).

В ЛМ содержатся наименования этносов, связанных с конкретной страной проживания (89 единиц), названия этносов регионального характера (11 слов), наименования народов, представляющих собой языковую или этнокультурную общность (5 слов).

Обобщая данные о количестве исследуемых лексических единиц, зафиксированных в авторитетных российских словарях, можно представить их следующим образом: БТСРС — 278 единиц, РСС — более 200, МАС — 106, РАС — 22, ЛМ — 89.

Большой объем зафиксированных слов потребовал его корректировки в учебных целях. Наложение списков (семантические словари, толковые словари, словарь ассоциативных норм) дало возможность выделить лексические единицы, наиболее часто фиксируемые в словарях, а также обладающие высоким коэффициентом употребительности в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Этнофолизмы и прозвища, зафиксированные в МАС и в РАС, являющиеся, по мнению лингвистов, лингвокультурологическими маркерами агрессии, которая должна быть преодолена в образовательном пространстве (Лаптева, Фирсова, 2023; Темиргазина, Бачурка, 2017; Agar-Hutton, 2003), не являются материалом для активного употребления. Они могут вводиться в обучение исключительно для пассивного владения с необходимыми комментариями. Наиболее употребительными оказались следующие номинативные единицы: Россия (русские), Китай (китайцы), Япония (японцы), Индия (индийцы), США (американцы), Германия (немцы), Франция (французы), Англия (англичане), Канада (канадцы), Италия (Итальянцы), Испания (испанцы), Австралия (австралийцы), Турция (турки), Финляндия (финны), Корея (корейцы), Польша (поляки), Беларусь (белорусы), Украина (украинцы), Болгария (болгары). Эта группа наименований, дополненная однокоренными словами и идиомами, представляет собой основу исследуемого лексического объединения, для описания и интерпретации лингвокультурологического потенциала которого были привлечены авторитетные словари различного типа.

Результаты

На основании материалов БТСРС и РСС определили объем, а также структурные и тематические характеристики исследуемого лексического объединения.

Данные МАС позволили выявить значительный лингвокультурный потенциал лексики, который реализуется в ее многозначности, словообразовательной активности, стилистической дифференциации, культурной и социально-психологической информативности, востребованности в идиоматических средствах языка.

По материалам РАС сделано заключение о существовании в языковом сознании носителей русского языка культурно-географических образов стран, включающих собственно географическую, культурологическую и оценочную информацию.

Выявленные по данным авторитетных словарей характеристики исследуемого лексического объединения обнаружили его значительный лингвокультурологический потенциал, являющийся доказательством необходимости интерпретации и учета собственно лингвистического и культурологически значимого содержания лексики в процессе преподавания русского языка в иностранной аудитории.

Обсуждение

Характеристики рассматриваемой лексики выявлялись с опорой на «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой.

Поскольку названия стран закономерно не включаются в толковые словари, то предметом исследования на их материале становятся группы лексики, которые целесообразно обозначить как *этнонимические лексические блоки*, в них содержатся собственно этнонимы, однокоренные с ними слова и устойчивые словосочетания. Содержание этнонимических блоков позволяет выделить следующие характеристики рассматриваемой лексики:

1) *лексическую многозначность*. Среди этнонимов фиксируются многозначные единицы, отражающие в т.ч. динамику семантических изменений (например, немцы — 1. Основное население ФРГ, а также люди, относящие себя к этой нации. 2. Устар. Иностранцы, чужеземцы);

2) *стилистическую дифференциацию* (например, хохол — 2. Устар. и простореч. Название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное);

3) *различную степень словообразовательной разработанности* (например, стандартная модель фиксации этнонимического блока состоит из 4 лексем: *грузинский, грузины, грузин, грузинка*; нестандартная (расширенная) модель представлена многочисленными однокоренными словами: *англичане, англичанин, англичанка, английский, по-английски, англицизм, англизировать, англизироваться, англомания, англоманство, англоман, англоманский, англосаксы, англосаксонский*.

Словообразовательная активность этнонимов распространяется на терминообразование, в т.ч. на образование наименований дисциплин и научных направлений: германистика (комплекс наук о Германии), американистика (комплекс наук о США), финноугроведение (комплекс наук о финно-угорских народах, их языках и культурах); специалистов, работающих в рамках этих научных направлений: германист (специалист по немецкому языку, литературе и культуре Германии), американист (специалист, по истории и культуре США); языковых заимствований: англицизм (слово или выражение из английского языка. Здесь уместно вспомнить о том, что лингвокультурологический потенциал слова существует непосредственно в языковой системе (Шаклеин, 1999: 191) и может быть описан и интерпретирован лишь в соответствии с системной принадлежностью языковых единиц (Шаклеин, 1998: 99). Эти характеристики исследуемой группы слов позволяют объединять их системные характеристики и культуроносные смыслы в рамках лингвокультурологического подхода к формированию содержания обучения иностранных студентов;

4) *культурную информативность*. Например, широкая семантическая деривация, характерная для этнонимических лексических блоков, включает в семантический объем слова наименования явлений, относящихся к очень разным сферам (миру природы, культуры повседневности и др.), иллюстриру-

ющим широту культурно обусловленных связей, нашедших отражение в русской языковой картине мира: например, слово *китайка* одновременно обозначает плотную ткань (изначально китайского происхождения) и сорт яблок; лексема *полька* объединяет значения: «жительница Польши», «национальный бальный танец» и «вид мужской стрижки»; итальянка — «жительница Италии» и «двухрядная гармошка»; *испанка* — «жительница Испании» и «тяжелая форма гриппа» и др. Поскольку подобная многозначность исследуемой лексики отражает возможности языка аккумулировать и концентрировать в слове самые широкие культурно детерминированные связи, их следует учитывать в процессе преподавании русского языка в иностранной аудитории;

5) *социально-психологическую информативность.* Лексика этнонимических блоков может содержать в своем значении компоненты, указывающие на отношение носителей языка (как позитивное, так и негативное) к тому или иному этносу, имеющее социально-психологический характер, например: германофил (любитель немецкой культуры), германофоб (ненавистник немецкой культуры), англоман (страстный любитель английского), галломания (страстное увлечение французским, доходящее до крайности и др.;

6) *идиоматический потенциал.* Устойчивые словосочетания, включающие исследуемую лексику, отражают различные стороны повседневной культуры, например: *английский замок* (самозакрывающийся, врезаемый в дверь замок с нарезным плоским ключом), *английский костюм* (двубортный костюм с лацканами и небольшим отложным воротником); *английский парк* (сад, парк, устроенный таким образом, что напоминает естественный лес), транслируют символические значения, например, *китайская грамота* (что-либо недоступное пониманию), *китайская стена* (полная изолированность от внешних влияний).

Содержание этнонимических блоков дает основание говорить о том, что исследуемая лексика формирует важный фрагмент русской языковой картины мира, характеризующийся значительным лингвокультурным потенциалом, требующим внимания при обучении русскому языку иностранных студентов.

Учитывая то обстоятельство, что этнотопонимы (наименования стран) не фиксируются в толковых словарях, целесообразно учитывать их ассоциативный потенциал, отражающий знания и представления о мире в языковом сознании носителей языка (Уфимцева, 2014; Deese, 1965).

Как уже отмечалось выше, в РАС в качестве стимулов включены 10 наименований стран. С опорой на количественный метод обработки ассоциативных полей (использование частотных и повторяющихся реакций) и метод семантического гештальта (Караулов, 2000), позволяющий дифференцировать лексику на основании ее связей с внеязыковой реальностью, выделены следующие группы ассоциаций: собственно географические (размер, климат, ландшафт, животный и растительный мир); культурно обусловленные (история,

искусство, политика, экономика, быт и др.); эмоционально-оценочные (психологическое восприятие).

Все повторяющиеся реакции, зафиксированные в РАС на стимулы — наименования стран, имеют следующее процентное соотношение: культура, история и политика — 53, оценочное отношение — 15, географические характеристики: размер, природа, климат, ландшафт, животный мир — 8, прецедентные имена — 5, др. — 18 %.

Ассоциативный потенциал наименований географических объектов является предметом лингвокультурологических исследований, например, городов (Уфимцева, Балясникова, 2021), сторон света (Vasilieva, Huang, 2021). Учет ассоциативного потенциала наименований стран востребован в рамках лингвокультурологического подхода, где сформировалось новое направление, именуемое «лингвокультурология страны», активность которого обусловлена важной ролью образа страны в языковом сознании носителей языка и в рамках современных массовых коммуникаций (Воробьев, Скнарев, Тагаев, 2025: 10).

Выделенные группы ассоциаций позволили сделать следующие обобщения, свидетельствующие о различиях в представлениях о странах в сознании носителей русского языка:

1. Образы стран, состоящие исключительно из географических представлений при отсутствии культурно обусловленных и оценочных:

Австралия: географический статус (страна, материк, континент, остров); климат (жара, солнечная); животный мир (кенгуру, крокодил, коала, обезьяна).

2. Образы стран, в содержании которых отсутствуют собственно географические представления:

Германия — превалируют исторические и политически мотивированные ассоциации (фашисты, война, Гитлер, фашизм и др.);

Франция — превалируют ассоциации, связанные с культурой и искусством страны (Дюма, Гюго, духи, Париж и др.).

3. Образы стран, в содержании которых сочетаются собственно географические и культурно обусловленные представления:

Италия — собственно географические ассоциации (жаркая, солнце, море, тепло); культурно обусловленные (Колизей, Венеция, Возрождение и др.);

Греция — собственно географические представления (солнечная, пекло, жарко); культурно обусловленные (древняя, античная культура, Ахилл).

Эмоционально-оценочное отношение к странам обобщенно можно представить следующим образом: Франция, Италия, Греция, Россия (+), Германия (–/+), Америка, Беларусь, Япония (+/–), Австралия (0).

Рассмотренные ассоциативные поля не только отражают знания респондентов о тех или иных явлениях, актуальные для носителей русского языка, но и передают отношение к ним, составляющее коннотативную зону содержания лексики. Согласно мнению Ю.Д. Апресяна, именно коннотации слова отражают устойчивые признаки выражаемого им понятия, которые воплощают

принятую в данном языковом коллективе оценку существующего предмета или факта действительности (Апресян, 1995: 159). Поскольку именно отношение к явлениям действительности и их оценка составляют самую закодированную зону содержания слова, считаем, что интерпретация ассоциативных полей в обучении русскому языку поможет иностранным студентам понять основания не только позитивных и нейтральных, но и негативных реакций российских респондентов, например, на стимул *Германия* (фашизм, агрессия, враг и др.).

Анализ лексикографических источников дает основания выделить информацию, сопряженную со всеми уровнями содержания лексики, раскрывающую глубинные связи слова с культурой изучаемого языка: *собственно лингвистическую*, свидетельствующую о культурной информативности системных характеристик этнонимов; *психолингвистическую*, эксплицирующую культурные коннотации слова (ассоциации о оценки); *фоновую,* содержащую знания и представления о тех или иных этносах, которые находят отражение в русской языковой картине мира; *идиоматически обусловленную*.

Учитывая междисциплинарность информации, транслируемой лексикой с этническим компонентом значения, считаем актуальным создание интегративного учебного словаря данной лексики, раскрывающего ее лингвокультурологический потенциал.

С опорой на принципы учебной лексикографии, в т.ч. на принцип учета содержания «культурологически детерминированных единиц» (Квон, Рогалева, Никитина, 2025) и принцип разнонаправленной избирательности, предполагающий интеграцию в учебных целях данных различных дисциплин (Васильева, Левина, 2017; Васильева, 2019), разработана структура словарной статьи, включающая расширенные этнонимические блоки лексики, дополненные наименованиями стран, не зафиксированными в толковых словарях:

1. Заголовочные слова блока (наименование страны и народа, проживающего в ней). 2. Грамматические и стилистические пометы к этим словам. 3. Энциклопедическая справка, содержащая общую информацию о стране, актуальную для носителей русского языка. 4. Однокоренные слова с грамматическими и стилистическими пояснениями. 6. Ядерная зона ассоциативных полей, зафиксированных в словарях ассоциативных норм, позволяющая эксплицировать коннотативное (ассоциативное и оценочное) содержание слова. 7. Различные устойчивые словосочетания и обороты. 8. Примеры употребления из классической и современной литературы, иллюстрирующее отношение к тому или иному этносу, характерное для русской языковой картины мира. Использованные в словаре устойчивые словосочетания и обороты, толкования и примеры употребления заимствованы из «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах.[7]

[7] Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л, 1948–1965.

Приводим пример учебной словарной статьи, отражающей лингвокультурологический потенциал этнонимических лексических блоков:

Блок: Италия, итальянцы

Ит**а**лия — сущ. ж. р. — южноевропейская страна.

Энциклопедическая справка. Страна, расположенная в Южной Европе на побережье Средиземного моря. Официальный язык — итальянский. Преобладает католичество. *Столица* — Рим. *Крупные города*: Милан, Неаполь, Венеция, Флоренция, Генуя, Болонья.

Однокоренные слова:

Итальянец — сущ. м. р. Представитель народа романской языковой группы, составляющего основное население Италии.

Итальянка — сущ. ж. р. 1. Представительница народа романской языковой группы, составляющего основное население Италии. 2. (просторечное) Двухрядная гармошка.

Итальянцы — сущ., мн. 1. Народ романской языковой группы, составляющий основное население Италии. 2. Композиторы и исполнители итальянской музыки.

Итальянский — прил. м. р. Относящийся к Италии, итальянцам.

Итальян**и**зм — сущ. м. р. 1. Свойства, качества, присущие итальянской музыке.

2. (научное) Слово, оборот речи, заимствованные в какой-либо язык из итальянского.

Итальяном**а**н — сущ. м. р. О любителе, ценителе итальянской музыки.

Итальяном**а**ния — сущ. ж. р. Увлечение итальянской музыкой.

Итальяном**а**нство — сущ., ср. р. — То же, что итальяномания.

Итальянщина — сущ., ж. р. (разг., пренебрежительно). 1. О свойствах, качествах, присущих итальянской музыке, итальянскому быту. *И в «Тангейзере», и в «Лоэнгрине» можно встретить немало самой ординарной итальянщины. Стасов.* 2. Собир. Музыкальные произведения итальянских композиторов.

По-итальянски — наречие, неизменяемое (говорить по-итальянски, петь по-итальянски).

Наиболее частотные ассоциации*:* Рим, Венеция, мода, опера, футбол, Леонардо да Винчи, Рафаэль, музыка, Эпоха Возрождения, Феррари, Колизей, папа Римский, Феллини, пицца, кино, Софи Лорен, море, Пизанская башня, любовь, темперамент, итальянская кухня, католицизм.

Устойчивые словосочетания и идиоматические единицы*:*

Итальянская музыка — музыка итальянских композиторов.

Итальянское окно — широкое окно, имеющее 3–4 створки.

Итальянская кухня — традиционная кухня Италии, распространенная и популярная во всем мире, в первую очередь, благодаря таким блюдам, как пицца и спагетти.

Итальянская забастовка — вид забастовки, во время которой бастующие являются на место, но не работают, или делают вид, что работают.

Примеры употребления:

Что ж, прекрасно! Италия, небо, солнце и любовь… — говорил он, качая, в волнении, ногой (И.А. Гончаров).

У нас ведь не Италия… страстной любви негде взять, да и искать ее даже неразумно… (А.Н. Островский).

Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо (Н.В. Гоголь).

Заключение

Многочисленный корпус лексических средств с этническим компонентом значения в русском языке характеризуется значительным лингвокультурологическим потенциалом, зафиксированным в лексикографических источниках. Данная лексика, формирующая важный фрагмент русской языковой картины мира, не только отражает географические и этнографические понятия, но и характеризуется глубинным, нередко имплицитным для иностранных студентов лингвокультурным содержанием. Эксплицировать этот потенциал в учебном процессе может помочь интегративный учебный словарь лексики с этническим компонентом значения, который будет содержать информацию о лексической многозначности, стилистической дифференциации, словообразовательной разработанности, культурной маркированности, ассоциативном потенциале и идиоматических возможностях данной лексики. Перспективы исследования связаны с изданием учебного словаря лексики с этническим компонентом значения и его включением в содержание обучения русскому языку иностранных студентов.

Список литературы

Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М. : Наука, 1990. 256 с.

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть парадигматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156–177.

Васильева Г.М. Теоретические и методические ориентиры учебного лингвокультурологического словаря для иностранных студентов-филологов // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 366–381. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-366-381 EDN: BHLTDA

Васильева Г.М., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь сложноподчиненных предложений для иностранных студентов: теоретические и методические ориентиры // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 5–23. https://doi.org/10.17223/22274200/12/1 EDN: OSAGVP

Виноградова М.В. Лингвокультурологический подход к обучению иностранных студентов-филологов глаголам речи, характеризуемой по звучанию и произношению : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 26 с. EDN: SVFPWD

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : РУДН, 1994. 331 с.

Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультурологии // Слово и текст в диалоге культур. М. : МАПРЯЛ, 2000. С. 83–92.

Воробьев В.В., Скнарев Д.С., Тагаев М.Д. Коммуникативная лингвокультурология: истрки, проблемы, перспективы // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7–21. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-1-7-21 EDN: UXYJVI

Доржиева Г.С. Этнотопонимы Квебека // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 113–122. EDN: NDCKQP

Карасик В.И., Шаклеин В.М. Символизация бумаги в русской лингвокультуре // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 81–96. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-1-81-96 EDN: VIZNUJ

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тезисы докладов. М., 2000. С. 107–109.

Квон Ж., Рогалева Е.И., Никитина Т.Г. Учебный кросскультурный словарь: специфика макро- и микроструктурирования (на примере русско-корейского словаря пословиц) // Вопросы лексикографии. 2025. № 35. С. 63–81. https://doi.org/10.17223/22274200/35/4 EDN: OJKNIX

Лаптева М.Л., Фирсова М.А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 424–439. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439 EDN: GBLHRZ

Ли Ю. Лингвокультурологический подход к обучению коннотативно маркированной лексике китайских студентов-филологов (на материале фитонимов) : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб. : СПБГУ, 2018. 26 с.

Мартынова А.О. Лингвометодический потенциал культурно маркированных лексических объединений как основа формирования межкультурной компетенции иностранных студентов : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 24 с.

Некора Н.Е. Лингвокультурологический аспект концепта «болезнь» и его учет в обучении русскому языку американских студентов : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 23 с. EDN: NJHGIL

Рассоха М.Н. Этнонимические наименования как маркеры идентичности в языке и культуре // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 189–196. https://doi.org/10.17223/18137083/31/25 EDN: MWCAMV

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.

Темиргазина З.К., Бачурка М.С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57 EDN: WYDPDY

Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 27–29. EDN: QSYKEP

Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 238–254. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254 EDN: RYOHZG

Шаклеин В.М. Лингвокультурологическая теория в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 1998. № 3. С. 97–101. EDN: TKBAPZ

Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М. : Флинта : Наука, 2012. 301 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурное содержание слова и предложения // Русский язык, литература и культура на рубеже веков : доклады и сообщения российских ученых. Братислава, 1999. EDN: YOSQKI

Ян Х. Формирование филологической компетенции китайских студентов на материале лингвокультурного типажа «русский интеллигент» (магистратура, направление подготовки «Филология») : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 25 с.

Abbasbeyli S.V. On cognitive onomastics // Траектория науки. 2024. Т. 10. № 7. Pp. 6038–6043. https://doi.org/10.22178/pos.106-2 EDN: HHNUXO

Agar-Hutton R. How to deal with verbal agression. London : Troubador, 2003. 112 p.

Chanda V.M. Issues in the Linguistics of Onomastics // Journal of Lexicography and Terminology. 2017. Vol. 1. № 2. Pp. 67–106.

Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimor : The John Hopkins Press, 1965. 298 p.

Reszegi K. A cognitive approach in onomastics: some notes on metaphorical plact-names // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. Pp. 235–244. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.012 EDN: UZSQIZ

Vasilieva G., Huang Z. Geographic images of the four cardinal directions (East, West, North, South) in the linguistic consciousness of Russian and Chinese students // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Springer International Publ., 2021. Pp. 462–474. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8_40 EDN: QRTWPB

Сведения об авторах:

Васильева Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52. *Сфера научных интересов:* лексикология, учебная лексикография, лингвокультурология, методика обучения русскому языку как иностранному, межкультурная коммуникация. ORCID: 0000-0002-4169-0330. SPIN-код 2554-1216. Scopus ID 57201287550. E-mail: filfak_herzen@mail.ru

Дай Жуйчэнь, аспирант кафедры межкультурной коммуникации филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52. *Сфера научных интересов:* лексикология, лингвокультурология, методика обучения русскому языку как иностранному. ORCID: 0009-0002-5303-4290. E-mail: dairuichen0@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-161-175
EDN: RLRKFH

Research article

Linguistic and cultural potential of vocabulary with an ethnic component in teaching Russian to foreign students

Galina M. Vasileva ✉, Ruichen Dai

Herzen State Pedagogical University of Russia, *Saint Petersburg, Russian Federation*
✉filfak_herzen@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is related to the linguistic-cultural potential of vocabulary with an ethnic meaning, having complex systemic characteristics and implicit culturally marked content, that should be included in teaching Russian to foreign students. The

study is aimed at identifying and describing the linguistic-cultural potential of vocabulary with an ethnic component for teaching Russian to foreign students based on lexicographic sources. The main methods used in the study are lexicographic, semantic, quantitative, associative, and interpretative analysis of vocabulary. The study material was a corpus of lexical means with an ethnic meaning (more than 400 units in general totality) collected with a continuous sampling from academic explanatory, semantic, and ideographic dictionaries of the Russian language and coordinated with the "Lexical Minimum in Russian as a Foreign Language. II Certification Level" (select collection). The authors established that vocabulary with an ethnic component is a complex structure, including anthroponyms, ethnonyms, and words with the same root; it contains systemic, connotative, associative and evaluative, background, and idiomatically conditioned culturally marked information. The study demonstrates that the linguistic-cultural potential of this vocabulary must be considered when teaching Russian to foreign students. The research prospects include the creation of a comprehensive educational dictionary "Russian Vocabulary with an Ethnic Component".

Keywords: ethnonyms, ethnotoponyms, ethnonymic lexical units, cultural linguistics, Russian as a foreign language, educational lexicography

Contribution of the authors: Vasileva G.M. — research concept, literature review on the topic, material collection and processing, writing the text; Dai R. — material collection and processing. All authors reviewed the final version of the manuscript.

Conflict of interest. The authors have no conflict of interest to declare.

Article history: received 18.09.2025; accepted 25.12.2025.

For citation: Vasileva, G.M., & Dai, R. (2026). Linguistic and cultural potential of vocabulary with an ethnic component in teaching Russian to foreign students. *Russian Language Studies*, *24*(2), 161–175. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-161-175 EDN: RLRKFH

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 176–194
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-176-194
EDN: RNBHTO

Научная статья

Аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов как элементов современного лингвокультурного пространства

Е.А. Непомнящих

Байкальский государственный университет, *Иркутск, Российская Федерация*
✉trunova.k_86@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу декоративных текстов в лингвоаксиологическом аспекте. Актуальность исследования обосновывается широким распространением отекстованных объектов действительности в современном языковом пространстве. Цель исследования — проанализировать аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов для выявления ценностных доминант аксиосферы коллективного сознания современного русскоговорящего общества. Материалом исследования послужили русскоязычные декоративные тексты на одежде, автомобилях, бенто-тортах, предметах дарения, тексты на одноразовых стаканчиках для кофе, ювелирных изделиях, в интерьере. Анализ ценностной параметризации проводился на основе методов лингвоаксиологической интерпретации, дефиниционного анализа, метода концептуального анализа ключевых слов. В результате проведенного исследования доказано, что декоративные тексты как новый формат существования языка на объектах действительности наряду с бумажными и электронными носителями активно функционируют в современном языковом пространстве в качестве катализаторов ценностных смыслов. Выявлено преобладание Я-менталитета как модели самоидентификации языковой личности, что детерминировано имманентной самопрезентационной функцией декоративных текстов, а также экспансией массовой культуры, для которой самореклама становится нормой. Обнаружено, что в результате намеренного нарушения языковых норм происходит искажение норм аксиологических, ценностные смыслы нивелируются, вытесняясь симулякрами. Установлены аскиологические параметры русскоязычных декоративных текстов: трансляция ценности материальных благ, гедонистического восприятия мира, эгоистического, ассертивного, ассоциального стиля поведения. Перспективы исследования заключаются в расширении выборки русскоязычных декоративных текстов для повышения объективности лингвоаксиологического анализа, а также в изучении аксиологем русскоязычных декоративных текстов, представляющих собой высказывания афористического характера.

Ключевые слова: аксиология, лингвокультура, ценность, симулякр, самопрезентация, самоактуализация, Я-менталитет, лингвистическая креативность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Непомнящих Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 05.10.2025; принята к печати 18.12.2025.

Для цитирования: *Непомнящих Е.А.* Аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов как элементов современного лингвокультурного пространства // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 176–194. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-176-194 EDN: RNBHTO

Введение

Современное языковое пространство включает в себя множество текстовых новообразований, среди которых особый интерес представляют русскоязычные декоративные тексты. Украшать смыслами объекты действительности стало возможно в связи с появлением новых технических средств, позволяющих наносить вербальные символы на поверхности любых предметов — одежды, посуды, ювелирных изделий, продуктов питания, транспорта, стен и зданий. Текстовые принты пришли на смену рисункам, узорам, орнаменту и в некоторых случаях воспринимаются как полноценные произведения искусства (рис. 1), размещаясь одиночно или в совокупности с графическими элементами.

Рис. 1. Текстовая картина «ПОРА ОТКРЫВАТЬ СЕБЯ»

Источник: Интернет-магазин «Wildberries». URL: https://www.wildberries.ru/catalog/517164791/detail.aspx?size=714787601 (дата обращения: 11.09.2025).

Мода на отекстовывание предметов вызвана трансформациями в сознании представителей современного общества. Смена культурной парадигмы в связи с процессами глобализации, экспансия массовой культуры формирует общество, для которого характерно конструирование определенного образа в глазах окружающих, позволяющего продемонстрировать свою уникальность и «социально-идеологическую, интеллектуально-оценочную и коммуникативную позицию в мире» (Захарова, Ежикова, 2018: 58). Истоки данного явления кроются в стирании границ между реальным и виртуальным пространством, для которого создание сетевого образа является имманентным и в котором «люди демонстрируют себя и в то же время оценивают других, собирая новый «материал» для будущей трансляции собственного Я» (Шамаева, Зуева, 2021: 37). В русскоязычных декоративных текстах язык становится средством самовыражения: приобретая отекстованную вещь или размещая текстовый принт на автомобиле, языковая личность тем самым демонстрирует определенные ценностные смыслы, транслируемые в тексте и конгруэнтные ценностным кодам личной аксиосферы. Вышесказанным объясняется **актуальность** настоящего исследования. Анализ лингвоаксиологической составляющей русскоязычных декоративных текстов необходим для выявления элементов

аксиосферы современного русскоговорящего общества, которые отражают систему ценностей как «высших ориентиров поведения» (Карасик, 2012: 43) конкретного индивида.

Декоративные тексты не выделялись в современной лингвистической науке в особую группу текстовых новообразований, функционирующих исключительно на объектах действительности. При этом очевидно, что мы имеем дело с новым способом существования языка на предметах как особых текстовых носителях наряду с бумажными и электронными. Поскольку прагматический контекст восприятия текста определяется экстравербальными условиями его функционирования, русскоязычные декоративные тексты представляют собой новый языковой формат опосредованной коммуникации, зафиксированной в письменной форме (Непомнящих, 2025).

Среди русскоязычных декоративных текстов наиболее изучены тексты на одежде, которые рассматриваются как способ вербальной коммуникации (Захарова, Ежикова, 2018; Мартынова, 2019) в аспекте прагматического (Шарифуллин, 2009) и функционального (Ивус, 2012) подходов. При этом исследователи отмечают, что «одежда становится способом вербальной декларации этических, идеологических составляющих личности и презентацией языковой личности носителя русской культуры» (Захарова, Ежикова, 2018: 61). Другие русскоязычные декоративные тексты не подвергались лингвоаксиологическому анализу ни в одной из известных нам работ. Современные лингвисты изучают в аспекте лингвоаксиологии различные типы дискурса: цифрового и медийного (Кокина, 2019), спортивного (Дигалев, Карасик, 2025), военно-политического (Лобанова, Середенко, 2025), «дискурса культуры отмены» (Аракелова, 2025). Работы зарубежных исследователей-лингвоаксиологов посвящены изучению образовательного пространства: взаимосвязи между профессиональными ценностями и коммуникативными навыками на иностранном языке для формирования профессиональной речевой культуры (Galskova, Komochkina, Poliakova, 2025), вопросам «академической честности» в условиях цифрового образования (Zlenko, Smyrnova, 2025). Проблемы ценностей привлекают внимание исследователей разных стран (Bhattacharjee, 2025; Pritchard, 2025). Однако многие российские исследователи работают на материале англоязычных текстов, что неактуально для описания современной лингвоаксиосферы как составляющей лингвокультурной ситуации в России.

Цель исследования — проанализировать аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов для выявления ценностных доминант аксиосферы коллективного сознания современного русскоговорящего общества.

Методы и материалы

В качестве **материала** исследования были проанализированы различные русскоязычные декоративные тексты, которые не содержат прямой идентифицирующей товар или бренд информации: на одежде, автомобилях, бенто-

тортах и других предметах дарения (в рамках подарочного маркетинга), тексты на одноразовых стаканчиках для кофе, ювелирных изделиях (за исключением текстов теологической семантики), в интерьере (наклейки, надписи из неоновых трубок и светодиодных лент), а также текстовые картины и панно. Материал собран в реальной жизни (г. Иркутск) и по соответствующим запросам в поисковых системах Рунета, на маркетплейсах Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет, в ювелирных интернет-магазинах SOKOLOV и SUNLIGHT. Картотека насчитывает более 1000 единиц. В примерах текстов по возможности сохраняется исходная графика, знаком слэш (/) обозначается абзацное членение текста при отсутствии необходимого в соответствии с правилами пунктуации знака препинания.

Аксиологические параметры русскоязычных декоративных текстов выявляются на основе применения методов лингвоаксиологической интерпретации, дефиниционного анализа, метода концептуального анализа ключевых слов.

Методология исследования опирается на ключевые понятия теории ценностей, оценки и способов ее реализации в языке через актуализацию особо значимых смыслов. Предметом исследования выступает репрезентация аксиологических параметров русскоязычных декоративных текстов посредством экспликации доминант аксиосферы.

В своем исследовании мы опираемся на ключевые понятия лингваксиологического анализа, которые были разработаны лингвистами Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 2003) и Е.М. Вольф (Вольф, 2009), описывавшими виды оценочной семантики и способы ее реализации. Теоретической базой исследования также послужили значимые для лингвоаксиологии труды В.И. Карасика (Карасик, 2012, 2024), Е.Ф. Серебрянниковой (Серебрянникова, 2011, 2024), Н.Н. Казыдуб (Казыдуб, 2009; Казыдуб, Кламер, 2023).

Результаты

Языковое пространство декорируется посредством вербальных «рисунков». Исследование подтверждает гипотезу о том, что русскоязычные декоративные тексты как новый формат существования языка на объектах действительности наряду с бумажными и электронными носителями являются экспликаторами ценностных смыслов и отражают аксиологические ориентиры современного русскоговорящего общества.

Выявлено преобладание Я-менталитета как модели самоидентификации языковой личности, что детерминировано имманентной самопрезентационной функцией русскоязычных декоративных текстов, а также экспансией массовой культуры, для которой самореклама становится нормой.

Декоративные тексты выстраиваются на основе различных приемов лингвистической креативности, вследствие чего обладают высокой аттрактивностью.

Искажение аксиологических норм, нивелирование ценностных смыслов и замена их симулякрами происходит вследствие намеренного нарушения языковых норм. Симулятивная сущность декоративных текстов объясняется их двухвафозовой адресатной направленностью. Аксиологическая параметризация декоративных текстов происходит на вербально-концептуальном уровне путем актуализации аксиологем, а также на прагматическом уровне в результате создания фасцинативного эффекта.

В русскоязычных декоративных текстах как элементах современного лингвокультурного пространства выявлены аксиологические параметры, представляющие собой дескрипции ценностных доминант, являющихся частью аксиосферы современного коллективного сознания русскоговорящей языковой личности: ценность материальных благ, гедонистическое восприятие мира, эгоистический стиль поведения.

Поскольку ценностные характеристики реальности являются основой лингвокультуры, проведенное исследование вносит вклад в описание современной лингвокультурной ситуации в России, позволяет наблюдать особенности трансформации ценностных кодов при конструирования Я-образа и его трансляции посредством языка, а также при формировании процессов самоидентификации и социализации языковой личности в условиях современных культурных преобразований.

Обсуждение

Русскоязычные декоративные тексты как экспликаторы ценностных смыслов

Декоративный текст — это «текст (текстовый принт), нанесенный на поверхность объекта действительности, выступающий как декоративный и вербально-смысловой элемент данного объекта» (Непомнящих, 2025: 1488), а также любой материальный текст — текст, в котором вербальные символы выполнены из каких-либо материалов (декоративный хэштег для фотосессии, топпер для торта или букета и т.д.).

Русскоязычные декоративные тексты являются визуально-смысловым украшением предмета или пространства (т.е. текст в данном случае воспринимается как вербальный рисунок) и функционируют в рамках маркетингового дискурса, в который вовлечены все, кто вступает в товарно-денежные отношения. При этом аксиологизация дискурса понимается как «способ усиления оценочного компонента концептуализации предмета на основе активизации дискурсивного интерпретативного мышления субъектов в проблемно осмысляемых контекстах путем апелляции к семиотическому ценностному измерению языка, его словарю и грамматике» (Серебрянникова, 2024: 110). Хотя понятие «предметный дискурс» не встречается в современных лингвистических исследованиях и тексты на предметах не изучаются как особый формат функционирования языка, очевидно, что один и тот же текст, нанесенный как принт на реальный предмет и написанный от руки

на листе бумаги, будут иметь совершенно разный уровень «усиления оценочного компонента».

Маркетологи, создавая русскоязычные декоративные тексты как инструмент для продвижения товаров и услуг, используют активизацию эмоционального интеллекта потребителя, что делает декоративные тексты высоко аттрактивными (рис. 2).

При этом смысл текста становится основополагающим критерием, определяющим ценность реального предмета: так, например, существуют целые серии декорированных текстами футболок, которые в плане товарных характеристик ничем друг от друга не отличаются (одинаковый фасон, состав ткани, цвет и т.д.), т.е. выбор потребителем того или иного варианта определяется именно особенностями текстового декора.

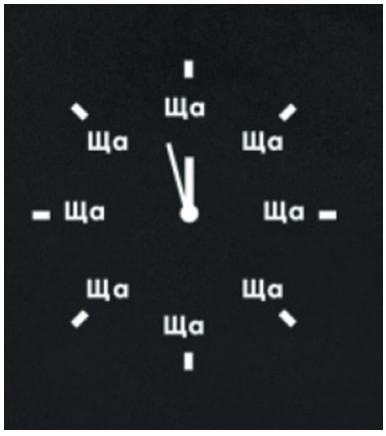

Рис. 2. Футболка с изображением циферблата часов в виде слова *ща*

Источник: Интернет-магазин «Wildberries». URL: https://www.wildberries.ru/catalog/343383525/detail.aspx?size=510602895 (дата обращения: 11.09.2025).

Усиление стоимости реального объекта действительности происходит за счет подключения ценностных смыслов, объективируемых в декоративном тексте. Так, у потребителя всегда есть выбор приобрести вещь без текстового оформления или с текстом. При выборе отекстованного предмета материальные характеристики товара отходят на второй план, поскольку «перекрываются» нематериальными ценностями — креативностью декоративного текста, формирующего его аттрактивность, новизной эксплицируемых смыслов.

С одной стороны, маркетологи ориентируются на ценностные установки среднестатистического потребителя: товар будет востребован, если коммуникант сможет найти закодированные в декоративных текстах установки, идентичные собственным ценностным ориентирам. С другой стороны, выбор всегда ограничен конкретными коммерческими предложениями, которые в своей совокупности складываются в систему якобы востребованных вариантов, что формирует в сознании потребителя моду на определенные ценностные стимулы. В связи с этим культивация определенных ценностных смыслов может искажать аксиологические установки языковой личности, деструктивно влияя на персональную аксиосферу.

О.Е. Павловская и Л.Е. Ильина (Павловская, Ильина, 2024: 420) в рамках лингвоаксиологического подхода рассматривают постфольклорный текст, относя к «малым жанрам постфольклора» довольно разнородные тексты, среди которых встречаются и тексты, используемые в качестве декоративных: поздравления (в качестве декоративных текстов мы рассматриваем тексты на бенто-тортах), афоризмы, пословицы (анти-пословицы), цитаты и псевдоцитаты. Изучать русскоязычные декоративные тексты в аспекте их принад-

лежности к постфольклору, на наш взгляд, не совсем корректно по причине их целенаправленного создания маркетологами. При этом очевидно, что некоторые наиболее удачные креативные текстовые реализации начинают массово тиражироваться и «уходят в народ», т.е. получают устоявшуюся семантику: *Я ЗА ЧТО ПЛАЧУ НАЛОГИ? ВОВА, ДИМА, ГДЕ ДОРОГИ?!* (на авто); *Спасибо деду за победу!* (на авто); или же, наоборот, маркетологи могут использовать уже ставшие крылатыми текстовые новообразования, зачастую прецедентные: *ТЫ ЗАХОДИ, ЕСЛИ ЧТО* (на стаканчике для кофе; в интерьере); *засыпай с мечтой — просыпайся с целью* (текстовая картина); *ГРАНИЦЫ СУЩЕСТВУЮТ ТОЛЬКО В НАШЕЙ ГОЛОВЕ* (текстовая картина); *ТВОЯ / ЖИЗНЬ — ТВОИ / ПРАВИЛА* (в интерьере).

Русскоязычные декоративные тексты имманентно содержат аксиологическую валентность, поскольку слова, нанесенные на предмет или размещенные в пространстве, автоматически усиливают свою ценность, формируя аксиологический «белый шум». Реальное пространство в значительной степени не заполнено словами, и те вербальные символы, которые встречаются в письменно зафиксированном виде на объектах действительности, воспринимаются случайными реципиентами как аксиологически значимые для адресанта. Ценностные коды начинают «работать» на уровне нейролингвистического программирования: актуализация определенных лексических единиц и смыслов, вызываемых их сочетанием, тиражирование идентичных аксиологических стимулов приводит к культивации определенных ценностных кодов, которые выстраиваются в систему аксиологических координат.

Итак, экспликация ценностных смыслов в русскоязычных декоративных текстах детерминирована их самопрезентационной функцией, которая проявляется в ориентации на коллективного адресата и обусловливает манифестацию аксиологических кодов на основе Я-позиции. Самопрезентация — определяющая черта русскоязычных декоративных текстов. Каждый такой текст представляет собой акт коммуникации в аспекте либо прямой трансляции Я-образа, либо косвенной, поскольку выбор языковых средств как фактор речевого поведения так или иначе характеризует языковую личность.

Я-менталитет как модель самоидентификации современной языковой личности

Коммуникативное поведение современной языковой личности характеризуется публичной манифестацией мировоззренческих установок посредством декоративных текстов. С помощью текстового декора языковая личность публично презентует себя и, надевая вещь с текстовым принтом, подтверждает когерентность постулируемых смыслов с кодами личной аксиосферы.

В данном случае текст на личном предмете можно сравнить с текстом на упаковке товара, который рассматривается как обязательный атрибутивный текст — для идентификации названия и производителя. Нередко на упаковку

наносится и слоган компании как средство воздействия на потенциального потребителя путем формирования узнаваемости бренда через создание его определенного образа. Использование декоративных текстов позволяет «брендировать» языковую личность, т.е. формирует ее образ через создание вербально-смысловой «упаковки», «обертки», что «нарушает традиционное русское представление о скромности как запрете на саморекламу» (Захарова, Ежикова, 2018: 58) в аспекте исконного соборного, а позднее коллективного национального русского самосознания. Огромное количество Я-конструкций в декоративных текстах — изменение коммуникативного, а значит и социального поведения — свидетельствует о глубинных ментальных трансформациях под влиянием массовой культуры.

Данное языковое явление отражает усиление доминирования эгоцентричной модальности самоидентификации субъекта — дивергентного Я-менталитета, в котором субъект выступает как суверенный носитель свободного сознания: «Эгоцентричное сознание исходит из презумпции всеобщего равенства, мнение каждого имеет право на существование, высшей ценностью бытия признается самоактуализация личности и вытекающая отсюда креативность в общении» (Карасик, 2012: 47). Самоактуализация как ценность современного эгоцентричного сознания проявляется в частотной экспликации ценностных дескрипций, свойственных лидеру: «Качества дискурсивной личности лидера относятся к высшему уровню когнитивной структуры личности, — ее «направленности», включающей ценностные ориентации субъекта, сосредоточенного на своих целях, планах и мечте…» (Козлова, 2024: 84). Мотивирующая семантика многих русскоязычных декоративных текстов, независимо от объекта их размещения, конструируется путем актуализации аксиологем *цель* и *мечта*: *Люди, у которых есть цели, добиваются успеха*; *живи целью, а не проблемой* (в интерьере); *Найди цель ресурсы найдутся* (текстовая картина); *Мечтать не вредно*; *Мечту никогда не забудешь*; *ПРЕВРАЩАЙ мечты в цели*; *Мечтай / планируй / действуй* (в интерьере); *Мечтай* (на кольце; в интерьере); *Мечты сбываются* (на кольце; в интерьере); *Будущее принадлежит тем, кто верит в свои мечты*; *Мечтай и действуй*; *пей кофе мечтай и действуй*; *Мечта рядом!* (на стаканчиках для кофе).

Таким образом, в русскоязычных декоративных текстах происходит самоактуализация личности посредством ассертивного коммуникативного поведения, связанного с процессами самоидентификации: *Я НЕ УПРЯМЫЙ, Я ПРОСТО ВСЕГДА ПРАВ*; *ТАКОГО КАК Я НЕ БЫЛО, НЕТ И НЕ БУДЕТ* (на одежде).

При этом наблюдаются дивергентные аксиологические дескрипции — от пейоративов (1) до гипертрофированных дифирамбических самооценок (2):

1. *ДУШНИЛА* (на одежде; на авто); *Душниле от Абьюзерши* (на торте); *НЕ САХАР*; *ПСИНА*; *СИЛЬНАЯ ДУХОМ / СЛАБАЯ КУКУХОЙ; ТЯЖЕЛО БЫТЬ ДУШНИЛОЙ, НО Я СТАРАЮСЬ*; *ГЛАВНОЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ, И НЕ ВАЖНО, КАКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАПИШЕТ ПСИХИАТР*; *ВО МНЕ*

ДАЖЕ КРОВЬ ТЕЧЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ, ЧТО УЖ ГОВОРИТЬ О ХАРАКТЕРЕ; *ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СУЕТОЛОГ*; *ВЕЧНО МОЛОДОЙ, ВЕЧНО НЕДОВОЛЬНЫЙ, КАК СТАРЫЙ БЛИН ДЕД*; *ТЯЖЕЛЫЙ ХАРАКТЕР ПОТОМУ ЧТО ЗОЛОТОЙ* (на одежде); *вполне уравно-бешенная*; *волшебная на всю голову* (топпер).

2. *ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ ОСТАЛОСЬ МАЛО БЕРЕГИТЕ МЕНЯ*; *СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО ЕСТЬ Я*; *МУЖИК НАСТОЯЩИЙ 100% (ИСЧЕЗАЮЩИЙ ВИД)*; *ПО ГОРОСКОПУ Я БОГИНЯ*; *КРАСИВАЯ, СМЕШНАЯ, ПОШЛАЯ… БОЖЕ, ДА Я ИДЕАЛЬНАЯ*; *КОГДА ТЫ ЛУЧШИЙ ТРУДНО БЫТЬ СКРОМНЫМ*; *РУКАСТЫЙ МУЖИК*; *ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА* (на одежде).

Аксиологически разнополюсные самоидентификации связаны с культурными трансформациями: «Современные люди — это, возможно, первое поколение, которому свойственен массовый нарциссизм, колеблющийся между самоуверенностью и осознанием собственной никчемности» (Шамаева, Зуева, 2021: 38). «Ценностные качели» могут деструктивно влиять на самоидентификацию языковой личности, поскольку культивация пейоративных оценок может приводить к искажению ценностной нормы: происходит симулятивная подмена ценностных кодов из ориентира «я не как все» в ценностный вектор «нормально быть ненормальным».

Русскоязычные декоративные тексты как письменно зафиксированные акты речевого поведения эксплицируют ценностные ориентиры языковой личности. При этом обладатель отекстованного предмета не является автором текста, а как бы «присваивает» себе авторство. Следовательно, декоративный текст характеризуется двухуровневой адресатной направленностью: от маркетолога к потребителю и от потребителя как индивидуальной языковой личности к другим представителям общества — случайным реципиентам. «Примерив» на себя постулируемые смыслы, потребитель «приобретает» текст; далее текст направляется уже коллективному адресату, который оценивает обладателя декоративного текста, формируя посредством текстового декора определенный образ. В связи с этим некоторые исследователи считают, что посредством подобных текстов, которые являются тиражируемыми, может проявляться не индивидуальность языковой личности, а ее «псевдоиндивидуальность» (Мартынова, 2019: 83), т.е. декоративные тексты типизируют, маркируют способы проявления собственного Я. Насколько образ, создаваемый русскоязычными декоративными текстами, коррелирует с качествами характера реального человека, остается неизвестным, в связи с чем особо актуальным в современной культуре становится понятие «симулякр».

Симулякры как псевдоценности массовой культуры

Известно, что «ценности являются концентрированным выражением культуры» (Карасик, 2012: 45) и понимаются как «определенным образом сгруппированные принципы, предпочтения, нормы, идеалы, формирующие

«аксиосферу» и аксиологическое измерение языка» (Кокина, 2019: 196). Однако современная массовая культура характеризуется тиражированием ценностей как «представлений о необходимом стиле поведения, образе жизни, карьере, отношениях между людьми, идеологических принципах» (Захарова, Ежикова, 2018: 60), поэтому значимым становится «противопоставление истинно культурных, квазикультурных и псевдокультурных значений» (Карасик, 2024: 146).

Симуляция, по Ж. Бодрийяру, — это «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» (Бодрийяр, 2013: 204). По мнению многих исследователей, «человечество живет в гиперреальности, в которой социокультурные факты утрачивают связь с объективным миром, становясь автономными симулякрами» (Шамаева, Зуева, 2021: 35). Это происходит в связи с «размыванием в современном обществе той грани, которая прежде отделяла реальность от ирреальности, действительную жизнь от мнимых или искусственных фрагментов (например, спектакля), настоящую политику от постановочных представлений или шоу» (Петряков, 2024: 77–78). В связи с этим понятие «симулякр» становится ключевым для понимания современных социокультурных процессов и определяется как «знак, оторванный от денотата, существующий в специфическом пространстве псевдосемиозиса, осмысливаемом как гиперреальность» (Карасик, 2012: 45).

На наш взгляд, Я-менталитет как преобладающая сегодня модель самоидентификации языковой личности сконструирована на основе экспансии в массовой культуре симулякров как «системы мнимых ценностей» (Новикова, 2016: 69), в которой «индивид, опьяненный собственным отражением, теряет связь с реальностью» (Шамаева, Зуева, 2021: 38). В результате стирания границ между реальным и ирреальным происходит «отрицание знака как ценности», что является «одним из признаков тотального отрицания ценностей, свойственного постмодернистскому мировосприятию» (Карасик, 2012: 45), а также «дискурсу отмены» (Аракелова, 2025). В языке это проявляется в «нарушении логических категорий, создании различного рода алогизмов, смысловой двусмысленности, неоднозначности, что часто служит способом разрушения идеологических догм» (Захарова, Ежикова, 2018: 59), т.е. фактически в лингвокреативной модели речевого поведения. Следовательно, массовая креативность, наблюдаемая сегодня в языке, — результат формирования Я-менталитета с его «эгоцентричной коммуникативной практикой, которая в значительной мере является игровой» (Карасик, 2012: 47). Посредством языковой игры может происходить деформация базовых ценностных смыслов. Так креативность текста *АНГЕЛ* с графическим изображением пламени достигается путем рассогласованности вербального и иконического кодов, что в результате декодирования текста формирует смысловой симулякр на уровне когнитивного искажения. При этом текст имеет ярко выраженную семантику «заплюсовывания» негативной части высказывания: иконический

элемент в данном случае оказывается сильнее вербального, становясь смысловой доминантой текста. По мнению многих исследователей, одной из ведущих тенденций современной массовой культуры становится ее демонизация как результат «идеологемы расчеловечивания» (Маленко, 2023: 13–14): *Я АНГЕЛ, ЧЕСТНОЕ СЛОВО! ПРОСТО НА МЕТЛЕ БЫСТРЕЕ*; *РЯДОМ СО МНОЙ ДАЖЕ ДЬЯВОЛ ЧИТАЕТ МОЛИТВУ* (на одежде).

Таким образом, симулятивная сущность русскоязычных декоративных текстов проявляется в актуализации определенных ценностных смыслов посредством лингвистической креативности как процесса нарушения языковой нормы, искажающего ценностные коды аксиосферы. «Появление и умножение симулякров — тревожное свидетельство кризиса» (Карасик, 2012: 45).

Вопрос о том, насколько объективный образ создают сегодня коммуниканты посредством декоративных текстов, остается открытым в связи с тем, что «каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными симулятивными моделями» (Бодрийяр, 2000: 157). При этом абсолютно очевидно, что постоянная культивация определенных ценностных смыслов, в т.ч. в тиражируемых декоративных текстах, приводит к «значительным искажениям традиционных представлений человека о самом себе и своем месте в обществе» (Маленко, 2023: 13–14).

Однако, тот факт, что на сегодняшний день русскоязычные декоративные тексты встречаются на самых разнообразных предметах, а в маркетплейсах существует множество компаний, в буквальном смысле продающих слова, говорит о том, что мода на отекстованные вещи сохраняется, а значит, маркетологи продолжают задавать декоративным текстам определенные ценностные параметры.

Ценностные доминанты современных декоративных текстов

Одна из важнейших функций языка — «концентрированное хранение культуры в виде закодированных ценностей в содержании языковых единиц» (Карасик, 2024: 145). Ценности кодируются в языковых знаках с разной концентрацией. Ключевым понятием лингвоаксиологии является аксиологема, понимаемая как «языковой репрезентант аксиологического смысла» (Казыдуб, 2009: 134); «языковая номинация, воплощающая ценностные категории определенной лингвокультуры» (Казыдуб, Кламер, 2023: 125). Процесс аксиологической параметризации, таким образом, представляет собой «формирование системы аксиологических координат путем выдвижения в фокус дискурсивного события аксиологем» (Казыдуб, Кламер, 2023: 125). Аксиологемы как катализаторы аксиологических концептов могут выступать в качестве аттракторов, «синергийно порождающих прагматический эффект вовлечения в событие в концептуальной структуре ценностного смысла» (Серебрянникова, 2024: 115).

Аксиологическая параметризация русскоязычных декоративных текстов формируется на вербально-концептуальном и прагматическом уровнях.

На вербально-концептуальном уровне система аксиологических координат декоративных текстов, с одной стороны, репрезентуется посредством аксиологем, транслирующих вечные ценности, которые необходимы для «инкультурации и социализации по оси семиотического континуума передачи особо значимых смыслов» (Кокина, 2019: 196): *Счастье там, где семья*; *Все начинается с любви*; *Добрые слова могут быть короткими и простыми, но эхо от них просто бесконечно*; *Добро пожаловать домой* (в интерьере).

С другой стороны, анализ русскоязычных декоративных текстов выявил значительный сдвиг в пользу культивации материальных благ, гедонистического восприятия мира, эгоистического, ассертивного и даже ассоциального стиля поведения. Данные аксиологические доминанты получают свою актуализацию в результате симулятивной подмены устоявшихся ценностных стереотипов и их разрушения путем эксплицитной или имплицитной оценки аксиологической нормы. Это происходит с помощью прагматического приема использования лингвистической креативности в аспекте языковой игры, креолизации текстов, трансформации устойчивых выражений и прецедентных новообразований. Таким образом, на прагматическом уровне аксиологическая параметризация русскоязычных декоративных текстов конструируется с помощью эффекта фасцинации, реализуемого при помощи создания высоко аттрактивных текстов, способных вызвать невольное одобрение адресата с семантикой сказанного.

Аксиологема *деньги* транслируется посредством имитации диалоговых высказываний от первого лица, прямых самохарактеристик языковой личности, актуализации прецедентных смыслов, а также псевдодефиниций: *ВЕРЮ ЛЮДЯМ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРЕДОПЛАТЫ*; *Я ЗДЕСЬ ТОЛЬКО РАДИ ДЕНЕГ*; *БУДУЩИЙ МИЛЛИАРДЕР*; *За деньги ДА!*; *Деньги (сущ.) единственное, что я могу серьезно принимать на свой счет* (на одежде). В последнем примере происходит сужение семантики фразеологического выражения *принимать на свой счет* до материальной составляющей (*банковский счет*). Культивация стереотипа поведения независимого человека, которому не важно чужое мнение, реализуется посредством трансформации устойчивых выражений — *ВАШЕ МНЕНИЕ ОЧЕНЬ ВАЖНО ДЛЯ ВАС*; *МИНИСТЕРСТВО НЕ ТВОИХ СОБАЧЬИХ ДЕЛ* (на одежде), а также прямой пейоративной оценки коллективного адресата: *БЕСИШЬ*; *ФУ, ЛЮДИ* (на одежде).

В тексте *MONEYПУЛЯТОР* (на одежде) происходит гибридизация латинского и кириллического письма на основе созвучия английского слова *money* (*деньги*) и первых двух слогов лексемы *манипулятор*, что в совокупности формирует самопрезентацию языковой личности как человека, ориентированного на деньги как высшую материальную ценность.

В тексте *Ничего не дано. Все заработано* (в интерьере; графическое изображение баскетбольного мяча и лицо американского баскетболиста Леброна Джеймса) креативность достигается путем использования прецедентного имени известной личности, которая после декодирования текста должна попасть в референтную группу адресата. Это, в соответствии

с иллокутивной целью, должно произойти на основе перлокутивного эффекта текста, вызванного семантизацией оценки честного заработка как способа достижения успеха.

В русскоязычных декоративных текстах наблюдается трансляция структурно осложненного концепта *здесь и сейчас*, призванного актуализировать аксиологему *сила момента*. Текст *всему свое время* с изображением песочных часов, в которых слово *свое* «сыпется», как песок, пресуппозитивно объективирует ценность времени, которая репрезентуется в декоративных текстах как безусловная ценность прямыми номинациями: *Нет ничего более важного, чем этот момент*; *Время для счастья — сейчас! Место для счастья — наш дом!* (в интерьере); *Время для счастья сейчас! Место для счастья здесь!*; *Когда, если не сейчас?* (на стаканчике для кофе); *Здесь и сейчас* (на кольце); *СЕЙЧАС ЛУЧШИЙ МОМЕНТ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ*; *СЕЙЧАС САМОЕ ВРЕМЯ ЖИТЬ СВОЮ ЛЕГЕНДАРНУЮ ЖИЗНЬ* (текстовые картины); *Этот день обмену и возврату не подлежит!*; *ТО САМОЕ ВРЕМЯ, ТО САМОЕ МЕСТО* (в интерьере). С одной стороны, такие тексты имеют ярко выраженную мотивирующую тональность, проявляющуюся в формировании ценности жизни, рационального использования времени. С другой стороны, они способствуют формированию гедонистического типа личности, принимающей решения на основе удовлетворения сиюминутных потребностей, не способной мыслить прогностически, думать о последствиях: *сейчастье* (на одежде); ~~*Вчера*~~ *Сейчас* ~~*Завтра*~~ (текстовая картина).

Гедонистическое восприятие мира позволяет расшатывать привычные нормы поведения. В проанализированных текстах отчетливо наблюдается культивация значимости алкоголя, создаваемая различными приемами лингвокреативности:

– имитацией диалогового общения: *ТИХО! Я С ПОХМЕЛЬЯ*; *В ПРИНЦИПЕ Я МОГУ И НЕ ПИТЬ, НО У МЕНЯ НЕТ ТАКОГО ПРИНЦИПА*; *НАСТРОЕНИЕ PROSECCO* (на одежде); *НАЛИВАЙ, А ТО УЙДУ!* (топпер); *Ну что же вы молчите?! Наливайте!* (в интерьере);

– обращением к прецедентным высказываниям: *Мы искали счастье, но нашли вино* (на одежде); *выпьем за любовь!* (топпер);

– псведодефинициями: *НаКатя (от др.-греч.) Катя, которая любит накатить* (на одежде); *ПьЮЛИЯ (Неопределившаяся Юлия)* (на кружке);

– прямыми характеристиками языковой личности: *пьяная и счастливая!* (топпер).

Распитие спиртного как отрицательная характеристика человека транслируется в декоративных текстах в аксиологему, способную привести к валоризации алкогольной зависимости ввиду формирования ценностного стереотипа об употреблении алкоголя как норме поведения в современном обществе: *H2O — ДЕВИЗ НЕ НАШ / НАШ — C2H5OH* (на одежде; химическая формула этилового спирта). В тексте *ЗАВЯЗАТЬ С АЛКОГОЛЕМ Я МОГУ ТОЛЬКО ПАКЕТ* (на одежде) на уровне языковой игры происходит расширение значе-

ния устойчивого выражения *завязать с алкоголем*, что приводит к объективации семантики невозможности отказаться от употребления спиртного. Сочетание *пакет с алкоголем* характеризует масштаб употребления.

Текст *БУХАТЬ — ЭТО ВАМ НЕ СПОРТОМ ЗАНИМАТЬСЯ, ТУТ НУЖНО ЗДОРОВЬЕ ИМЕТЬ* (на одежде) имитирует разговорную речь с жаргонизмами. Аксиологический вектор направлен на создание героического образа человека, который имеет возможность употреблять алкоголь в результате своей генетической исключительности. Личная оценка автора текста как «индивидуальное выражение мнения» (Зубова, 2025: 173) выдается за объективную.

В некоторых текстах лингвистическая креативность строится на замещении лексемы в устойчивой структуре, например, создание на основе названия вина, написанного латиницей, окказионализма, замещающего отчество: *ДАША PROSECCOvna Moode*) (на одежде).

В русскоязычных декоративных текстах происходит замена лексических элементов в устойчивых выражениях, позволяющая сломать ценностный стереотип путем его «высмеивания» на уровне языкового искажения: *ЗА ВСЕ В ЭТОЙ ЖИЗНИ ПРИХОДИТСЯ ПИТЬ*; *МЕНЬШЕ СЛОВ / БОЛЬШЕ ВИСКИ* (на одежде); *БЕРУ ВСЕ ВИНО НА СЕБЯ!* (топпер).

Прием подмены ценностного значения симулятивным используется очень часто: *РАБОТАЮ, ЧТОБЫ МОИ КОШКИ НИ В ЧЕМ НЕ НУЖДАЛИСЬ* (на одежде; замена в устойчивом выражении лексемы *дети* на лексему *кошки*); *ЕСЛИ ВАШЕ СЧАСТЬЕ НЕ В ДЕНЬГАХ ШЛИТЕ ИХ МНЕ* (на одежде; аннуляция ценностного смысла пословицы *Не в деньгах счастье* путем актуализации пресуппозиции *мое счастье в деньгах*); *НЕ ОТКЛАДЫВАЙ ДО УЖИНА ТОГО, ЧТО МОЖЕШЬ СЪЕСТЬ ЗА ОБЕДОМ* (текстовая картина; замена глагола *сделать* в исходной пословице на глагол *съесть*); *ты веришь в любовь с первого укуса?* (в интерьере; замена лексемы *взгляд* в устойчивом выражении на лексему *укус*). Искажения ценностных смыслов формируются на основе положительной оценки негативных явлений, что приводит к сдвигу вектора нормальности: *ПЕРВЫЙ МУЖ ВСЕГДА КОМОМ* (на торте); *ТЕРПЕНИЕ И ТРУД… ВСЁ, Я УСТАЛ* (на одежде); *ТЫ ЭТО… ПОСИГНАЛЬ, ЕСЛИ ЧТО* (на авто).

Поскольку «вербальное воплощение ценностей связано с процессом оценивания как актом установления ценностного отношения через оценку, посредством которой формируется аксиологический компонент языковой семантики» (Семенова, Налобина, 2025: 198), трансформированные пословицы и устойчивые выражения имеют явный симулятивный характер за счет обесценивания привычных аксиологических кодов и разрушения ранее сформировавшейся «конвенциальной, коллективной» интерпретации (Нелюбова, 2025: 118).

В результате культивации определенных аксиологических смыслов происходит активизация ценностных стимулов и как нормальное оценивается то, что в традиционной системе ценностей имело негативную оценку. Так, в русскоязычных декоративных текстах вербализуется концепт *равнодушие* как способ избежать психологических травм: *Будь бесполезен, чтобы тобой*

не пользовались (на одежде). Текст воспринимается не как «вредный» совет, а как инструкция для выстраивания взаимоотношений. Традиционная ценность человека, приносящего пользу обществу, ломается посредством алогичного аргумента, выстраиваемого на уровне столкновения однокорееннных слов *полезный* и *пользоваться*. В данном примере отчетливо прослеживается, как симулякр раскрывает «противоположную сущность понятия с упором на полную потерю или деструкцию им смысла» (Петряков, 2024: 76).

Равнодушие к окружающим постулируется на фоне эгоцентрически ориентированной модели поведения, создаваемой актуализацией аксиологемы *любовь к себе*: *ДЛЯ ЛЮБВИ К СЕБЕ НЕ НУЖЕН ПОВОД*; *БУДЬ У СЕБЯ В ПРИОРИТЕТЕ*; *ТЫ — ПРЕКРАСНА! балуй и люби себя*; *БУДЬ У СЕБЯ В ПРИОРИТЕТЕ* (в интерьере); *КОРОТКО О СЕБЕ — РЕКОМЕНДУЮ*; *МНЕ МОЖНО* (на одежде).

С одной стороны, такие тексты имеют жизнеутверждающую семантику и постулируют ассертивное поведение языковой личности как уверенной в себе, открыто выражающей себя*: Дорогая Я! Мы с тобой достигнем всего, о чем мечтаем* (текстовая картина); *ТЫ — ЭТО САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРОЕКТ В ЖИЗНИ НАД КОТОРЫМ ТЫ РАБОТАЕШЬ*; *у меня есть я / мы справимся* (в интерьере). С другой стороны, происходит культивация равнодушия, «пофигизма» как ценностной поведенческой нормы: *пофиг! пляшем!* (топпер); *Я ВСЕ МОГУ / НО НЕ БУДУ* (на одежде).

Возведение личности, стремящейся к самоактуализации, имеющей право на самовыражение и ориентированной на поведенческую модель Я-менталитет, в ранг самой большой ценности приводит к тому, что границы дозволенного значительно расширяются. Искажение ценностных норм и стереотипов влияет на изменение модели поведения, в т.ч. поведения речевого, что приводит к использованию в публично ориентированных текстах жаргонизмов, нецензурной, обсценной, инвективной, интимной лексики, которая может фиксироваться в письменных текстах в исходном или искаженном виде — с закрытием части символов или написанием латиницей.

Таким образом, в русскоязычных декоративных текстах происходит трансляция определенных аксиологических доминант: материальных благ, гедонистического восприятия мира, эгоистического, ассертивного, ассоциального стиля поведения. При этом аттрактивность текстов формируется на основе их лингвистической креативности, создаваемой различными языковыми средствами: языковой игрой, имитацией диалогового общения, трансформацией устойчивых выражений.

Заключение

Экспликаторами ценностных смыслов в современном лингвокультурном пространстве являются русскоязычные декоративные тексты, в которых происходит искажение аксиологической нормы в результате нарушения нормы языковой. Аттрактивность декоративного текста создает эффект фасцина-

ции на уровне прагматического восприятия. При этом происходит разрушение стереотипных аксиологических кодов путем их подмены симулятивными значениями. Это явление имеет ярко выраженный пенетрационный эффект, при котором постулируемые ценностные коды становятся доминантными, проникая в сознание коллективного адресата, вызывая когнитивные искажая личностной аксиосферы и влияя на модели поведения.

Перспективы исследования заключаются в расширении выборки русскоязычных декоративных текстов для повышения объективности лингвоаксиологического анализа, а также в изучении аксиологем русскоязычных декоративных текстов, представляющих собой высказывания афористического характера.

Список литературы

Аракелова А.Р., Ширяева Т.А. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1 (895). С. 17–24. https://journals.rcsi.science/2542-2197/article/view/279163 EDN: HBXTAM

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы : монография. М. : URSS, 2003. 382 с. EDN: QQNHNT

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки : монография. М. : URSS, 2009. 278 с. EDN: PCSANQ

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть : монография. М. : Добросвет, 2000. 389 с. EDN: FVFYSF

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.

Дигалев Н.В., Карасик В.И. Лингвоаксиология спортивного состязания: ценности, нормы, традиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2025. № 1. С. 77–91. https://doi.org/10.31249/ling/2025.01.06 EDN: SANDJY

Захарова Н.Н., Ежикова Е.Л. Одежда как элемент массовой культуры в системе информационного общества // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2018) : сб. научных трудов, Санкт-Петербург, 26 октября 2018 г. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 58–61. EDN: YRREUX

Зубова Т.Б., Калинин О.И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 172–187. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.2.72801 EDN: OHYPEH

Ивус О.Н. Слоган на одежде: история, сущность и функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 59–64. EDN: PEHSBT

Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 132–137. EDN: NQRWER

Казыдуб Н.Н., Кламер И.Е. Аксиологическая параметризация как способ конструирования образа будущего в дискурсе глянцевых журналов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 4. С. 116–127. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_4_116 EDN: CNWEUQ

Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50. EDN: OWUZRL

Карасик В.И. Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках // Жанры речи. 2024. Т. 19. № 2 (42). С. 144–155. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155 EDN: ETMDIC

Козлова Е.А. Пресуппозиции и аксиосфера лидера в профессиональном и медийном дискурсах // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1 (59). С. 84–93. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-59-1-84-93 EDN: GALLBH

Кокина К.В. Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 195–203. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17 EDN: DLLQNJ

Лобанова Т.Н., Середенко В.М. Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китаеязычных и англоязычных медиаресурсов) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 157–171. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.2.72932 EDN: OGYNEY

Маленко С.А. Полюса индустрии впечатлений: от увлекательного досуга к идеологеме «расчеловечивания» // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). 2023. № 1 (2). С. 9–21. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-09-21 EDN: WGWDRL

Мартынова Е.М. Вербальная коммуникация посредством вестиментарного облика // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1 (88). С. 77–85. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-1-88-8 EDN: SQZERJ

Новикова Т.Е. Симулятивная сущность социальных сетей (на примере Instagram*) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 5 (22). С. 69–71. EDN: XBFOGF
*– входит в Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ.

Нелюбова Н.Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 116–123. https://doi.org/10.15393/uchz.art.2025.1208 EDN: WPBNYB

Непомнящих Е.А. Предметы как средства коммуникации: текстологические и функциональные параметры декоративных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 4. С. 1483–1489. https://doi.org/10.30853/phil20250210 EDN: UDIHQE

Павловская О.Е., Ильина Л.Е. Постфольклорный текст: лингвоаксиологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 418–422. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-418-422 EDN: IFRMNK

Петряков К.С. Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны : дис. … канд. философ. наук. М., 2024. 175 с. EDN: EJNFWP

Семенова Т.И., Налобина А.П. Ценностное измерение концепта SUSTAINABLE FASHION и его объективация в англоязычном медиадискурсе // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2025. № 3 (46). С. 195–207. (In Russ.). https://doi.org/10.51955/2312-1327_2025_3_195 EDN: NBWCBR

Серебрянникова Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов. М. : Тезаурус, 2011. С. 27–40. EDN: YHTPIS

Серебрянникова Е.Ф. Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 3 (55). С. 110–121. EDN: FVYMZI

Шамаева В.В., Зуева А.В. Проблема самоидентификации личности в современном информационном обществе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (42). С. 35–44. EDN: OGZCSM

Шарифуллин Б.Я. Вербально-иконические тексты на предметах одежды: герменевтика и прагматика // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 3 (26). С. 179–182. EDN: LPXJRT

Bhattacharjee B. Axiological foundations of contemporary research embedded in indian knowledge systems // The Global Journal of Contextual Thought. 2025. Vol. 1. № 2. Pp. 154–161. https://doi.org/10.70798/tgjct/01020020 EDN: VOYJKP

Galskova N.D., Komochkina E.A., Poliakova N.V. The axiological framework of professional foreign language communication // Training, Language and Culture. 2025. Vol. 9. № 4. Pp. 56–72. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2025-9-4-56-72 EDN: SUVYHL

Pritchard D. Axiological hinge commitments // Synthese. 2025. Vol. 205. № 2. Pp. 49. https://doi.org/10.1007/s11229-024-04898-0 EDN: ENYXUG

Zlenko N., Smyrnova I. The fundamental role of academic integrity in the axiological structure of the European educational space // Scientific Journal of Polonia University. 2025. Vol. 70. No. 3. Pp. 105–110. https://doi.org/10.23856/7013 EDN: CLJNVB

Сведения об авторе:
Непомнящих Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, международный факультет, Байкальский государственные университет, Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11. *Сфера научных интересов*: теория текста, лингвопрагматика, РКИ. ORCID: 0000-0002-7713-8601. SPIN-код: 7903-4623. AuthorID: 702270. E-mail: trunova.k_86@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-176-194
EDN: RNBHTO

Research article

Axiological parameters of Russian decorative texts in the modern linguistic-cultural space

Ekaterina A. Nepomniashchikh

Baikal State University, *Irkutsk, Russian Federation*
✉trunova.k_86@mail.ru

Abstract. The study analyzes decorative texts from a linguistic-axiological perspective. The relevance of the research is explained by the wide spread of textualized objects of reality in the modern linguistic space. The aim is to analyze the axiological parameters of Russian decorative texts and identify the dominant values in the axiological sphere of the collective consciousness of contemporary Russian society. The study material included Russian decorative texts written on clothing, cars, bento cakes, gifts, disposable coffee cups, jewelry, and interior design. The value parameterization was conducted with the help of methods of linguistic-axiological interpretation, definition analysis, and conceptual analysis of key words. As a result, decorative texts have been proved to be a new form of the language on objects of reality, alongside with study and electronic media; such texts function as catalysts of value meanings in the modern linguistic space. I-mentality as a predominant model of self-identification of the linguistic personality has been identified. This is determined by the inherent self-presentational function of decorative texts and by the expansion of mass culture with self-promotion as its norm. It has been found that deliberate violation of linguistic norms distorts axiological norms and offsets value meanings, which are displaced by simulacra. The following axiological parameters of Russian-language decorative texts have been established: the importance of

material values, a hedonistic world perception, and egoistic, assertive, and antisocial behavior. The prospects for the research lie in expanding the corpus of Russian decorative texts to enhance the objectivity of linguistic-axiological analysis and in studying the axiologemes of Russian decorative texts in the form of aphoristic statements.

Keywords: axiology, linguistic culture, value, simulacrum, self-presentation, self-actualization, I-mentality, linguistic creativity

Conflict of interest. The author haves no conflict of interest to declare.

Article history: received 05.10.2025; accepted: 18.12.2025.

For citation: Nepomniashchikh, E. A. (2026). Axiological parameters of Russian decorative texts in the modern linguistic-cultural space. *Russian Language Studies*, *24*(2), 176–194. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-176-194 EDN: RNBHTO

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 195–209
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-195-209
EDN: RDGQTF

Научная статья

Фразеологические единицы русского языка, связанные с гаданиями: культурно-историческая детерминированность

Е.Г. Штырлина, Ю.В. Агеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*
shtyrlinaekaterina@gmail.com

Аннотация. Антропоцентрический характер современной лингвистической парадигмы, в контексте которой фразеологические единицы рассматриваются как средства кумуляции и трансляции этнической культуры, репрезентирующие коллективный опыт и ментальные установки лингвокультурного сообщества, обусловил актуальность данного исследования. Особый интерес представляет изучение фразеологизмов, генетически связанных с архаичными формами духовной культуры, в частности с гадательными практиками. Цель исследования — выявить и систематизировать фразеологизмы русского языка, связанные с гаданиями, определить их семантические особенности с учетом культурно-исторического контекста. В качестве материала исследования взяты данные специализированных фразеологических и этнолингвистических словарей, фольклорно-этнографических сборников, монографий и научных статей по истории ритуалов гадания. Применены следующие методы исследования: сплошная выборка, описательный, историко-этимологический, семантический анализа, культурный комментарий и др. Рассмотрены этимологические особенности фразеологизмов данного типа, описана их семантика, выявлены внутренняя форма и образная составляющая, показана национально-культурная специфика, обусловленная культурной детерминированностью фразеологических образов. Выявление этнокультурного своеобразия фразеологизмов реализуется посредством применения лингвокультурологического анализа, позволяющего учитывать семантическую периферию оборота, не входящую в традиционную словарную дефиницию и связанную с экстралингвистической действительностью. Установлено, что русские фразеологические единицы, восходящие к гаданиям, являются особыми ономасиологическими знаками, обладающими культурно-национальной значимостью и сохраняющими в себе важные элементы культурного кода нации. Проведенный анализ демонстрирует, что семантика фразеологизмов детерминирована соответствующим историческим периодом и отражает магически-ритуальные практики, оставившие след во внутренней форме фразеологических оборотов. Сделаны выводы: исследование происхождения и дальнейшего функционирования устойчивых единиц раскрывает их роль как лингвокультурного феномена, аккумулирующего архаичное сознание, этнокультурные стереотипы и историческую память носителей языка; систематизация фразеологизмов по различным видам гадательных практик позволяет классифицировать их типологическое

© Штырлина Е.Г., Агеева Ю.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

разнообразие. Дальнейшие перспективы изучения фразеологических единиц, связанных с гаданиями, видятся в возможности исследования когнитивных механизмов их формирования и функционирования, включая анализ метафорических и метонимических моделей, лежащих в их основе.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, семантика, культурная коннотация, коды культуры, обряд гадания

Вклад авторов: *Агеева Ю.В.* — разработка концепции и методологии исследования, подготовка теоретического обзора, научное редактирование статьи; *Шырлина Е.Г.* — разработка концепции статьи, подготовка теоретического обзора, сбор и анализ эмпирического материала, редактирование и подготовка статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.11.2025; принята к печати: 18.01.2026.

Для цитирования: *Штырлина Е.Г., Агеева Ю.В.* Фразеологические единицы русского языка, связанные с гаданиями: культурно-историческая детерминированность // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 195–209. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-195-209 EDN: RDGQTF

Введение

На всех этапах развития языкознания наблюдается активный интерес исследователей к взаимодействию языка и культуры[1] (Вежбицкая, 1996; Бартминьски и др., 2021). Богатейшим источником культурно-национальной интерпретации действительности, отражающим народно-мировоззренческую основу культуры посредством репрезентации уникального этнокогнитивного опыта, является фразеология, в которой органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа и его духовном наследии (Буянова, 2017; Красных, 2017; Меркулова, Герасимова, 2025). Фразеологические единицы отражают самые разнообразные стороны жизни народа — носителя языка: его быт, историю, традиции и обычаи, особенности миропонимания (Телия, 1996; Мелерович, Мокиенко, 1999; Опарина, 2023). Репрезентируя большой объем «свернутой» культурно-маркированной информации, фразеологизмы выступают вербально-ментальным средством концептуализации мира, отражая архетипические формы его осознания и моделирования, древнейшие мифологические и мифопоэтические представления, социокультурные прескрипции (Ковшова, 2008: 65; Bochina, Adamka, 2015; Shulezhkova, Kostina, 2020).

В российской лингвистике изучение механизмов интеракции языковых и культурных знаков осуществляется через образные основания фразеологических единиц как средства репрезентации различных кодов культуры (Ковшова, 2012; Зыкова, 2015; Дядечко, Ван, 2022). Как знак культуры фразеологизм отсылает к широкому пласту культурно-исторических знаний, связанных с реалиями, положенными в основу фразеологического образа: обиходно-

[1] *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 208 с. EDN: UKCOEJ

бытовыми, обрядово-ритуальными, мифологическими, религиозными, историческими, литературными, научными и др. Одним из таких «знаковых» явлений, обладающих культурно-исторической информативностью и позволяющих реконструировать историко-культурный контекст, обусловливающий формирование и семантическую эволюцию устойчивых единиц языка, является гадание.

Гадание — «ритуал, направленный на установление контакта с потусторонними силами с целью получения знаний о будущем»[2]. Этот многокодовый культурный феномен стал неотъемлемой частью не только языческого богослужения славян, но и многих других сфер их повседневной жизни. Гадательные практики в большинстве своем были ориентированы на получение сведений о жизненно важных аспектах: брачно-семейных отношениях, материальном благосостоянии, здоровье, а также на предсказание грядущих событий, определяющих судьбу человека. Упоминания о разнообразных способах гаданий нашли отражение в древних письменных источниках о славянах, в памятниках славянской книжности, специально предназначенных для предсказаний будущего: «Летописи Древней Руси содержат множество свидетельств о гадании как части общественной жизни. <…> Упоминание о нем в летописях встречается в явной форме, когда говорится о гадании как социальном процессе, и в косвенной, когда описывается процедура и атрибуты этого ритуала» (Козловский, 2013: 10). Включенность не только в сферу сакрального, но и профанного делает предсказательные практики важным источником для изучения и духовного, и материально-бытового состояния общества.

Семиотическая область гаданий стала продуктивным источником процесса фразеологизации, результатом которой является значительное количество образуемых на ее базе устойчивых единиц, относящихся к самым разным номинативным областям, что определяет актуальность дальнейшего комплексного исследования этого феномена, в частности, представляется важным систематизировать фразеологизмы в соответствии с типами гадательных практик, выявить их семантические особенности, определить их роль в отражении культурных ценностей и представлений носителей языка. Своевременность изучения данной проблемы определяется также результатами анализа научных источников, так как несмотря на наличие лингвистических изысканий, посвященных гаданию (см. например: Саенко, Петлеванная, 2006; Коновалова, 2021; Светкина, 2023), системно-типологическое изучение фразеологических единиц, восходящих к гадательным практикам, до настоящего времени не осуществлялось.

Цель исследования — выявление и систематизация фразеологических единиц русского языка, восходящих к гаданиям, определение их семантических особенностей с учетом культурно-исторического контекста.

[2] Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 482.

Методы и материалы

Материалом исследования послужил корпус фразеологических единиц, связанных с различными гадательными практиками и извлеченных из словарей под ред. А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой[3], В.Н. Телия[4]. В качестве дополнительных источников использовались специализированные этнолингвистические словари[5], фольклорно-этнографические сборники[6], монографии и научные статьи по истории ритуалов гадания[7].

Поставленные задачи и выбор теоретической позиции предполагают прменение комплекса методов научного исследования, таких как: сплошная выборка, аналитико-описательный (наблюдение, интерпретация и обобщение), историко-этимологический, семантический анализ, культурный комментарий и др.

Результаты

Семиотическое поле гаданий представляет собой продуктивный источник фразеологизации, формирующий значительный пласт единиц, которые обладают этнокультурной информативностью. Показано, что возникновение фразеологизмов, отражающих различные способы предсказания будущего, подчинено определенным закономерностям: в формировании семантики устойчивых оборотов определяющую роль играют этнокультурные представления и верования, сведения о различных магических приемах акционального характера, нашедших отражение в гаданиях.

В ходе исследования определено, что мотивация культурно-языкового значения фразеологических единиц обусловлена символизмом семантики составляющих их компонентов, соотносимых с мифологической картиной мира, а также характерными для нее представлениями и кодами культуры. Систематизация устойчивых оборотов по типам гадательных практик (гидромантия, фавомантия, клеромантия, астрология, коксиномантия, тассеография, хиромантия, картомантия, кристалломантия) позволила выявить их типологическое разнообразие.

Установлено, что ключевым механизмом фразеологизации выступает десакрализация образа, при которой магическое действие проецируется на

[3] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

[4] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2024. 784 с.

[5] Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995.

[6] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа : в 2 томах. М. : Институт русской цивилизации, 2013; *Максимов С.В.* Крылатые слова. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1955. 448 с.

[7] *Вигзелл Ф.В.* Зарисовки российского быта XVIII–XIX веков: гадалки и их клиенты // Отечественная история. 1997. № 1. С. 159–167; *Шевцов В.В.* Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): история игры и история общества. Томск : Томский государственный университет, 2005. 244 с.

область когнитивных и этических категорий. Данное преобразование сопряжено с реализацией бинарной оппозиции «сакральное — профанное», что ведет к закреплению в семантике ряда фразеологизмов выраженных эмоционально-оценочных компонентов. Тропеическое осмысление устойчивых единиц, охватывающее семантические сферы неопределенности и сомнения, манипуляции и обмана, провидения и ясности, судьбы и фатума, выполняет важнейшую функцию в сохранении и трансляции культурно-исторического опыта народа.

Обсуждение

Лексикографическая дефиниция слова «гадание» в русском языке содержит как денотативные, так и коннотативные компоненты, в т.ч. этнокультурного плана, отражающего фоновые сакральные знания о мифоритуальных практиках славян. В современном русском языке фиксируется репрезентативная группа фразеологизмов, генетическая основа и образная структура которых детерминированы исторически сложившимися обрядами гадания.

В рамках исследования проведена систематизация фразеологических единиц по типам гадательных практик, что позволило выявить специфику их лингвокультурологического кодирования.

I. *Фразеологические единицы, восходящие к фавомантии (гаданию на бобах)*

В русском языке функционирует ряд фразеологических единиц, внутренняя форма которых восходит к широко известному на территории Восточной Европы гаданию на бобах — *гадать на бобах* («строить беспочвенные предположения, ни на чем не основанные догадки»); *бобы разводить* (неодобр. «заниматься пустыми разговорами, медлить с делом, задерживая внимание на пустяках»); *на бобах провести* («обмануть кого-л.; поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-л.»)[8]. Возникновение приведенных устойчивых оборотов непосредственно связано с древним славянским магическим ритуалом, в котором главным гадательным атрибутом и заклинательным словом ворожбы является бобовое зерно, боб. Именной компонент фразеологизмов *бобы* соотносится с растительным кодом культуры. Известно, что, помимо гаданий, зерна этих растений использовались в магии плодородия, народной медицине, в качестве ритуальной пищи в поминальной и календарной обрядности славян[9]. Происхождение гадания на бобах связывается с византийской традицией; к способам подобного гадания относят захватывание бобов в горсть, рассыпание кучками с дальнейшим пересчитыванием, раскладывание на столе по определенной системе,

[8] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 51.

[9] Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т 1. С. 201.

подбрасывание и др. С помощью этого гадания пытались установить виновных в наведении порчи или совершении кражи, а также узнать о будущем урожае, браке, жизни и смерти.

По мнению С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, наиболее раннее упоминание о гадании на бобах на Руси относится к 1650 г. Изучение документальных свидетельств позволяет ученым установить соответствие данного типа гадания широко распространенному с XV в. гаданию на костях. Исследователи отмечают, что в описаниях этих гаданий встречаются устойчивые словосочетания: *разводить костьми — бобами разводить, ворожить на костях, костьми — ворожить на бобах, бобами*, которые неоднократно используются в разных вариантах и имеют общее значение «гадать на костях». Для гадания применялись игральные шестигранные кости, на плоских сторонах которых вырезались точки, которые по сходству стали именоваться зернью, а также бобами (*boba* и *baba* от праслав. bobъ «нечто круглое; подобное наименование получили и сами кости). Позднее появилось гадание на настоящих бобах, не имеющее ничего общего с «костными разводами» (Мордовина, Станиславский, 1982: 323–325).

Фразеологические обороты *гадать на бобах; бобы разводить; на бобах провести* восходят к древнейшей форме осознания мира — фетишистской, рассматривающей неодушевленные предметы как сверхъестественные сущности, наделенные магическими силами. Образ фразеологических оборотов ассоциируется также с фольклорной интерпретацией главного гадательного атрибута как посредника между человеком и потусторонним миром, носителя информации о грядущих событиях. Так, например, Н.Н. Подосокорский отмечает, что «в «Русских сказках» Владимира Даля „как Царя Гороха“ поминали черта-послушника Сидора Поликарповича, который за свою провинность был отправлен на землю сатаной, чтобы сбивать с толку людей и выведать их секреты», «зачастую бобы <…> открывают вход в иное измерение» (Подосокорский, 2023: 68).

Известно, что, несмотря на интерес к гаданиям как среди простолюдинов, так и среди высших слоев русского общества, с XV–XVI вв. остатки язычества причислялись к государственным преступлениям и карались наказанием. С приходом Петровской эпохи и распространением просвещения вера в ворожбу начинает постепенно ослабевать и утрачивать сакральное осмысление. Вследствие ненадежности гадательных прогнозов в обществе формировалось недоверие к гаданиям, что нашло отражение в наличии пейоративного оценочного компонента значений многих фразеологических единиц, десакрализации ритуального действия. Так, например, образ фразеологизма *гадать на бобах* создается метафорой, где использование бобов для предсказаний уподобляется недостоверному способу прогнозирования грядущих событий, лишенного объективности и научного обоснования. В основе фразеологизма *бобы разводить* лежит метафорическое переосмысление гадательного ритуала как действия, лишенного прагматической ценности, бессодержательного общения. По мнению В.В. Виноградова, именно от фразеологического един-

ства *бобы разводить* обособилось шутливо-просторечное значение слов *разводить — развести* в значении «затеять или говорить что-нибудь несуразное и утомительно-скучное, длинное» (например, *развести чепуху, развести канитель*)» (Виноградов, 1994: 245). Фразеологизм *на бобах провести* (*кого)* передает стереотипное представление о социально-коммуникативном действии — обманном поступке, получившем отрицательную социально-интеллектуальную оценку. Семантическая структура исследуемых единиц характеризуется устойчивой пейоративностью, возникшей в результате десакрализации гадательного ритуала. В процессе исторического развития магическое действие утратило сакральный статус и стало интерпретироваться в ракурсе деструктивного социального поведения. Таким образом, фразеологизмы данной группы транслируют скептическое отношение носителей языка к иррациональным способам познания, фиксируя в своей семантике значения необоснованности, пустословия и обмана.

II. *Фразеологические единицы, восходящие к клеромантии (гаданию с помощью жребия)*

К числу фразеологизмов, связанных с древнейшими гадательными ритуалами, относится *бросать (метать, кидать) жребий* («гадать на чем-л., чтобы принять решение»)[10]. Компонент фразеологической единицы *жребий* соотносится с религиозно-артефактным кодом культуры, компонент *бросать* — с антропным. Именной компонент *жребий* обозначает условный предмет, вытягиваемый или бросаемый для случайного определения одного из нескольких возможных вариантов. Глагольный компонент *бросать* именует ритуальное действие, используемое в многочисленных формах гаданий для установления контакта с потусторонним миром, и отражает процесс совершения выбора[11]. Гадание выступало в роли внешнего фактора, определяющего стратегию поведения человека, который отказывался от самостоятельного выбора и подчинялся полученным предсказаниям.

Фразеологизм *бросать (метать, кидать) жребий* восходит к общеиндоевропейскому обычаю определять судьбу, волю всеведущего божества по жребию. Упоминания о практике бросания жребия встречаются в сочинениях Константина VII Багрянородного (X в.) и в хрониках Титмара Мерзебургского (XI в.). Последний подчеркивал значимость сакральных действий в общественной жизни славян, отмечал публичный характер языческого ритуала, проводимого для разрешения сомнений, определения угодных богам жертв и выяснения воли богов для достижения единогласия (Козловский, 2013: 11). Выступая в качестве высшего авторитета при принятии сложных решений, гадание с помощью жребия служило универсальным способом социальной регуляции: применялось для распределения имущества, выбора лиц для исполнения обязанностей и предсказания будущего.

[10] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 191.

[11] Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 264.

Следует отметить, что переход от язычества к христианству обусловил семантический сдвиг гадательного ритуала, который стал трактоваться как проявление не языческих сил, а Божьего промысла, «знамение» Божьей воли. В тексте Священного Писания встречаются упоминания о принятии Богоугодного решения в процессе жеребьевки; таким образом избирали апостолов, патриархов. Данный факт позволяет объяснить отсутствие выраженной отрицательной коннотации у рассматриваемого фразеологизма, основанного на вере в судьбу и божественное провидение. Кроме того, в отличие от других гаданий (на бобах, кофейной гуще и др.), где результат интерпретировался гадающим и зависел от его личного мнения, процесс бросания жребия предполагал однозначный и прямой ответ, отражающий объективность случая, принятие выпавшего результата как предначертанного свыше.

Фразеологизм *бросать (метать, кидать) жребий* утратил свою прямую связь с ритуальным гаданием, но сохранил культурную коннотацию, связанную с неопределенностью и случайностью. В основе устойчивого оборота лежит метафора предопределенности, где жребий символически связывается с силами, которые не зависят от человеческой воли и определяют ход событий. В целом фразеологизм связывается со стереотипным представлением о случайном выборе, основанном на воле случая. Семантика оборота может актуализировать веру в предопределение, высшую силу, стоящую за результатом жребия, обусловленную нежеланием брать на себя ответственность за принятие решения.

III. *Фразеологические единицы, восходящие к гидромантии (гадание на воде)*

С архаичной практикой гадания на воде — гидромантией — неразрывно связано происхождение фразеологизма *как в воду глядел* («о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-л.»)[12]. В представлениях славян вода выступает как многогранный символ, аккумулирующий в себе роль космогонической первостихии, источника жизненной силы и исцеления, границы между мирами, а также инструмента для магических ритуалов (заговаривание воды, обрядовые омовения, бросание подношений в воду, молитвы у источников и др.). Рассматриваемый фразеологический оборот отражает народные верования в предсказующую силу воды и напрямую отсылает к способу гадания, при котором будущее определяли, вглядываясь в поверхность воды. Компонент *вода* в таком случае выступает как метафорический инструмент предвидения. По мнению М.Л. Ковшовой, вода в данном случае отождествляется с зеркалом по своему свойству отражать «зазеркальный» мир (Ковшова, 2008: 64).

IV. *Фразеологические единицы, восходящие к астрологии (гадание по небесным светилам)*

Представления о влиянии небесных тел на человеческую судьбу, характерные для астрологических учений, также нашли отражение во фразеологическом фонде русского языка. Устойчивый оборот *счастливая планида выпала*

[12] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 88, 90–91.

(устар. шутл. «очень повезло кому-либо»)[13] восходит к гаданию по гороскопу, который определяет судьбу человека на основании положения планет и звезд в момент его появления на свет.

Астрологическая книжность пришла на Русь в XI–XII вв. вместе с переводной литературой, а в XI–XV вв. интерес к астрологии проявили привилегированные слои общества и часть русских книжников. Наличие прогностически-гадательных повседневных практик («Лунники», «Колядники», «Громники» XI–XV вв.) отмечает И.А. Герасимова: «в „Лунниках“ стратегия поведения приноравливалась как к постоянно меняющемуся облику светила, так и к календарю, а соответственно и к знакам Зодиака» (Герасимова, 2013: 104, 106). Астральные и космогонические мифы интерпретировали небо как абсолютное воплощение «верха» — категории, наделенной непостижимостью, величием и превосходством над земным, и в этой космологии жизнь человека рассматривалась как элемент общей системы, детерминируемый положением прочих ее компонентов[14].

Официально церковь осуждала астрологию как языческое суеверие, однако астрологические знания, особенно о зодиакальном круге и влиянии небесных тел на деятельность человека, проникали в апокрифическую литературу. Астрологические идеи оказали влияние на процесс фразеологизации, предопределив появление ряда устойчивых выражений, сохранившихся в современном литературном языке (*родиться под счастливой звездой, звезда взошла* и др.)[15]. Астрология оперирует образами небесных тел, которые традиционно ассоциировались с высшим порядком, потенциально благоприятным влиянием на жизнь человека. В процессе фразеологизации была закреплена именно позитивная сторона астрологического «предсказания» — идея о том, что человек может быть «избран» судьбой, что соотносится с идеями везения и удачи.

Компонент фразеологизма «планида» (прост. устар. «планета») соотносится с космическим кодом культуры, положение небесного тела интерпретируется, согласно астрологическим верованиям, как влияющее на ход жизненных событий человека. Слово *планида* является народно-разговорным вариантом слова *планета,* заимствованного через польский язык из латинского *planeta* в значении «светило небесное» и позже приобретшее значение «судьба». Компонент фразеологизма *счастливая* соотносится с антропным кодом культуры, счастье в славянских языках первоначально означало «благую долю» или «хороший удел». Данный компонент усиливает эмоционально-оценочную составляющую устойчивого оборота, делая акцент на положительном характере описываемого события, указывая на благоприятный исход. Глагольный компонент фразеологизма *выпадать* подчеркивает случайность

[13] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 449.

[14] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2024. С. 586–587.

[15] Там же.

произошедшего, не зависящего от самого человека, а возникшего само собой, по воле случая, судьбы или иных внешних сил. Фразеологический оборот передает стереотипное представление о судьбе как о внешней силе, которая влияет на жизнь человека независимо от его усилий и воли.

V. *Фразеологические единицы, восходящие к коксиномантии (гадание по решету)*

Фразеологизм *чудеса в решете* (шутл. «о чем-л. удивительном невероятном, поражающем своей необычностью»)[16] восходит к коксиномантии, которая в средневековой Европе и Аравии служила для разоблачения воров. Как отмечает В.М. Мокиенко, в России XVI–XVIII вв. эта практика трансформировалась в рыночное шарлатанство: гадальщики встряхивали семена бобовых в решете и, стремясь к наживе, сулили простодушным людям небывалое богатство и удачу (Мокиенко, 1999: 413–414). Ироничное отношение народа к таким прогнозам породило устойчивое выражение, высмеивающее неправдоподобные истории. Фразеологизм демонстрирует контрастное объединение культурных кодов: бытовой элемент *решето* десакрализует образ *чуда*, трансформируя его в связанный с конкретным историческим и бытовым контекстом символ неправдоподобия и абсурда.

VI. *Фразеологические единицы, восходящие к тассеографии (гаданию на кофейной гуще)*

Иной способ предсказания будущего отражен во фразеологизме *гадать на кофейной гуще* («строить беспочвенные, ни на чем не основанные предположения, догадки, домыслы»)[17]. Оборот восходит к гаданию, возникшему в Османскую эпоху и заключающемуся в интерпретации грядущего по очертаниям поверхности кофейного осадка на дне сосуда. Устойчивое выражение является калькой с французского *lire dans le mare de café*, в лексикографических источниках сопровождается коннотативными пометами «ирон.», «неодобр.». В России гадание на кофейной гуще возникло с приходом кофе в XVII в. и выглядело «менее предосудительным, чем способы гадания с помощью жеребеек и бобов» (Богданов, 2006: 64). В период правления Екатерины II отношение к преступлениям подобного рода стало менее строгим, началось издание первых печатных книг для гадания, появились упоминания о гадалках-кофейницах в русской периодике и литературе. Словарь Академии Российской фиксирует у слова *кофейница* два значения, одно из которых обозначает женщину, трактующую будущее по узорам и знакам, остающимся на стенках кофейной чашки[18]. Толковые словари русского языка относят данное значение к устаревшим[19]. Языковая актуализация фразеологического образа

[16] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 629.

[17] Там же. С. 143.

[18] Словарь Академии Российской. Т. 3. СПб. : Императорская Академия Наук, 1792. С. 82–883.

[19] Толковый словарь русского языка / сост. Г.О. Винокур и др. ; под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Советская энциклопедия, 1935–1940.

фиксирует критическое отношение к прогностической ценности ритуала: хаотичный рисунок кофейного осадка становится метафорой отсутствия логических оснований предположений человека.

VII. *Фразеологические единицы, восходящие к хиромантии (гадание по рисунку линий и буграм на ладонях рук)*

Другой способ гадания, нашедший отражение во фразеологии русского языка — хиромантия — предсказание судьбы человека по линиям и буграм его ладони. Искусство гадания по руке имеет многовековую историю, что подтверждается историческими источниками различных культур. Интерес к этой гадательной практике в России, как отмечают Е. Острогорский и А. Шлыков, зафиксирован в XVIII в., о чем свидетельствуют печатные издания и рукописные переводы западных работ по хиромантии (Острогорский, Шлыков, 2022). В XIX в. наблюдается рост публикаций по данной теме, в печати появляются работы российских авторов. Значимым событием становится издание на русском языке труда А. Дебарроля «Тайны руки», оказавшего влияние на развитие европейской хиромантии. Лексические единицы *хиромантия, рукогадание, рукогадатель, рукогадательница* фиксируются в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и соотносятся автором с цыганами: *ворожат на руку, по-цыгански*[20]. Наибольший интерес к этой гадательной практике в России фиксируется в начале XX в.

С хиромантией связывается происхождение фразеологической единицы *как на ладони* («о том, что хорошо видно, совершенно ясно»)[21]. Интересно, что рука издавна имела магическое значение, служила важным элементом семиотической системы, в мифологическом сознании соотносилась с понятием судьбы (ср. индоевропейский корень **bhag-* имеет значения «судьба», «рука»). В практике гадания ладонь с четкими линиями символизирует ясную картину судьбы. Рассматриваемый фразеологизм метафорически описывает ситуацию, характеризующуюся предельной ясностью и высокой степенью предсказуемости, аналогичной интерпретации судьбы хиромантом по линиям ладони.

VIII. *Фразеологические единицы, восходящие к картомантии (гадание на картах)*

К числу фразеологизмов, генетически связанных с гаданием, стоит отнести и следующие устойчивые единицы: *пиковое положение*, *быть (оказаться, очутиться) в пиковом положении* («быть в затруднительном, неприятном положении»), *оставаться / остаться при пиковом интересе* (ирон. «оставаться в большом проигрыше, ни с чем; терпеть полную неудачу, крах»)[22]. Возникновение данных устойчивых оборотов связывается с другим типом гадания — картомантией — предсказательной практикой с использованием колоды карт. Известно, что мода на гадание с помощью карт, возникшая

[20] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Русский язык, 1998.

[21] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 329.

[22] Там же. С. 233, 253.

во Франции и Германии в середине XVIII в., к концу столетия распространилась и в Российской империи. Период расцвета картомантии, пришедшийся на начало XIX в., ознаменовался явной социокультурной дифференциацией. Принятие этой практики в дворянской, а затем купеческой и мещанской среде контрастировало с отношением крестьянства, которое воспринимало ее как «городской» и более сложный по сравнению с обиходными техниками способ гадания[23].

Важным элементом языковой репрезентации картомантии являются фразеологизмы, связанные с одной из четырех основных мастей в карточной колоде — пики. Устойчивые единицы *пиковое положение, быть (оказаться, очутиться) в пиковом положении, оставаться / остаться при пиковом интересе* обладают негативной прогностической семантикой, обусловленной символикой пиковой масти (предвестник неблагоприятных событий и негативных исходов). Примечательно, что фразеологизмы, восходящие к картомантии, по сравнению с единицами, репрезентирующими иные гадательные практики, эксплицируют не столько сам ритуал, сколько положение субъекта после его совершения. Пиковая масть в данном контексте выступает как метафорический репрезентант неудачи, проигрыша и краха, проецирующий результат гадательной практики на реальную жизненную ситуацию.

К понятийным областям гадания и азартных игр относится и фразеологическая единица *смешивать / смешать карты* («неожиданным и резким вмешательством, решительными действиями расстраивать чьи-л. замыслы, планы»)[24]. Компонент фразеологизма *смешивать* соотносится с антропным кодом культуры и отражает неотъемлемый элемент картомантии — процесс перетасовки колоды. Компонент *карты* соотносится с артефактно-вещным кодом культуры, именуя атрибут гадания. Устойчивый оборот, являясь полукалькой французского эквивалента *brouiller les cartes*, пришедшего из речи гадальщиков и картежников, используется в русском языке с XIX в. Фразеологизм передает стереотипное представление о внезапном действии, предотвращающем достижение чьей-либо цели, непредвиденных обстоятельствах, препятствующих реализации задуманного. В отличие от фразеологических единиц, репрезентирующих пассивное получение информации о судьбе, данный оборот фокусируется на возможности активного воздействия на ее ход, что переносит смысловой акцент с предсказания на прагматику нарушения хода запланированных человеком событий.

Заключение

Будучи неотъемлемым компонентом языковой культуры народа, фразеология представляет собой уникальное лингвистическое наследие, в котором находят отражение социокультурный контекст, исторические реалии, мифологические и религиозные представления, формирующие национальное

[23] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М. : Институт русской цивилизации, 2013. Т. I. С. 275.

[24] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 253.

самосознание. Гадание как многокодовый культурный феномен послужил богатой основой для процесса фразеологизации, в результате которого сформировался корпус фразеологических единиц, восходящих к гадательным практикам. Выделенные в рамках исследования типы фразеологизмов отражают разнообразие устойчивых единиц, связанных с гаданием, и свидетельствуют о широком спектре гадательных техник, существовавших в культуре, а также об отношении носителей языка к процессу гадания и его результатам. В компонентном составе фразеологических единиц фиксируются способы гадания, атрибуты и инструменты, используемые в ритуале. Фразеологические единицы, утратившие прямую связь с ритуалом, свидетельствуют о снижении значимости гадания в социокультурном контексте, при этом гадательные образы, подвергшись тропеическому осмыслению, сохраняются в языковой системе и функционируют в различных номинативных областях. Фразеологизмы подобного типа демонстрируют устойчивую связь с мифологическим мышлением, архаичными представлениями о судьбе, которые обусловливают трансформацию отношения к гадательным практикам в обществе, свидетельствуя о переоценке гадания как культурного феномена.

Список литературы

Бартминьски Е., Березович Е.Л., Вепрева И.Т., Ковшова М.Л., Шмелев А.Д. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 4. С. 1389–1408. http://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645 EDN: WDLQOH

Богданов А.К. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : НЛО, 2006. 352 с.

Буянова Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 285–298. http://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298 EDN: ZHRCWV

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : монография. М. : Русские словари, 1996. 416 с. EDN: PJSRRN

Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : Толк, 1994. 1138 с.

Герасимова И.А. Сокровенные знания Руси: когнитивные и методологические основы // Ориентиры. 2013. С. 103–123.

Дядечко Л.П., Ван Б. Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 153–166. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-153-166 EDN: KSWGGB

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения : монография. М., 2015. 380 с. EDN: TUKZHD

Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60–65. EDN: INMJVV

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры : монография. М. : УРСС, 2012. 459 с. EDN: QWYDLD

Козловский С.В. Гадание в социальной практике Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. № 1. С. 10–16. EDN: PWMKRX

Коновалова Н.И. Гадание как текст: экспериментальное исследование этнокультурных стереотипов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система.

Личность: Лингвистика креатива. 2021. № 2. С. 142–155. https://doi.org/10.26170/23067462_2021_02_12 EDN: TUWXDX

Красных В.В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 172–192. http://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-172-192 EDN: YRRLDG

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 63–68.

Меркулова Е.П., Герасимова А.С. Фразеологические единицы как культурный код нации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 10. С. 1964–1980. EDN: PYLEOI

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб. : Фолио-Пресс, 1999. 464 с.

Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Гадательная книга XVII в. холопа Пимена Калинина // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 321–336.

Опарина Е.О. Фразеология в контексте культуры: репрезентация культурных кодов во фразеологизмах и паремиях // Этнопсихолингвистика. 2023. № 2 (13). С. 21–35. https://doi.org/10.31249/epl/2023.02.02 EDN: CCBUTJ

Острогорский Е., Шлыков А. Психология руки: полный обзор теории и практики хиромантии. СПб. : Весь, 2022. 384 с.

Подосокорский Н.Н. Загробный мир в рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 62–95. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-62-95 EDN: XDVHTU

Саенко Ю.В., Петлеванная И.П. Особенности коммуникации в процессе гадания // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2006. № 1. С. 61–65.

Светкина А.А. Гадание как сакральный текст традиционной народной культуры : дис. … канд. фил. наук. Екатеринбург, 2023. 197 с. EDN: LMISNT

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 284 с.

Bochina T., Adamka P. Proverb and mythopoetic model of the world // XLinguae. 2015. Vol. 8. № 2. Pp. 18–28. https://doi.org/10.17846/XL.2015.08.02.18-27 EDN: UFTJPV

Shulezhkova S., Kostina P. The linguistic world-image of the medieval Slavs through the phraseological prism // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 86. Pp. 1548–1553.

Сведения об авторах:

Штырлина Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: фразеология, лингвокультурология, языковая семантика и концептуализация мира, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 60 научных работ. ORCID: 0000-0001-7112-3380. SPIN-код: 4412-4192. E-mail: shtyrlinaekaterina@gmail.com

Агеева Юлия Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: лексикология, фразеология, стилистика русского языка, коммуникативная лингвистика, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 150 научных работ. ORCID: 0000-0001-7903-3574. SPIN-код: 1303-1494. E-mail: jageeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-195-209
EDN: RDGQTF

Research article

Cultural and historical features of Russian phraseological units originating from divination practice

Ekaterina G. Shtyrlina ✉, Yulia V. Ageeva

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*
✉shtyrlinaekaterina@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is defined by the anthropocentric paradigm of modern linguistics considering phraseological units as means for accumulating and transmitting ethnic culture, which reflect collective experience and mental attitudes of a certain linguistic and cultural community. Phraseological units originating from the archaic spiritual culture, including divination, are of particular interest. The study aims at identifying and classifying Russian phraseological units associated with divination and defining their semantic features in view of their historical and cultural background. The research material includes data from specialized phraseological and ethnolinguistic dictionaries, folklore and ethnographic collections, monographs and scientific articles on the history of fortune-telling rituals. Research methods include continuous sampling, descriptive analysis, etymological analysis, semantic analysis, and method of cultural commenting. The authors examine the etymological features of these phraseological units, describe their meanings, identify their internal form and figurative components, and highlight their national and cultural features based on their idiomatic imagery. The cultural specificity of the phraseological units is determined through linguistic-cultural analysis, considering the semantic periphery of the unit, which is not included in the conventional dictionary definition and is linked to extralinguistic reality. The study shows that Russian phraseological units originating from divination function as specific culturally significant onomasiological signs, which retain key elements of national cultural code. The analysis demonstrates that the semantics of these phraseological units is determined by specific historical period, while their internal form reflect magical and ritual practices. The authors conclude that the origin and functioning of these phraseological units highlights their role as a linguistic-cultural phenomenon, which accumulates archaic conscience, ethnocultural stereotypes, and historical memory of native speakers. The systematization of the phraseological units according to various types of fortune-telling practice shows their typological diversity.

Keywords: cultural linguistics, semantics, cultural connotation, cultural codes, fortuna-telling

Authors' contributions: *Ageeva Yu.V.* — the research concept and methodology, the theoretical review, and scientific editing of the article; *Shtyrlina E.G.* — the article concept, the theoretical review, collection and analysis of empirical material, editing and preparation of the article.

Conflict of interest. The authors have no conflicts of interest to declare.

Article history: received 15.11.2025; accepted 18.01.2026.

For citation: *Shtyrlina, E. G., & Ageeva, Yu. V.* (2025) Cultural and historical features of Russian phraseological units originating from divination practice. *Russian Language Studies*, *24*(2), 195–209. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-195-209 EDN: RDGQTF

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 210–225
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225
EDN: OVNOUI

Научная статья

Языковые новации «раннего» Л.Н. Толстого и их нарративно-художественные функции

Д.А. Романов, М.А. Кучерова ✉

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, *Тула, Российская Федерация*
✉merismus@mail.ru

Аннотация. Исследованы языковые новации Толстого в повести «Юность», их вклад в развитие лексического состава русского литературного языка с последующим выявлением нарративно-художественной функции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения взаимосвязи языкового новаторства Толстого и его художественной системы. Научная новизна — впервые предпринимается специальный корпусный и лингвопоэтический анализ языковых новаций повести «Юность». Цель исследования — определить и классифицировать различные типы индивидуально-авторских новообразований и их роль в тексте. Методы исследования включают сквозную выборку окказиональных форм, их сопоставление с узуальной нормой (с привлечением данных системной лексикографии), корпусный метод (привлечение контекстов Национального корпуса русского языка для определения судьбы лексем в русскоязычных текстах) и контекстуально-семантический анализ для установления нарративно-художественной функции новообразований. С опорой на исторические и современные толковые словари определены отклонения новообразований Толстого от языковой узуальной нормы конца 1850-х гг. По Национальному корпусу русского языка прослежены дальнейшая судьба выявленных лексем в языке художественной литературы, оценено влияние толстовского словотворчества на лексический фонд языка. Кроме того, установлены идейно-художественные функции каждого типа новаций в раскрытии внутреннего мира героев повести и моделировании художественного повествования. Доказано, что языковое новаторство Толстого представляет собой не собрание спонтанных и единичных словоупотреблений оригинального типа, а целенаправленный поэтический прием детализации художественного пространства. Результаты исследования вносят вклад в теорию языкового новаторства и понимание механизмов влияния индивидуального авторского стиля на динамику литературного языка. Перспективы исследования видятся в продолжении работы по изучению языкового контекста всей биографической трилогии, а также в применении разработанной методики к анализу идиостилей других писателей XIX в.

© Романов Д.А., Кучерова М.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: биографическая трилогия, Юность, окказионализм, неологизмы, семантика, лексика, языковая норма

Вклад авторов: Романов Д.А. — постановка целей и задач, определение методологии, обработка результатов исследования, подготовка и редактирование текста; Кучерова М.А. — проведение исследования, подготовка текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л.Н. Толстого: XXI век», https://rscf.ru/project/25-28-20226/

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2025; принята к печати 29.01.2026.

Для цитирования: *Романов Д.А., Кучерова М.А.* Языковые новации «раннего» Л.Н. Толстого и их нарративно-художественные функции // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 210–225. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225 EDN: OVNOUI

Введение

Лев Николаевич Толстой по праву считается не только величайшим художником слова, но и одним из самых смелых языковых новаторов в истории русской литературы. Российское и мировое толстоведение является авторитетным направлением филологии. Уже в XIX в. первые статьи о произведениях Толстого содержали достаточное количество материала, который может быть интерпретирован не как отражение субъективного взгляда, а как полноценное научное исследование. Известная работа Н.Г. Чернышевского о «диалектике души»[1], во многом опиравшаяся на тексты биографических повестей писателя, указывала на оригинальный характер его идиостиля. XX в. дал разнообразие подходов к текстам Толстого. В работах Н.К. Гудзия[2], М.Б. Храпченко[3], К.Н. Ломунова[4] — толстовская трилогия рассматривалась как периферия романного жанра, как подготовительный материал для создания оригинального идиостиля.

Зарубежные ученые также внесли значительный вклад в лингвостилистическое толстоведение. А. Молнар предлагает оригинальный взгляд на построение толстовского текста (Молнар, 2023). Исследование ценно вниманием к нарративным структурам и культурному контексту, однако фокус в нем смещен в сторону идейного новаторства писателя, без детального рассмотрения лингвистических аспектов художественных поисков Толстого.

В российской науке систематические наблюдения над языком прозы Толстого начались в середине XX в. В.В. Виноградов (Виноградов, 1982) и Ю.С. Сорокин (Сорокин, 1965) рассматривали вклад писателя в развитие словарного состава русского литературного языка XIX в. как крайне значимый, хотя и избирательно воспринятый языковой системой. Виноградов отмечал,

[1] *Чернышевский Н.Г.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М. : Правда, 1974. 464 с.

[2] *Гудзий Н.К.* Лев Толстой. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. 213 с.

[3] *Храпченко М.Б.* Лев Толстой как художник. М. : Художественная литература, 1971. 528 с.

[4] *Ломунов К.Н.* Жизнь Льва Толстого. М. : Художественная литература, 1981. 255 с.

что уже в ранних произведениях Толстого находило воплощение «литературное пренебрежение к фразе, к аффектированным и условно-риторическим приемам» (Виноградов, 1982: 349), ссылаясь при этом на фрагмент повести «Юность», где наглядно представлен контраст между «романтически красивыми фразами» дворян и «непосредственными словами» студентов-разночинцев. Некоторые вопросы идиостиля и специфики толстовского словоупотребления поднимались в статьях Г.О. Винокура (Винокур, 1959).

В ряде научных работ исследовались различные лексические пласты, представленные в творческом наследии Толстого. В контексте возрастающего интереса к пассивному словарному составу произведений и его восприятию современным читателем подробно рассматривалась историческая (Кадим, 2017), агнонимическая (Путилина, 2017), безэквивалентная (Былинка, 2024) лексика. Кроме того, частотный словарь произведений писателя становился материалом для сопоставительного анализа со словарным корпусом других художественных текстов той же эпохи (Меркин, 2024). Интерес к частным вопросам лексического устройства произведений Толстого изначально сопрягался с исследованием фразеологического состава толстовской прозы. С точки зрения «статики» (устойчивость) и «динамики» (авторские преобразования), изучены и обобщены тексты крупных жанров (Ломов, 2018). В прикладном (в т.ч. в переводоведческом) аспекте одним из наиболее актуальных направлений изучения устойчивых сочетаний является анализ функционирования фразеологических единиц Толстого в межъязыковом пространстве (Заболотская, 2023).

Конкретных случаев введения Толстым в лексическую ткань произведения новообразований (даже с учетом их художественного потенциала) описано немного. Так, в работе «Словарь инноваций Л.Н. Толстого», объединившей лексику, фразеологию и афористику, частично систематизированы индивидуально-авторские новообразования и словоупотребления писателя (Архангельская, 2014). Но в указанном ракурсе было изучено только «зрелое творчество» писателя 1860–1880-х гг. Неологический аспект текстов Толстого, несомненно, нуждается в восполнении как с точки зрения большего их охвата (в количественном отношении), так и с точки зрения глубины (привлечение современных цифровых возможностей).

При всем богатстве исследовательской традиции комплексный анализ новообразований ранней прозы Толстого, и, в частности биографической трилогии, до сих пор не осуществлялся. **Цель исследования** — систематизировать лексические новации повести «Юность», охарактеризовать их словообразовательный тип с помощью лексикографических и корпусных методов и определить нарративно-художественные функции языковых единиц.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили текст повести Толстого «Юность» по академическому изданию[5], а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), позволившие проследить дальнейшую судьбу выявленных

[5] *Толстой Л.Н.* Юность // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 100 томах. Художественные произведения в 18 т. Т. 1. 1850–1856. М. : Наука, 2000. С. 154–276.

авторских новообразований в русской литературной традиции. В результате сплошной выборки из текста повести была сформирована авторская картотека, включившая 22 лексические новации. Для анализа и классификации все отобранные единицы были распределены по четырем основным типам:

1) семантические неологизмы — 1 ед. (4,54 % от общего числа);

2) окказиональные дериваты (отглагольные и отадъективные существительные) — 10 ед. (45,45 %);

3) сложные дефисные образования — 6 ед. (27,27 %);

4) транскрибированные галлицизмы — 5 ед. (22,72 %).

В нашей работе реализуется комплексный подход, в рамках которого используются различные лингвистические и общефилологические методы. Под общефилологическими методами понимаются все исследования текста, при которых его лингвистические особенности изучаются в неразрывной связи с литературоведческими, историко-культурными и эстетическими аспектами, т.е. «предстают как материал и условие выражения литературных смыслов» (Золян, 2022: 110). На базе сплошной выборки неологизмов и окказиональных образований из текста повести осуществляется сопоставительный анализ структурно-семантических вариантов лингвистических единиц. Сопоставление отобранных лексических единиц с данными исторических[6,7] и современных толковых словарей[8,9,10] позволяет определить степень соответствия (отклонения) каждой единицы языковой узуальной норме XIX–XXI вв.

Кроме того, корпусный анализ лексики (с использованием данных НКРЯ) позволяет установить частотность употребления и дальнейшую судьбу языковых новаций Толстого в широком литературном контексте. Можно объективно оценить, какие из образований остались индивидуальными авторскими образованиями, а какие были в той или иной степени усвоены языком. Помимо прочего, контексты употребления лексики, предлагающиеся в НКРЯ, представляют собой довольно обширную базу для контекстуального и семантического анализа, цель которого — определить стилистический потенциал толстовских новообразований в художественном произведении.

Результаты

1. Проведена систематизация лексических новаций повести Л.Н. Толстого «Юность», которые разделены на четыре основные группы:

1) семантические неологизмы, возникшие в результате метафорического переосмысления узуальной лексики;

---

[6] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866.

[7] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5–8. Л. : Наука, 1989–1995.

[8] Словарь русского языка : в 4 томах (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М. : Русский язык, 1999.

[9] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах. М. : Русский язык, 2001.

[10] Большой академический словарь русского языка (БАС). Т. 1–28. М., СПб. : Наука, 2004–2025.

2) окказиональные дериваты, образованные по продуктивным моделям, «существующие лишь в конкретных контекстах и не ставшие общеупотребительными»;

3) сложные дефисные образования, служащие для передачи комплексных понятий и характеристик;

4) транскрибированные галлицизмы, введенные для адаптации иноязычной лексики.

2. С помощью методов корпусной лингвистики прослежена дальнейшая судьба выявленных новаций и определен их статус в русском языке:

1) часть единиц осталась сугубо окказиональными, уникальными для идиостиля Толстого;

2) некоторые образования, не попав в словарную кодификацию, тем не менее нашли ограниченное применение в языке художественной литературы;

3) отдельные семантические инновации были успешно усвоены языком и используются другими писателями;

4) транскрибированные галлицизмы в большинстве своем были вытеснены из узуса синонимами или более удобными формами, что наглядно демонстрирует действие закона языковой экономии.

3. Установлены и описаны ключевые нарративно-художественные функции лексических новаций в поэтике психологического реализма Толстого:

1) функция объективации внутреннего процесса: опредмечивание действий и признаков позволяет преобразовать динамическое переживание в статический объект анализа, что отражает работу сознания героя, созерцающего собственные чувства;

2) функция создания эффекта сиюминутности и детализации: звукоподражательные окказионализмы фиксируют продолжительный звуковой фон, а «двойная» суффиксация дробит цвет для передачи сложных зрительных впечатлений, максимально приближая читателя к восприятию героя;

3) характерологическая функция: использование транскрибированных галлицизмов в несобственно-прямой речи Николеньки служит средством речевой характеристики, подчеркивая европеизированный характер его воспитания и мировосприятия;

4) функция критической оценки: сложные дефисные образования с семантикой антонимичности используются для разоблачения фальши и внутренней противоречивости представителей высшего общества.

Обсуждение

В произведениях Толстого неологизмы представлены преимущественно семантическими преобразованиями, при которых значение употребляемой лексемы не соответствует или соответствует не в полной мере узуальному значению, закрепленному словарями русского языка того периода. Такие семантические неологизмы встречаются и в повести «Юность». Так, частотное для русского языка слово *оцарапать*, зафиксированное в толковом словаре

Даля в единственном значении ‘провести царапину, содрать кожу’[11], впервые в русской литературе употребляется Толстым в значении ‘нанести вред вообще, в т.ч. моральный; задеть’: «*…это замечание только чуть-чуть* ***оцарапало*** *меня…*»[12]. Лексема приобретает новое, метафорическое значение, основанное на «сходстве между психическими явлениями и реалиями внешнего, материального мира» (Фалеева, 2021: 56), именно в толстовском тексте, посвященном изображению внутреннего мира взрослеющего человека. Это подтверждает тезис Е.Н. Купреяновой о том, что, «стремясь передать явления внешнего мира во всех тех „подробностях чувств“, которые они рождают у человека, Толстой часто строит словесный образ… на ассоциативных связях…»[13].

В дальнейшем, по данным НКРЯ, в художественной литературе используется преимущественно узуальное значение этого слова ‘нанести физический урон’, однако уже в начале XX в. начинает активно употребляться и значение, предложенное Толстым: *«Коли* ***оцарапано сердце****, то уж всегда будет болеть…»*[14] и др.

В современных толковых словарях это значение отсутствует: ср. *оцарапать* ‘сделать на чем-либо царапину; поцарапать’[15]; *оцарапать* ‘повредить чем-либо колючим или острым, оставив на чем-либо или на чьей-либо коже царапину’[16]; *оцарапать* ‘повреждать поверхность чего-либо колючим’[17]. Однако из 338 контекстов, зафиксированных НКРЯ, в 23 это слово встречается в том значении, которое придал ему Толстой (6,8 % от общего числа словоупотреблений). Такой процент свидетельствует о частичной усвоенности лексемы в языке последующей художественной литературы, где «языковая свобода, как правило, имеет какие-либо опоры в прошлом» (Фещенко, 2023: 110).

Словопроизводство в XIX в. являлось одним из активных процессов пополнения лексики. Подобные образования нередки для толстовских текстов, в т.ч. для повести «Юность». Такие индивидуально-авторские неологизмы, как *шляние*, *похряскивание*, *покряхтывание*, *капризничанье*, *подсмеивание* являются производными отглагольными существительными, выражающими так называемую «опредмеченность» действия. Несмотря на то, что эти лексемы образованы продуктивным для русского языка способом суффиксальной деривации, они вводятся Толстым для усиления выразительности текста, конденсации и объективации процесса, а не для номинации нового явления и, следовательно, в узусе не закрепляются.

---

[11] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866.

[12] *Толстой*, 2000. С. 186.

[13] *Купреянова Е.Н.* Молодой Толстой. Тула : Тульское книжное издательство, 1965. С. 47.

[14] Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.08.2025). (Максим Горький. Трое (1901)).

[15] Словарь русского языка : в 4 томах (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. С. 730.

[16] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах. М. : Русский язык, 2001. Т. 2. С. 1204.

[17] Большой академический словарь русского языка (БАС). Т. 1–28. М. ; СПб. : Наука, 2004–2025. Т. 15. С. 185.

Окказионализмы *шляние*, *капризничанье*, *подсмеивание* в приведенных контекстах оказываются не столько совершаемыми действиями, сколько длительными процессами, тяготеющими к состоянию, характеристическим свойствам поведения: «*Вне учения занятия мои состояли: в уединенных мечтах и размышлениях, в деланиях гимнастики… в* ***шлянии*** *без всякой определенной цели…*»[18]; «*…мне подавали повод к внутреннему* ***подсмеиванию****…*»[19]; «*…прозаические воспоминания детства — линейка, простыня,* ***капризничанье*** *— были еще слишком свежи в памяти…*»[20]. Эти лексемы часто оказываются вписаны в ряд однородных членов, выраженных отглагольными существительными (*размышление, делание, шляние*). Подобная конструкция еще раз показывает их структурно-семантическую связь с объективацией действия, мыслящегося как состояние или свойство.

В том же значении слово *шляние* употребляется в контекстах, отраженных в НКРЯ и относящихся к разным эпохам создания литературных произведений. Приведем лишь некоторые из них: «*Берг тогда посоветовал ему прекратить* ***шляние*** *по кабачкам, продолжить самообразование…*»[21]; «*…вместилось столько разговоров, лежания в постели,* ***шляния*** *по улицам…*»[22]. Как видно из приведенных примеров, это просторечное новообразование, впервые использующееся в повести Толстого с целью поведенческой характеризации Николеньки, находит если не активное, то по крайней мере не единичное употребление (18 контекстов, включая толстовский). Схожей является история более нейтрального новообразования *подсмеивание*, вошедшего впоследствии и в толковый словарь Даля со значением ‘действие по глаголу подсмеиваться’ [23] (всего 10 контекстов). В отношении третьего окказионализма (*капризничанье*) в НКРЯ обнаруживается 5 примеров употребления этого слова, начиная с текста повести «Юность».

Как и в случае со словом *капризничанье*, которое в контексте пассивного действия (воспоминания) приобретает еще и фоновую семантику, окказионализмы *похряскивание* и *покряхтывание*, образованные на базе звукоподражательных глаголов, фиксируют не мгновенный звук, а его протяженность. Это создает в нарративе непрерывный звуковой фон, способствующий более глубокому пониманию художественной действительности. Объекты фиксируются во внутреннем мире молодого героя не как отдельные фрагменты, а как единое полотно явлений и событий: «*…улицы и несносный оглушительный шум мостовой сменились просторным видом полей и мягким* ***похряскиванием*** *колес по пыльной дороге и весенний пахучий воздух и простор охватил*

[18] *Толстой*, 2000. С. 154.
[19] Там же. С. 269.
[20] Там же. С. 226.
[21] НКРЯ (Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)).
[22] НКРЯ (Сергей Есин. Марбург (2005)).
[23] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 3. С. 186.

меня со всех сторон…»[24]; «*Часто я находил большое волнующее наслаждение… слушать… **покряхтывание** Фоки…*»[25].

По данным НКРЯ, существительное *покряхтывание*, как и производящий глагол *покряхтывать*, в аналогичном (и единственном) значении использовались в художественной литературе второй половины XIX в. (40 контекстов). В то же время лексема *похряскивание* и соответствующий глагол *похряскивать* более не фиксируется ни в одном контексте и представляет собой «явление окказионального словотворчества» Толстого (Романов, 2019: 96).

Схожим свойством трансляции изначально непредметных компонентов художественной действительности посредством их объективации обладают и окказионализмы *волшебность* и *речивость*, называющие признак как абстрактный предмет, гипотетически подвластный умственному созерцанию. *Волшебность*, в понимании Толстого, это не столько свойство, сколько концентрированная сущность, становящаяся предметом размышления и ощущения Николеньки («*Но, исключая общей черты невозможности — **волшебности** мечтаний…*»[26]). И хотя эта лексема не фиксируется ни современными, ни историческими словарями, в аналогичном толстовскому значении она находит место в 9 текстах художественной литературы середины XX – начала XXI вв.

Лексема *речивость* впервые используется Толстым в повести «Детство» (причем, по данным НКРЯ, это первое словоупотребление лексемы) и повторяется в «Юности» при характеристике одного и того же персонажа (княгини Корнаковой): «*Княгиня очень много говорила и по своей **речивости** принадлежала к тому разряду людей, которые…*»[27]; «*…заговорила она [княгиня] с своей обыкновенной **речивостью***»[28]. В отличие от прилагательного *речистый* ‘говорливый, болтливый, словоохотливый’[29], зафиксированного в словаре Даля, *речивость* понимается Толстым как качество, мыслящееся «самостоятельным явлением» и становящееся объектом наблюдения и оценки. В дальнейшем эта лексема, не получившая иных значений, встречается однократно в одном тексте середины XX в., что свидетельствует о ее окказиональном характере.

В случаях с опредмечиванием действия и качества работает один художественный принцип, основанный на трансформации динамического процесса или мимолетного признака, ощущения в статический, в определенном смысле самостоятельный объект, который можно рассмотреть со всех сторон, проанализировать его причины и следствия. Этот принцип изображения художественной действительности, при котором внутренний процесс становится

[24] *Толстой*, 2000. С. 204.
[25] Там же. С. 236.
[26] Там же. С. 158.
[27] Там же. С. 52.
[28] Там же. С. 198.
[29] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 4. С. 83.

объектом созерцания (Zweers, 1971: 45–47), позволяет глубже проникнуть в сознание героя: персонаж не просто *подсмеивается*, он словно бы наблюдает за своим *подсмеиванием* как за чем-то отдельным от себя. Разница в точке зрения на действие или признак (с позиции морфологизированного средства их выражения или с позиции их предметности) позволяет рассматривать бытовую сцену как часть философского размышления (Liu, Xu, Talybina, 2023).

Говоря о структурно-семантических новообразованиях, необходимо отметить такие прилагательные, как *голубоватенький*, *зеленоватенький* и *лиловатый*. Несмотря на то, что они сохраняют колористическую семантику, а подобная модель словообразования не является новой для русского языка XIX в. (Иорданиди, 2025: 92), эти лексемы примечательны тем, что впервые употребляются именно на страницах произведения Толстого (*голубоватенькие дрожки, зеленоватенькая материя, лиловатая поверхность реки*). В то время как в толковых словарях (как исторических, так и современных) фиксируются лексемы *голубоватый* ‘неярко голубой’[30,31] и *зеленоватый* ‘слабо зеленый’[32,33] как финали соответствующих словообразовательных цепочек[34], Толстой присоединяет к словам, в производной основе которых уже содержится суффикс с уменьшительным значением, морфему, семантически связанную со «снижением интенсивности проявления признака»[35]. Такое «дробление» цвета способствует усилению эффекта зрительной точности в изображении объектов художественной действительности. Толстой пытается перенести на страницы работу человеческого зрения, которое часто видит не чистые спектральные цвета, а сложные, смешанные или приглушенные тона.

В отличие от вышеупомянутых лексем, слово *лиловатый*, введенное в язык художественной литературы именно Толстым, фиксируется и в современных толковых словарях со значением ‘имеющий лиловый оттенок’[36]. Количество контекстов из НКРЯ для слова *лиловатый* в значительной мере превышает количество контекстов для окказиональных новообразований *голубоватенький* и *зеленоватенький* (в соотношении 282:4:2). Это объясняется прежде всего тем, что лексема *лиловатый* образована по аналогии с узуальными лексико-семантическими вариантами *зеленоватый* (ср.: 3274 примера в НКРЯ) и *голубоватый* (ср.: 1993 примера в НКРЯ) посредством «одиночной», а не «двойной», семантически дублетной суффиксации, нередко избыточной

[30] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л. : Наука, 1989. С. 160.

[31] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 1. С. 327.

[32] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. Л. : Наука, 1995. С. 164.

[33] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 1. С. 607.

[34] *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. М. : Русский язык, 1990. С. 367.

[35] *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 569.

[36] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах. Т. 1. М. : Русский язык, 2001. С. 789.

для широкого употребления. Таким образом, «отклонение от словообразовательного типа (модели)… повышает градус экспрессивности новообразования» (Жданова, Рацибурская, 2024: 356).

Одним из аспектов словотворчества Толстого является дефисное сложение слов, и, как правило, такое конструирование осуществляется по модели *наречие + прилагательное* или *прилагательное + прилагательное*. Дефисные образования — сознательный художественный прием, позволяющий с определенной точностью и лаконичностью называть сложные явления внутреннего мира человека.

В повести «Юность» обнаруживаются сложные прилагательные, производящие основы которых находятся в семантических отношениях 1) контекстуальной дополнительности или 2) контекстуальной антонимичности. В текстах Толстого, как правило, тематически эти слова связаны с параметризацией нравственных качеств, свойств поведения (в т.ч. мимического и речевого). «Сложения пояснительного типа, имеющие состав: вторая часть — адъектив, первая (наречная) его уточняет или поясняет» характеризуются Е.А. Земской как «высокоактивные» и для современного русского языка (Земская, 1992: 49).

В толстовском тексте семантика подобных образований шире. Если слова первой группы семантически конкретизируют признак предмета или действия, к которому относится характеристика (*дружески-родственно, добродушно-веселый, равнодушно-рассеянный*), то слова, производящие основы которых находятся в отношениях контекстуальной антонимичности, с одной стороны, показывают внешнюю характеристику, ту, которую персонаж транслирует окружающим, и, с другой стороны, выявляют ее искусственность: *притворно-рассеянно, благородно-самодовольный, самодовольно-кроткий*. В исследованиях языкового новаторства «зрелого» Толстого отмечается: «…отдельную семантическую группу составляют так называемые «мнимые оксюмороны», когда в состав сложного слова входят противоположные по семантике корни или компоненты, традиционно не сочетающиеся, семантически взаимоисключающие в узуальном употреблении. В таких случаях цельнооформленность сложного слова влечет за собой его значительную воздействующую силу, повышает художественный эффект соответствующего отрезка текста» (Романов, 2020: 275). В лексической ткани повести «Юность» Толстой использует «мнимые оксюмороны» преимущественно при характеристике представителей высшего общества, подчеркивая таким образом «искусственность» светского общества (Ланская, 2020: 65–66).

В корпус лексических новаций Толстого входят осуществленные писателем транскрипции и транслитерации ряда иноязычных, главным образом французских, лексем: *культивировать* (фр. *cultiver*), *мальтретировать* (фр. *maltraiter*), *комильфотный* (фр. *comme il faut*), *адмирация* (фр. *admiration*). Повестью «Юность» эти единицы были впервые введены в кириллическом оформлении, что свидетельствует о попытке их языковой адаптации. Судьба подобных новаций в языке определяется действием закона языковой экономии. Как показывает дальнейшая история языка, большая часть приведенных

толстовских форм не была закреплена в узусе. Так, слово *культивировать* ‘усиливать, подкреплять, развивать’ в том графическом оформлении, в котором его перенес на русскую почву Толстой, употребляется лишь в 3 контекстах, включая толстовский, и уже в 60-е гг. XIX в. уступает место варианту с упрощенной фонетической структурой *культивировать*, использующемуся гораздо активнее (1494 словоупотребления в НКРЯ).

Слово *мальтретировать*, впервые употребленное Толстым в повести «Юность» (*«…больно смотреть, как он* ***мальтретирует*** *эту княжну…»*[37]), представляет собой попытку максимально точно передать фонетический облик французского глагола *maltraiter* ‘плохо обращаться’ средствами кириллицы и так же, как предшествующий пример, не находит фиксации не только в узуальных источниках, но и в иных письменных источниках. НКРЯ предлагает, помимо толстовского, 5 употреблений этой лексемы — в художественных текстах конца XIX – начала XX вв.

Подобные индивидуальные авторские новообразования, как уже говорилось, не закреплялись в русском языке. С одной стороны, происходило их вытеснение исконными синонимами: по данным НКРЯ, употребленная впервые Толстым лексема *адмирация* встречается лишь в 4 контекстах, тогда как исконное синонимичное слово *восхищение* — в 7236 примерах. С другой стороны, как в случае со словом *комильфотный*, в языке закреплялась усеченная и неизменяемая форма *комильфо*, соответствующая норме языка-источника (количество контекстов — 26:108 соответственно). «Избыточность словоупотребления, сосуществование слов, тождественных по значению, неизбежно вызывает в дальнейшем их смысловое размежевание», а нередко и полное вытеснение одной лексемы другой (Сорокин, 1965: 25). Такая «избирательность» наглядно показывает, как языковая система со временем отбирает наиболее удобные и эффективные средства для выражения того или иного понятия, отсеивая избыточные или фонетически неудобные формы.

Тем не менее в произведениях художественной литературы и в толстовской трилогии особенно такие галлицизмы имеют отчетливо выраженную характерологическую функцию. Большая часть заимствованных неологизмов реализуется в несобственно-прямой речи Николеньки, репрезентируя особенности его мировосприятия и подчеркивая европейский характер воспитания героя. Кроме того, включение подобных слов в лексическую ткань произведения демонстрирует активный экспериментаторский подход писателя к языку, способствующий решению конкретных художественных задач.

Заключение

Проведенный анализ языкового своеобразия повести Толстого «Юность» наглядно демонстрирует, что его лексические новации (семантические сдвиги, окказиональные слова, дефисные конструкции, кириллическое оформление иноязычной лексики) не были стилистической самоцелью. Каждое из рас-

[37] *Толстой*, 2000. С. 203.

смотренных явлений: метафоризация значений, опредмечивание действий и признаков, неологическая деривация, введение русифицированных галлицизмов — подчинено общей художественной установке автора.

Эта установка заключается в стремлении к психологическому реализму, к фиксации сиюминутного, изменчивого и противоречивого потока сознания формирующейся личности. Толстой находит и создает именно те лингвистические и стилистические средства, которые позволяют ему объективировать внутренние процессы, превратить мимолетное ощущение в предмет созерцания, а сложное переживание — в лаконичную и емкую языковую форму. Таким образом, все рассмотренные новообразования, даже те, что не закрепились в узусе, являются неотъемлемой частью художественного мира, в котором язык становится репрезентантом мысли и чувства, а экспериментаторский подход к его средствам — следствием бескомпромиссного поиска высшей правды о человеке.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающую полноту и подразумевает расширение предложенного аналитического подхода. Во-первых, логичным продолжением работы представляется комплексное изучение языкового новаторства на материале всей биографической трилогии Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность»). Сравнительный анализ позволит выявить эволюцию толстовского словотворчества и соотнести ее с развитием психологизма как доминанты его художественной системы. Во-вторых, разработанная методика (синтез сплошной выборки, лексикографической верификации и корпусного анализа для установления художественной функции) может быть применена к изучению идиостилей других писателей-реалистов второй половины XIX в. Это дает возможность рассматривать словотворчество как один из приемов психологического реализма в русской литературной традиции.

Список литературы

Архангельская Ю.В. О «Словаре инноваций Л.Н. Толстого: лексика, фразеология, афористика» // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83-1. С. 56–60. EDN: TFLTWX

Былинка А.И. Безэквивалентная лексика в переводе романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Наукосфера. 2024. № 5-1. С. 375–378. https://doi.org/10.5281/zenodo.11191182 EDN: ELWJDU

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высш. школа, 1982. 528 с. EDN: VTFVXF

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. С. 229–259.

Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362 EDN: RRNCCG

Заболотская А.Р. Фразеологические единицы в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастие» и особенности их перевода на английский язык // Российские исследования. 2023. Т. 4. № 2. С. 37–45. EDN: ATCECW

Земская Е.А. Словообразование как деятельность : монография. М. : Наука, 1992. 221 с. EDN: SIRWQD

Золян С.Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 106–119. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119 EDN: KRLLXO

Иорданиди С.И. Теоретические основы русского словообразования в работах В.В. Лопатина и И.С. Улуханова // Научные направления и школы в современной славянской лексикографии : монография. СПб : ИЛИ РАН, 2025. С. 77–98. https://doi.org/10.30842/978560518949706 EDN: MCOBIW

Кадим М.М. Устаревшая лексика русского языка: архаизмы (на материале произведения Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» и статьи «Несколько слов по поводу книги «Война и мир») // Филологos. 2017. № 3 (34). С. 55–61. EDN: ZHKDJP

Ланская О.В. Устная коммуникация как отражение пространства дома в творчестве Л.Н. Толстого // Проблеми на устната комуникация. 2020. Vol. 9. № 2. Pp. 61–69.

Ломов А.Г. К теории «статической» и «динамической» фразеологии // Вопросы филологии в современных исследованиях. Елец, 2018. С. 338–342. EDN: UUASGO

Меркин Б.Г. Детские произведения Л.Н. Толстого и К.Д. Ушинского. Сопоставительный анализ на основе частотного словаря лексики // Русский язык в современном образовательном пространстве : сб. науч. трудов. Смоленск : ГАУ ДПО СОИРО, 2024. С. 115–127.

Молнар А. Развенчание языка церкви Л.Н. Толстым в романе «Воскресение» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 3. С. 145–156. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156 EDN: AIQNMA

Путилина М.А. Проблема агнонимии в современном языкознании. агнонимическая лексика религиозной сферы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6:33) : материалы XII Междунар. форума. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 200–202. EDN: ZGRBRD

Романов Д.А. Языковые новации произведений Л.Н. Толстого 1870–1890-х гг. на фоне семантической и стилистической неологии его творчества // Труды Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 92–99. EDN: TWWIFR

Романов Д.А. Авторские сложные слова (новообразования) в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Лекантовские чтения : материалы Междунар. научн. конф. М. : ИНУ МГОУ, 2020. С. 270–276. EDN: RTJSMR

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX в. М., Л. : Наука, 1965. 565 с.

Фалеева А.С. Лексема *весна* как средство образной репрезентации внутреннего мира человека // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 55–64. https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-4-55-64 EDN: IDVEEO

Фещенко В.В. К сердцу языка — через дискурс: о способах трансфера неологизмов // Известия Восточного института. 2023. № 1 (57). С. 106–114. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114 EDN: VPFXMB

Liu X., Xu M., Talybina E.V. Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 64–78. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78 EDN: ZLYYYW

Zweers A.F. Grown-up narrator and childlike hero: an analysis of the literary devices employed in Tolstoj's trilogy Childhood, Boyhood and Youth. Hague : Mouton, 1971. 165 p.

Сведения об авторах:

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация, 300026, Тула, пр-кт Ленина, д. 125. *Научные интересы:* региональные лингвистические исследования, теория языка, теория литературы, лингвопоэтика, лингвостилистика. ORCID: 0000-0002-9650-3408. SPIN-код: 1110-3808. E-mail: kafrus@rambler.ru

Кучерова Мария Александровна, ассистент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация, 300026, Тула, пр-кт Ленина, д. 125. *Научные интересы:* семиотика, теория коммуникации, лингвопоэтика, лингвостилистика. ORCID: 0009-0009-2502-7481. SPIN-код: 4137-4278. E-mail: merismus@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225
EDN: OVNOUI

Research article

Language innovations of the “early” L.N. Tolstoy and their narrative-artistic functions

Dmitry A. Romanov, Maria A. Kucherova✉

L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, *Tula, Russian Federation*
✉merismus@mail.ru

Abstract. The study explores Tolstoy’s linguistic innovations in his novella “Youth” and their role in the development of Russian literary language vocabulary and then identifies their narrative and artistic function. The relevance of this study stems from the need for a detailed examination of the relationship between Tolstoy’s linguistic innovations and his artistic system. The scientific novelty of the article lies in the fact that the authors conduct corpus and linguistic-poetic analysis of linguistic innovations in the novella “Youth”. The aim of the article is to identify and classify various types of author’s innovations and their role in the text. The research methods include a comprehensive sampling of occasional forms, their comparison with the usual norm using systemic lexicography data, a corpus-based method using contexts from Russian National Corpus to determine the future functioning of the lexemes in Russian texts, and contextual-semantic analysis to establish the narrative and artistic functions of these innovations. Using historical and modern explanatory dictionaries, the authors identify deviations of Tolstoy’s new expressions from the linguistic norm of the late 1850s. The National Corpus of the Russian Language traces the subsequent functioning of these lexemes in the language of fiction and shows the influence of Tolstoy’s word creation on Russians vocabulary. Furthermore, the ideological and artistic functions of each type of innovation in revealing the inner world of the characters and shaping the narrative are established. The authors proved that Tolstoy’s linguistic innovation is proved to be not a collection of spontaneous and isolated original word usages, but a purposeful poetic device for detailing artistic space. The research contributes to the theory of linguistic innovation and understanding the ways author’s style influences literary language. The prospects of the research include subsequent studies of the linguistic context of the biographical trilogy and applying the developed methodology to the analysis of the idiostyles of other 19th-century writers.

Keywords: biographical trilogy, Youth, occasionalism, neologism, semantics, vocabulary, language norm

Authors' contribution: Romanov D.A. — setting aim and objectives, determining the methodology, processing the research results, preparing and editing the text; Kucherova M.A. — conducting the research and preparing the text.

Funding. The study was supported by grant No. 25-28-20226 from the Russian Science Foundation, "Contexts of L.N. Tolstoy's biographical trilogy: 21st Century," https://rscf.ru/project/25-28-20226/

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Article history: received 15.10.2025; accepted 29.01.2026.

For citation: Romanov, D. A., & Kucherova, M. A. (2026). Language innovations of the "early" L.N. Tolstoy and their narrative-artistic functions. *Russian Language Studies*, *24*(2), 210–225. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225 EDN: OVNOUI

References

Arkhangel'skaya, Yu. V. (2014). On "Dictionary of innovations of Leo Tolstoy: lexis, phraseology, aphorisms". *Vestnik of Novgorod State University*, (83-1), 56–60. (In Russ.). EDN: TFLTWX

Bylinka, A. I. (2024). Non-equivalent vocabulary in the translation of the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy. *Naukosfera*, (5-1), 375–378. (In Russ.). https://doi.org/10.5281/zenodo.11191182 EDN: ELWJDU

Faleeva, A. S. (2021). The lexeme *vesna* as a means of figurative representation of the internal state of a person. *World of the Russian Word*, (4), 55–64. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-4-55-64 EDN: IDVEEO

Feshchenko, V. V. (2023). Through discourse — to the heart of language: How neologisms are transferred. *Oriental Institute Journal*, (1), 106–114. (In Russ.). https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114 EDN: VPFXMB

Iordanidi, S. I. (2025). Theoretical foundations of Russian word-formation in the V.V. Lopatin's and I.S. Ulukhanov's works. In *Scientific directions and schools in modern Slavic lexicography*. Saint Petersburg: OR RAS Publ. (In Russ.). EDN: MCOBIW

Kadim, M. M. (2017). Obsolete Lexicon of the Russian language: Archaisms (based on the work of Leo Tolstoy "The Prisoner of the Caucasus" and the article "A few words about the book "War and Peace"). *Philologos*, (3), 55–61. (In Russ.). EDN: ZHKDJP

Lanskaya, O. (2020). Oral communication as reflection of house space in the works of L.N. Tolstoy. *Issues in Spoken Communication*, *9*(2), 61–69.

Liu, X., Xu, M., & Talybina, E. V. (2023). Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories. *Russian Language Studies*, *21*(1), 64–78. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114 EDN: ZLYYYW

Lomov, A. G. (2018). On the theory of "static" and "dynamic" phraseology. In *Questions of philology in modern research. International collection of scientific works dedicated to the memory of Yelets linguists* (pp. 338–342). Yelets: Bunin Yelets State University. (In Russ.). EDN: UUASGO

Merkin, B. G. (2024). Children's works by L.N. Tolstoy and K.D. Ushinsky. Comparative analysis on the basis of a frequent vocabulary dictionary. In *Russian Language in the Modern Educational Environment* (pp. 115–127). Smolensk: GAU DPO SOIRO Publ. (In Russ.).

Molnar, A. (2023). Destruction of church language by Leo Tolstoy in the "Resurrection" novel. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (3), 145–156. (In Russ.). https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156 EDN: AIQNMA

Putilina, M. A. (2017). The problem of agnonymy in modern linguistics. Agonymous vocabulary of the religious sphere in Leo Tolstoy's "War and Peace". In *Seek ye first the Kingdom of God and His Righteousness (Matthew 6:33): Proc. of the XII International Forum* (pp. 200–202). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: ZGRBRD

Romanov, D. A. (2019). Language innovations of L.N. Tolstoy's works (1870s–1890) against the background of the semantic and stylistic neology of his creativity. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, (19), 92–99. (In Russ.). EDN: TWWIFR

Romanov, D. A. (2020). Author's compound words (new formations) in L.N. Tolstoy's novel "War and Peace". In *Lekantovskie Readings: Proc. of the International Scientific Conf.* (pp. 270–276). Moscow: INU MGOU Publ. (In Russ.). EDN: RTJSMR

Sorokin, Yu. S. (1965). *The Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language in the 1830s–1890s.* Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1982). *Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.). EDN: VTFVXF

Vinokur, G. O. (1959). *Selected Works on the Russian Language.* Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ. (In Russ.).

Zabolotskaya, A. R. (2023). Phraseological units in the novel of L.N. Tolstoy "Family Happiness" and features of their translation into English. *Journal of Russian Studies*, *4*(2), 37–45. (In Russ.). EDN: ATCECW

Zemskaya, E. A. (1992). *Word formation as an activity.* Moscow: Nauka Publ. (In Russ.). EDN: SIRWQD

Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in Russian-language internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies, 22*(3), 350–362. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362 EDN: RRNCCG

Zolyan, S. T. (2022). Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 106–119. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/0373–658X.2022.1.106-119 EDN: KRLLXO

Zweers, A. F. (1971). *Grown-up narrator and childlike hero: An analysis of the literary devices employed in Tolstoj's trilogy Childhood, Boyhood and Youth.* Hague: Mouton Publ.

Bio notes:

Dmitry A. Romanov, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation. *Research interests:* regional linguistic studies, language theory, literary theory, linguapoetics, linguastylistics. ORCID: 0000-0002-9650-3408. SPIN-code: 1110-3808. E-mail: kafrus@rambler.ru

Maria A. Kucherova, Assistant, Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation. *Research interests*: semiotics, communication theory, linguapoetics, linguastylistics. ORCID: 0009-0009-2502-7481. SPIN-code: 4137-4278. E-mail: merismus@mail.ru

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 226–243
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243
EDN: QFDTAH

Научная статья

Эволюция политической медиариторики в России: комплексный лингвистический анализ

Н.А. Ахренова

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉akhrenova-na@rudn.ru

Аннотация. Необходимость осмысления трансформации публичного политического языка России на фоне радикальных социополитических сдвигов XX–XXI вв. и цифровизации медиасреды обосновывает актуальность исследования, цель которого — выявить и лингвистически описать системные сдвиги в политической медиариторике СССР и России, а также определить специфику их воздействия на строй русского языка. Методологическую основу составляет интеграция критического дискурс-анализа и лингвистических методов. Эмпирический материал включает выборку текстов политической медиакоммуникации с 1920-х по 2020-е гг. (пресса, речи лидеров, ТВ и цифровой контент). Применялись лексико-семантический, синтаксический, метафорический, интертекстуальный и диахронический корпусный анализ (НКРЯ). Диахронический анализ позволил выделить три фазы эволюции, оказавшие системное воздействие на русский язык. Эпоха монолога характеризовалась ритуализированным, клишированным идиолектом со сложным синтаксисом, номинализацией и семантической инверсией базовых концептов. Эпоха коммуникативного хаоса отмечена радикальной трансформацией русского языкового строя: семантической нестабильностью терминов, легитимацией криминального жаргона, синтаксической редукцией и фрагментацией коллективного субъекта («мы»). Современная эпоха управляемого полилога утвердила стратегию «избирательной сложности» — технологичное варьирование лингвистических кодов от книжного синтаксиса до цифрового аграмматизма, а также гибридизацию официального дискурса с интернет-сленгом. Доказано, что эволюция политической медиариторики в России предстает собой процесс перманентного структурирования грамматических, синтаксических и лексических основ публичной речи на русском языке. Специфика национального пути заключается в технологической модернизации архаичных ритуальных моделей коммуникации, где русский язык выступает одновременно объектом и инструментом трансформации.

Ключевые слова: эволюция дискурса, управляемый полилог, критический дискурс-анализ, медиалогия, концептуальная метафора

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.10.2025; принята к печати 18.12.2025.

© Ахренова Н.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Ахренова Н.А.* Эволюция политической медиариторики в России: комплексный лингвистический анализ // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 226–243. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243 EDN: QFDTAH

Введение

В эпоху цифровой трансформации политическая риторика эволюционирует из средства передачи идеологии в инструмент конструирования реальности и управления смыслами (Wodak, 2011). Российский контекст, переживший в XX–XXI вв. ряд фундаментальных социополитических сдвигов (становление, трансформация и распад СССР, формирование новой государственности), представляет собой уникальную среду для диахронического исследования взаимосвязи между медиатехнологиями, языком и властью. Эволюция политической медиариторики здесь носит нелинейный, сложный характер, требующий междисциплинарного синтеза лингвистики, дискурс-анализа и медиалогии.

Актуальность исследования обоснована тремя ключевыми факторами: 1) необходимостью осмысления трансформации публичной политической речи в условиях смены медиаформатов и цифровизации; 2) отсутствием целостных научных работ, прослеживающих эволюцию политической медиариторики в России как единого процесса, с акцентом на взаимосвязи смены медиаканалов (McLuhan, 1964) и лингвориторических изменений; 3) дефицитом системных компаративных исследований, выявляющих специфику российского пути на фоне западных траекторий развития политической коммуникации.

История изучения политической медиариторики в России сформирована шестью взаимосвязанными научными направлениями: 1) семиотикой дискурса: Ю.М. Лотман (Лотман, 1996), Б.А. Успенский (Успенский, 1994); 2) методологией критического дискурс-анализа и политической лингвистики: Н. Фэйрклаф (Fairclough, 1989), Р. Водак (Wodak, 2009, 2011), А.П. Чудинов (Чудинов, 2006); 3) медиалингвистикой и философией коммуникации: Ф. Заппеттини (Заппеттини, Понтон, Ларина, 2021), В.И. Коньков (Коньков, 2018), М. Маклюэн (McLuhan, 1964); 4) исследованиями современной российской медиасистемы: M. Ascott (Ascott, 2020), Л.В. Балашова (Балашова, 2022), М. Горэм (Gorham, 2003), М. Ларуэль (Laruelle, 2019); 5) анализом изменений русского языка в советский и постсоветский периоды: М. Горэм (Gorham, 2015); 6) изучением зарубежной политической медиариторики: Н.А. Ахренова, С.Г. Тер-Минасова (Ахренова, Тер-Минасова, 2025), Н.Л. Колесникова (Колесникова, 2020), П.Г. Логинова (Логинова, 2025). Российский контекст, переживший в XX–XXI вв. ряд фундаментальных сдвигов, представляет собой уникальную среду для диахронического исследования взаимосвязи между медиатехнологиями, языком и властью.

Однако не изученным остается синтез, соединяющий микроуровневый лингвистический анализ с медиалогией в рамках целостной диахронической и компаративной перспективы. Проблема заключается в фрагментарности существующих подходов и необходимости создания интегративной аналитиче-

ской модели, объясняющей диалектику ритуального и технологического в эволюции российской политической медиариторики на протяжении XX — начала XXI вв.

Для нивелирования этой лакуны в представленном исследовании ставится ряд задач:

1) разработать интегративную аналитическую модель эволюции политической медиариторики на основе интеграции критического дискурс-анализа и медиалогии;

2) выделить этапы эволюции политической медиариторики XX–XXI вв. и дать им комплексную характеристику.

Таким образом, **цель исследования** — выявить и лингвистически описать системные сдвиги в политической медиариторике СССР и России XX–XXI вв., отражающие диалектику медиатехнологических и социополитических трансформаций, и определить специфику российского пути ее эволюции.

Методы и материалы

Исследование построено на интегративной методологии, сочетающей принципы критического дискурс-анализа (КДА) и медиалогии для проведения диахронического лингвистического анализа. Основным методологическим инструментом служит трехмерная модель КДА Н. Фэйрклауфа (Fairclough, 1989), рассматривающая дискурс как единство текста, дискурсивной практики (процессы производства, распределения и потребления) и социальной практики. Данная модель обогащена медиалогическим подходом М. Маклюэна (McLuhan, 1964), в частности, его тезисом «the medium is the message» (Средство коммуникации является сообщением), что позволяет анализировать трансформацию риторических стратегий как следствие смены доминирующих медиаканалов (от централизованных «горячих» медиа к сегментированным цифровым платформам).

На текстуальном уровне применялись методы, направленные на выявление и описание:

1) лексико-семантических особенностей политической медиариторики: эволюция идеологем, ключевых концептов, характер заимствований и жаргонизации;

2) изменений в степени синтаксической сложности (номинализация, типология предложений), использование стилистических регистров (официально-деловой, публицистический, разговорный);

3) метафорического моделирования для идентификации доминирующих концептуальных метафор (Lakoff, Johnson, 1980) и их трансформации в разные эпохи;

4) анализа источников и типов прецедентных текстов, механизмов цитирования и формирования дискурсивных канонов.

На уровне дискурсивной практики исследовались условия производства и распространения политического дискурса: специфика медиаканалов каждого периода, роль институтов (партия, государственные СМИ, независимые

медиахолдинги, цифровые платформы) и технологии продюсирования контента. На уровне социальной практики лингвистические данные интерпретировались в широком историко-политическом и социокультурном контексте.

Для обработки материала использовались качественные методы дискурсивного анализа и элементы квантитативной лингвистики. Проведен диахронический корпусный анализ с использованием подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ)[1], включая газетный корпус и корпус современных СМИ, для отслеживания динамики частотности ключевых лексем и их коллокаций. Компаративный аспект реализован через сопоставление выявленных российских трендов с основными векторами эволюции политической коммуникации в США и Западной Европе на основе вторичного анализа академической литературы.

Материалом исследования послужила репрезентативная выборка текстов политической медиакоммуникации с 1920-х по 2020-е гг. В нее вошли: передовицы центральных советских газет («Правда»[2], «Известия»[3]), доступные онлайн; транскрипты и аудиозаписи ключевых выступлений государственных лидеров; материалы телевизионных программ, ток-шоу и дебатов (1990-е – 2020-е гг.); контент официальных аккаунтов и пропагандистских пабликов в социальных сетях (VK, Telegram) и мессенджерах; публикации государственных информационных агентств (ТАСС[4], РИА Новости[5]).

Результаты

Проведенный анализ позволил достичь поставленной цели и получить следующие результаты:

1. Установлены фазы эволюции и их доминантных метафорических моделей. Определены и описаны три-четыре ключевых фазы в развитии политической медиариторики, каждая из которых характеризуется доминированием специфической метафорической системы, связанной с медиатехнологиями и общественным устройством.

2. Выявлена диалектика медиатехнологий и риторики, демонстрирующая, что сдвиги в риторике носят не линейный, а такой характер, при котором каждая новая фаза является реакцией-отрицанием предыдущей, опосредованной новыми медиатехнологиями.

3. Определена специфики «российского пути» эволюции и сформулированы отличительные черты российской модели, выделяющие ее на фоне западных транзитологических нарративов: перманентность мобилизационной рамки, когда меняется не сама идея централизованной мобилизационной

[1] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 23.12.2025)

[2] Главная газета советского государства, все номера с 1918 по 1991 годы. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda-1 (дата обращения: 23.12.2025).

[3] Известия 100 Специальный проект к юбилею «Известий». URL: https://100.iz.ru/rubric/122 (дата обращения: 23.12.2025)

[4] ТАСС. URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 23.12.2025)

[5] РИА Новости. URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 23.12.2025).

функции медиариторики, а ее целеполагание: от строительства светлого будущего — через выживание в рыночно-криминальном хаосе — к защите от внешнего врага; цикличность и реставрация архетипов, где эволюция представляет собой не прямолинейный переход от тоталитарной к демократической риторике, а сложный цикл с возвратом к архетипическим моделям («крепость», «организм») на новом витке, подкрепленном цифровыми технологиями; гибридность медиамодели, для которой характерно сосуществование и взаимопроникновение риторик и практик разных эпох: мессианские ноты («духовные скрепы») соседствуют с рыночным языком эффективности, а советская метафора «битвы за умы» переосмысляется в терминах «гибридной войны» и «киберсуверенитета».

4. Создана типология метафорических переносов, в которой разработана и применена аналитическая классификация ключевых метафорических источников для описания государства и медиа.

Выявлено системное воздействие сменяющих друг друга политико-риторических режимов на грамматический строй и нормы русского языка. Каждая эпоха не только формировала специфический словарь и метафорику, но и активно влияла на синтаксические паттерны, морфологические особенности и процессы словообразования. Эпоха монолога утвердила гипертрофированно сложную синтаксическую модель с доминированием отглагольных существительных, пассивных и безличных конструкций, что способствовало номинализации и деагентивизации публичного высказывания. Эпоха коммуникативного хаоса спровоцировала резкую синтаксическую редукцию, фрагментацию высказывания и легитимацию эллиптических конструкций, а также привела к инкорпорации в публичную речь морфологических и словообразовательных моделей из маргинальных субкультур. Эпоха управляемого полилога институционализировала принцип «избирательной сложности», при котором грамматический строй стал технологически варьируемым параметром: от сложноподчиненных периодов для доктринальных текстов до телеграфного синтаксиса и неполных предложений в цифровой среде. Таким образом, эволюция медиариторики предстает не только как смена содержания, но и как перманентное переформатирование грамматических и синтаксических основ публичной речи на русском языке.

Обсуждение

Эпоха монолога

Медиариторика в эпоху однопартийной системы функционировала как законченная ритуальная система, в которой средства массовой информации служили техническим усилителем единого и сакрализованного голоса власти. Основными каналами коммуникации выступали централизованные государственные медиа, обладавшие в терминологии М. Маклюэна (McLuhan, 1964) свойствами «горячих» средств коммуникации: массовая печать, всесоюзное радио, а впоследствии — централизованное телевидение. Эти каналы обеспе-

чивали синхронное восприятие сообщения на всей территории страны при институциональном отсутствии механизмов содержательной обратной связи со стороны аудитории.

Лингвистический анализ текстов данного периода позволяет выявить ряд взаимосвязанных особенностей, конституировавших риторику в инструмент тотального идеологического контроля.

Доминирующей стилевой чертой являлась тотальная ритуализация и клишированность языка, например, безальтернативное использование устойчивых формул, не несущих фактической информации, но обязательных для любого публичного высказывания: *Под руководством Коммунистической партии...*, *Верные заветам великого Ленина...*, *Единодушная поддержка трудящихся...*, *Нерушимое единство партии и народа....* Приведенные и подобные им фразы функционируют как дискурсивные маркеры, чья основная функция — не описание реальности, а сигнал принадлежности к «своим» и воспроизводство ритуала. Их синтаксис неизменен, лексика стандартизирована, что исключает индивидуальность высказывания.

Прагматической целью высказывания была не передача новой информации, а перформативное подтверждение лояльности и воспроизводство самой дискурсивной системы, например: *«…… Рабочие говорили о том, как одновременно с обновлением производства осуществляется и широкая социальная программа. Так, оператор В.Д. Тришкина сказала: Мы заботу о себе чувствуем постоянно. Это я могу подтвердить и как работница, и как женщина-мать. У нас есть все: и любимая работа, и возможности для отдыха»*[6]. Несмотря на имитацию эмоциональной разговорности речи через инверсивный порядок слов (*Мы заботу о себе чувствуем постоянно*), в тексте присутствует нехарактерные для разговорного стиля общепринятые штампы — *женщина-мать, работница.* Прагматическая цель — драматическая инсценировка: говорящий выполняет роль «народа», подтверждающего лояльность. *Истинность высказывания не имеет значения; значимым оказывается употребление образа «труженика-патриота» в официальной речи* уполномоченного лица высокого ранга с соответствующей интонационной маркировкой.

Это приводило к семантическому истощению базовых политических концептов:

1) *демократия*: *социалистическая демократия* или *подлинная демократия* в противопоставление *буржуазной* или *формальной демократии* — слово *«демократия»* лишается своего общеупотребительного значения (народовластие, политический плюрализм, выборность) и наполняется новым, строго заданным смыслом — руководящая роль партии как высшее выражение воли народа, таким образом концепт референтно сужается и становится инструментом для дискредитации альтернативных моделей;

[6] *Черненко К.У.* Речь на встрече с рабочими московского металлургического завода «Серп и Молот». URL: https://www.gensek.ru/publications/books/vstrecha-s-rabochimi-zavoda-serp-i-molot.html?ysclid=ml4340kxq1637606911 (дата обращения: 13.01.2026).

2) *свобода* концептуализируется в устойчивых сочетаниях *свобода от эксплуатации*, *осознанная необходимость*, противопоставляемых *буржуазной свободе*, часто в сочетании с эпитетами *мнимая*, *анархическая*. Концепт свободы релятивизируется и идеологически перекодируется. Он определяется не через индивидуальные права и возможности, а через коллективное освобождение от классовых врагов и подчинение объективным законам истории, диктуемым партией;

3) концепт *мир* использовался в агрессивных внешнеполитических контекстах: борьба за мир во всем мире требует решительного подавления империалистической агрессии. Концепт «мир» подвергается семантическому инвертированию. Он перестает означать отсутствие войны и начинает означать состояние, достижимое только через активную, в том числе силовую, «борьбу» с врагами.

Структурной основой этой системы выступал абсолютный монологизм с исключением любой возможности публичной дискуссии. Формат теледебатов, популярный в западном контексте политической медиакоммуникации, отсутствовал как таковой. Риторика конструировалась как непререкаемое обращение власти к обществу, которое должно было непререкаемо слушать и следовать предлагаемому курсу. Форматы, имитировавшие обратную связь, такие как партийный съезд, были заранее предписаны, что часто выражалось невербально — через синхронизированные аплодисменты съездов или единодушное одобрение в прессе. Даже элементы псевдодиалога, такие как риторические вопросы или прямые обращения, служили исключительно усилению монологического воздействия, что продемонстрировано в примере ниже:

> «*Конечно, есть проблемы, которые надо решать на уровне министерств, ведомств, отраслевых профсоюзов. Резонным представляется, например, поставленный здесь вопрос: «Почему сменный мастер, организующий работу комплексной бригады, не включается в ее состав? И зарплата ему начисляется не так, как члену бригады?*»[7].

Важнейшим механизмом упрощения и мифологизации социально-политических реалий выступала система концептуальных метафор. Сложные абстракции замещались набором архетипических моделей: ГОСУДАРСТВО / ОБЩЕСТВО — ЭТО МЕХАНИЗМ ИЛИ ОРГАНИЗМ (*винтики системы, здоровые силы общества*, *оздоровление общества*), ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ (*магистральный путь развития, сбиться с пути, путь исправления*), ПОЛИТИКА — ЭТО ВОЙНА (*идеологический фронт, разящая критика*). Эти метафоры формировали наглядную и эмоционально заряженную картину мира, устойчивую к рациональной критике.

Данная картина мира подкреплялась строго организованной интертекстуальностью ритуально-канонического типа. Выстраивалась вертикаль ци-

[7] 29 апреля 1984 года Речь генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К.У. Черненко. URL: https://www.gensek.ru/publications/books/vstrecha-s-rabochimi-zavoda-serp-i-molot.html?ysclid=ml4340kxq1637606911 (дата обращения: 10.01.2026).

тирования от сакральных текстов-первоисточников произведений классиков марксизма-ленинизма через священные тексты институционального уровня, такие как Программа КПСС, решения съездов, к высказываниям текущего генсека. Интертекстуальные ссылки были исключительно внутрисистемными, создавая герметичный семиотический универсум, полностью изолированный от внешних, «чужих» дискурсов. Эти положения можно проиллюстрировать цитатами из речей руководителей государства: «*Как был прав Ленин, называя нашу партию партией революционных преобразователей, партией новаторов! … „Все дело в том, — писал Владимир Ильич Ленин, — чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт…“ (Соч., т. 28, стр. 172)…*»[8].

На грамматическом уровне эта система реализовывалась через специфические синтаксические стратегии. Для текстов была характерна гипертрофированная книжность и синтаксическая усложненность: преобладание сложноподчиненных предложений, обилие пассивных и безличных конструкций (*подчеркивается, принимается решение*), а также высокая степень номинализации — замена глаголов отглагольными существительными: *осуществление руководства, борьба за выполнение*. Эти приемы создавали эффект обезличенной, надперсональной объективности исходящего от власти слова.

На морфологическом и лексическом уровнях происходило последовательное растворение индивидуального в коллективном. В словообразовании наблюдалась активная продуктивность суффиксов, создающих абстрактные понятия и собирательные наименования (-ство, -ние, -изм, -ция), что укрепляло приоритет обобщенных категорий над конкретными действиями и лицами.

Доминировало инклюзивное местоимение «мы» (*наш народ, наши достижения*), резко противопоставленное образу врага (*они, их происки*). В лексике утверждался набор сакрализованных формул с использованием эмоционально окрашенных имен прилагательных: *великий, нерушимая дружба, светлое будущее.* Ключевая лексика четко распределялась по тематическим полям: войны и мобилизации (*фронт труда, битва за урожай*), строительства (*стройка коммунизма*), семьи (*братские республики, отеческая забота партии*).

Эпоха «коммуникативного хаоса»

Период 1990-х гг. ознаменовался кардинальной перестройкой всей системы публичной политической коммуникации в России, что нашло непосредственное отражение в структурных изменениях русского языка на лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Распад идеологически монолитного советского дискурса привел к формированию конкурирующих дискурсивных систем, каждая из которых вырабатывала собственный лингвистический код, что в совокупности создало феномен острого языкового плюрализма.

[8] *Брежнев Л.И.* Ленинизм — великое знамя борьбы за торжество коммунизма. URL: document.wikireading.ru›hmta4dIcAs (дата обращения: 10.01.2026).

Лингвистическая картина русского языка 1990-х гг. представляет собой уникальный пример глубокой и стремительной трансформации языкового строя под влиянием социополитического кризиса. Фрагментация дискурса на уровне содержания нашла прямое соответствие в дезинтеграции единых лексико-грамматических норм публичной речи. Данный период может быть интерпретирован как этап «дискурсивного и лингвистического междуцарствия», где взрыв семиотической свободы и языкового эксперимента, однако, сопровождался утратой консолидирующих символических оснований, создав предпосылки для последующих процессов реидеологизации и рецентрализации политического языка. Эти макропроцессы получали конкретное выражение на микроуровне языковой системы, в изменениях лексики, грамматики, речевых жанров, а также в трансформации метафорических моделей и интертекстуальных практик.

Ключевым процессом стала стремительная девальвация и маргинализация советского понятийного аппарата на фоне массового импорта новых концептов, таких как «демократия», «рынок», «свобода», «приватизация». Однако, будучи оторваны от исходного социально-исторического контекста, эти концепты зачастую функционировали как «плавающие означающие» (Laclau, Mouffe, 2001), лишенные четкой семантической и ценностной фиксации. Параллельно в легитимное публичное поле входили языки, ранее находившиеся на периферии или в маргинальном положении, например, криминальный жаргон (*крыша, авторитет, зачистка, бей, выживать, беспредел, наезд, разборка, братва, по понятиям, закон тайги и т.д.*), националистическая риторика (*мировой сионизм, мировая закулиса, атлантисты, новый мировой порядок, план Даллеса, масонский заговор*, *Русское возрождение, русская идея, национальная диктатура, третий Рим, русский порядок, русский бунт* и т.д.). Это создавало ситуацию острой конкуренции за право определять содержание базовых социальных и политических категорий.

Распад единой метафорической системы советской эпохи привел к доминированию новых концептуальных моделей, отражающих кризисное состояние общества.

Концептуальная метафора «ГОСУДАРСТВО — ЭТО РЫНОК», доминировавшая в российском публичном дискурсе 1990-х — начала 2000-х гг., осуществила семиотическую подмену предшествующих моделей, легитимируя радикальные социально-экономические трансформации. Ее лексическое поле реализовывалось на нескольких уровнях: от официально-экономического дискурса с терминами *ваучер, акционирование, тендер*, до делового и криминально-делового жаргона, такого как *откат, крыша, рейдерство, наезд, дерибан и обнал,* отражавшего неправовые аспекты новых отношений. В публицистическом и бытовом дискурсе закрепились идиоматические выражения и неологизмы — *прихватизация, новые русские, малиновый пиджак, продать завод*. Этот метафорический комплекс выполнял перформативную функцию, конституируя реальность, в которой рыночные отношения стали восприниматься как универсальный принцип.

Параллельно и взаимосвязанно с этим утверждалась концептуальная метафорическая модель «ПОЛИТИКА / БИЗНЕС — ЭТО КРИМИНАЛ / ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ». Унаследовав формальную структуру от советской риторики, модель кардинально сменила ее содержание на криминально-силовое, являясь прямым языковым отражением процессов криминализации экономики. Легитимация насилия как инструмента находила выражение в лексике — *передел собственности, корпоративная война, рейдерский захват, давить, отжимать*. Криминальный жаргон легализовался в публичном поле через понятия *крышевание, заказать, разборка, братва*. Метафоры насилия проникли и в сферу коммуникации (*стрельба — о критике*), а устойчивые номинации «*бандитский Петербург», «лихие 90-е»* стали культурными кодами эпохи. Данная модель активно конструировала социальную реальность, формируя представление о политико-экономическом пространстве как о внеправовом силовом конфликте.

В условиях хаоса, порожденного этой «войной всех против всех» и воспринимаемого как кризис государственности, в политический дискурс закономерно внедрилась третья мощная метафора — «СТРАНА — ЭТО КОРАБЛЬ / ДОМ В БУРЮ / ПРИ ПОЖАРЕ». Эта архетипическая модель, использовавшаяся различными политическими силами, служила для тотального описания системного кризиса через образы катастрофы и немедленной угрозы гибели. Наиболее ярко она была реализована в риторике генерала Александра Лебедя, который в своем предвыборном дискурсе 1996 г. активно эксплуатировал образы «спасения тонущего корабля» и «тушения пожара в доме», позиционируя себя как единственного спасителя-профессионала, способного на решительные действия в чрезвычайной обстановке. Ключевыми смыслами данной метафоры были: идея экстренного положения, требующего приостановки обычных процедур и дискуссий; необходимость единоличного командования («руля», «сильной руки») вместо коллегиальности и демократии; мобилизующий призыв к консолидации перед лицом внешней опасности (бушующей стихии) и дихотомия «порядок — хаос». Эта модель, прямо противопоставляя себя метафоре базарного хаоса, выполняла важнейшую идеологическую работу: она переводила социально-экономические и политические проблемы в плоскость вопроса о физическом выживании, предлагая в качестве решения не правовые или экономические реформы, а авторитарную мобилизацию и концентрацию власти. Так метафора корабля в бурю стала языковым мостом, легитимировавшим запрос на «твердую руку» как антитезу криминальному беспределу и рыночной анархии предшествующего периода.

Таким образом, эти три взаимопересекающиеся метафорические системы: «государство — рынок», «политика — война / криминал» и «страна — корабль в бурю» — сформировали целостный лингвистический ландшафт, который не только фиксировал, но и идеологически обосновывал ключевые социальные практики и запросы периода радикального перехода: тотальную коммодификацию и приватизацию, криминализацию и силовое соперничество,

а в качестве реакции на их негативные последствия — растущее стремление к авторитарной стабилизации и порядку.

Интертекстуальное поле 1990-х гг. характеризуется динамикой сосуществования и конфликта гетерогенных прецедентных текстов, происходящей на фоне деконструкции советского канона и интенсивного освоения новых смысловых ресурсов. При этом наряду с относительно редкими, часто ироническими референциями к марксистско-ленинскому дискурсу в общественно-политическую коммуникацию активно инкорпорируются, в зависимости от идеологической направленности, различные системы отсылок: консервативно-патриотический дискурс апеллирует к наследию русской религиозной философии и классической литературы XIX–XX вв. (Н. Бердяев, И. Ильин, Ф. Достоевский); либеральный дискурс — к западной политико-экономической мысли (Ф. Фукуяма, М. Тэтчер, М. Фридман). Параллельно происходит активное, зачастую ироническое или ностальгическое, переосмысление пластов советской кинематографии и литературы, примером чему служит активная цитация популярных кинокомедий, таких как «Бриллиантовая рука» или «Операция «Ы».

Распад тотального коллективного субъекта советской эпохи (*народ, партия*) отразился в морфологии местоимений. Так, местоимение 2 лица множественного числа *«мы»,* выступавшее вербальным отражением объединения государства и граждан, раскололось на множество эксклюзивных и часто враждующих «мы-групп»: *«мы — демократы», «мы — патриоты», «мы — реформаторы», «мы — простые люди»*. Параллельно в публичную коммуникацию, ранее подавлявшую индивидуальное начало, вышло местоимение первого лица единственного числа «я», что маркировало рост индивидуализма и публичности частного интереса в политике и медиа.

На синтаксическом уровне сложноподчиненные конструкции официального советского стиля уступили место коротким, часто эллиптическим высказываниям. Интонационный режим сменился с дидактически-уверенного на агрессивно-конфронтационный, исповедальный или эмоционально-насыщенный. Прямая конфронтация в прямом эфире, использование элементов ненормативной лексики или ее эвфемизмов, эмоциональные всплески перестали быть табуированными, превратившись в способы демонстрации «искренности» и «близости к народу». Этот сдвиг легитимировал открытый конфликт как базовый модус публичного взаимодействия, например: «*Нормальный выбор — ЛДПР. Не потому, что мы какие-то особые. Простой человек рассуждают просто. Коммунисты уже были. Демократы — грабеж. Партия власти — бессилие. Все. Четвертый вариант. Это элементарно»*[9].

Произошла радикальная смена доминирующих речевых жанров. Канонический жанр партийного доклада или постановления, выполнявший функцию ритуального воспроизводства власти, утратил центральное значение. Его место заняли новые, конфликтные и зрелищные форматы: публичные теле-

[9] *Жириновский В.В.* Цитаты. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Владимир_Вольфович_Жириновский#cite_note-S-1 (дата обращения: 05.01.2026).

дебаты, исповедальные интервью, ток-шоу с элементами скандала, криминальная хроника как значимый компонент новостной повестки. Эти жанры конституировали публичную сферу не как пространство выработки согласия, а как арену борьбы и перформативной самопрезентации.

В условиях коммерциализации медиасистемы и формирования олигархических медиахолдингов прагматика коммуникации стала доминировать над ее семантической или идеологической составляющей. Коммуникативная эффективность стала оцениваться не соответствием «генеральной линии» или объективной истине, а способностью генерировать рейтинг, сенсацию, захватывать внимание и дискредитировать оппонента. Это привело к заметному разрыву между речевым актом и социальным действием, когда слово становилось в первую очередь инструментом сиюминутного пиара или манипуляции, а не основой для социального договора или выработки общих решений.

Таким образом, русский язык 1990-х гг. отражает не просто отсутствие правил, а формирование новой системы правил, центрированной на конфликте, фрагментации и перформативности. Этот период может быть определен как этап «дискурсивного междуцарствия» — взрыва семиотической свободы, который, однако, сопровождался символическим вакуумом и аномией. Подобное состояние публичного языка подготовило социальный запрос на новую унификацию и символический порядок, что стало одной из предпосылок для процессов рецентрализации и реидеологизации коммуникации, наблюдавшейся в последующий период.

Эпоха управляемого полилога

Современный период развития политической медиариторики характеризуется не репликацией советской монологической модели, а формированием сложной гибридной системы. В этой системе цифровые коммуникативные среды, обладающие в терминологии М. Маклюэна свойствами низкой степени определения и высокой интерактивности, используются для актуализации и распространения обновленного комплекса идеологических установок. Ключевым фактором, определяющим специфику данного этапа, является дуальная структура медиапространства, сочетающая централизованное федеральное телевидение, ориентированное на массовую аудиторию, и сегментированную интернет-среду, применяемую для адресного воздействия и организации контролируемых форм обратной связи. Принципиальным новым компонентом эпохи становится технологическое продюсирование речи как комплексного медиапродукта. Данная модель опирается на стратегию избирательной сложности, предполагающую сознательное варьирование лингвистических характеристик дискурса в зависимости от адресата и коммуникативного канала.

На лексическом уровне наблюдается четкое распределение словарного запаса по целевым аудиториям и жанрам.

На доктринальном уровне (программные выступления, аналитические статьи) используется терминология геополитического, историософского и правового дискурсов. В активный словарь входят такие понятия, как *суверенная*

демократия, многополярный мир, цивилизационный суверенитет, традиционные ценности, историческая справедливость. Эта лексика служит целям концептуализации внешней и внутренней политики, ее интеллектуальной легитимации и интеграции в глобальные консервативные тренды.

На уровне массовой коммуникации (ток-шоу, новостные выпуски, «прямые линии») доминирует публицистическая и общественно-политическая лексика, часто с эмоционально-оценочной окраской. Широко используются понятия, формирующие бинарные оппозиции: государственники — национал-предатели, патриоты — коллективный Запад, суверенитет — внешнее управление. Активно эксплуатируется лексическое поле обороны и безопасности (*гибридная война, сдерживание, угроза*), что поддерживает режим перманентной мобилизации.

На уровне цифровой молодежной среды происходит гибридизация официального дискурса с языком интернет-коммуникации. В патриотический нарратив инкорпорируются элементы молодежного и игрового сленга (*Za наших, мобилизовать хайп, красная таблетка*), мемы и эмодзи. Эта адаптация служит цели глокализации глобального языка цифровой культуры и обеспечения узнаваемости официальных сообщений в молодежных сообществах.

На морфологическом и синтаксическом уровнях реализуется принцип избирательной сложности, например:

> *«…Но что, в этой связи, предлагается? Предлагается, по сути, идти вперед, перешагивая через все и через всех, ни на кого и ни на что не оглядываясь, по сути, не брать в расчет риски, связанные с эпидемией, и просто как можно быстрее отменить все ограничения. А если кто-то может заболеть — мол, пусть болеет, останется инвалидом или даже умрет, значит, такова его судьба. Словом, предлагается закон естественного отбора, где каждый — за себя….».*[10]

Для доктринального уровня характерна синтаксическая усложненность. Используются периодические предложения, разветвленные системы придаточных, высокая степень номинализации (*обеспечение безопасности, защита суверенитета, отстаивание интересов*). Преобладают формы настоящего времени глаголов внеперфективного вида, что создает эффект констатации вечных истин и непреходящих процессов. Такой синтаксис воспроизводит формальные признаки «вещающего», учительского дискурса, апеллирующего к непререкаемому авторитету.

На уровне массовой коммуникации синтаксис целенаправленно упрощается. Искусственно культивируется «народный», доступный синтаксис: преобладают простые и сложносочиненные предложения, короткие, афористичные формулировки (Крымнаш, Мы можем повторить). Активно эксплуатируются грамматические средства диалогизации: риторические вопросы, обращения, формы повелительного наклонения, имитирующие интерактивность.

Цифровой уровень характеризуется радикальной синтаксической редукцией, граничащей с деконструкцией нормы. Сообщения часто сводятся к заго-

[10] Обращение Владимира Путина к россиянам. 28.04.2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/8357523 (дата обращения: 03.01.2026).

ловкам, слоганам или фрагментам, синтаксическая структура которых может быть намеренно нарушена (аграмматизм) для соответствия жанру мема или короткого ролика. Преобладают номинативные и неполные предложения. В словообразовании происходит гибридизация: создаются неологизмы на стыке официальной лексики и интернет-сленга (Za наших, мобилизовать хайп), где традиционные морфологические модели русского языка сочетаются с новыми графическими и фонетическими элементами.

Сформировавшийся к 2010-м гг. политико-идеологический нарратив осуществил семиотическую ревизию дискурса 1990-х, отчасти отринув, отчасти трансформировав его центральные метафоры. На смену образу «государства — рынка» и «политики – войны всех против всех» пришел комплекс моделей, нацеленных на консолидацию и легитимацию суверенной, централизованной власти в условиях ощущения системного кризиса и внешнего противостояния.

Во-первых, доминирующей стала архетипическая метафора «РОССИЯ — ЭТО КРЕПОСТЬ / ЛАГЕРЬ В ОСАДЕ», наследующая советскому милитаризованному дискурсу, но обретшая новую интенсивность. Ее ключевая функция — формирование картины мира, основанной на идее перманентной и тотальной внешней угрозы. Это оправдывает логику «осадного положения», требующую внутренней мобилизации, консолидации вокруг верховной власти. Лексическими реализациями модели служат прямые военные термины (*фронт, тыл, мобилизация усилий, битва за историю, информационная война, угроза, гибридная война*) и производные от них политические концепты: *осажденная крепость, пятая колонна, санкционное давление, русофобия, цивилизационное противостояние*. Метафора работает на создание образа коллективного защитника-государства, ведущего оборонительную, а потому морально оправданную, борьбу против враждебного окружения.

Во-вторых, произошел возврат и актуализация концептуальной метафоры «ГОСУДАРСТВО — ЭТО ОРГАНИЗМ / ТЕЛО, А ВЛАСТЬ — ЭТО ВРАЧ». Эта модель, имеющая глубокие патерналистские истоки, служит для легитимации активного, всепроникающего вмешательства государства во все сферы жизни общества, которое представляется как терапевтическое или хирургическое воздействие, необходимое для здоровья целого. Лексический ряд здесь образуют биомедицинские термины, перенесенные на социально-политическую реальность: *здоровье нации, иммунитет общества (к внешнему влиянию), социальное тело, хирургическое удаление (коррупции, экстремизма, «гнойников»), очаг напряжённости, оздоровление (экономики, общества), цифровая гигиена, защита демографического потенциала*. Власть в рамках этой метафоры позиционирует себя как безальтернативный эксперт-целитель, диагностирующий болезни (часто вызванные внешними «инфекциями» или «отравлениями» 1990-х гг.) и назначающий обязательное лечение, предполагающее дисциплину и подчинение пациента.

В-третьих, в противовес советской линейной метафоре «пути к светлому будущему» (коммунизму) утвердилась модель «ИСТОРИЯ — ЭТО ВЕЧНОЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ / ЦИКЛ». Данная концепция работает на конструирование непрерывной национальной истории, где текущая политика предстает как восстановление естественного, прерванного извне, порядка и исправление исторических несправедливостей. Лексическими маркерами этой модели являются формулы *возвращение исторических земель, исправление исторической ошибки, воссоединение, преемственность поколений, традиционные ценности, духовные скрепы, тысячелетняя история, вековая традиция государственности*. Периоды катастроф (Смутное время, распад СССР, 1990-е гг.) трактуются не как закономерные этапы, а как болезненные, но временные разрывы цикла, вызванные внешними силами или внутренним предательством, после которых страна неизбежно возвращается к своей «истинной» сущности и геополитической роли.

В совокупности эти три метафорические модели образуют взаимодополняющую и самоподдерживающую семиотическую систему. Метафора «крепости в осаде» задает внешнеполитический контекст и обосновывает режим мобилизации. Метафора «государства-организма и власти-врача» определяет характер внутренних политик. Метафора «циклической истории» обеспечивает этой системе символическую глубину. Этот триптих работает на создание устойчивой картины мира, где централизованная власть выступает как единственный гарант выживания, целостности и исторической правды перед лицом постоянных внешних вызовов.

Интертекстуальная стратегия данного периода носит системный, канонизирующий и сегментированный характер, выполняя функции идеологической легитимации и адресного воздействия на различные аудитории. В рамках формирования нового патриотического канона происходит замещение прежней марксистско-ленинской парадигмы иерархически выстроенным комплексом прецедентных текстов, куда входят русская консервативная и религиозная философия (Н. Бердяев, И. Ильин, К. Леонтьев, И. Солоневич), используемая для философско-исторического обоснования концепта «особого пути»; ключевые исторические нарративы, акцентирующие тему Великой Отечественной войны и имперского собирания земель; а также классическая русская литература (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), привлекаемая для аутентификации непреходящих духовно-нравственных основ. В доктринальных текстах доминируют легитимирующие отсылки к философским и историческим дискурсам, например, риторическое использование концепта «русский мир», восходящего к идеям И. Ильина, или аналогий с дипломатией XIX в. В сфере массовой коммуникации интертекстуальность приобретает эмоционально-мифологический характер, активно эксплуатируя цитаты и образы из советских кинофильмов, военные песни и пословицы с целью апелляции к архетипам коллективной памяти и создания эффекта народности. В цифровой среде интертекстуальная стратегия трансформируется, обретая игровой и меметический характер, где политические нарративы переводятся в логику компьютерных игр, киберпанка и вирусного контента, а геополитические противостояния метафорически описываются через шахматные термины или геймплей стратегических симуляторов.

Речь официальных лиц перестала быть спонтанным устным высказыванием и превратилась в продукт комплексного медиапроизводства. Этот процесс включает стадии:

1) модульного структурирования контента, когда выступление проектируется как «ядро» (связный доктринальный текст) с набором автономных «спутников» — ярких, легко извлекаемых цитат и слоганов, предназначенных для вирального распространения;

2) мультимодальной синхронизации, когда вербальный текст готовится в неразрывной связи с производством сопутствующего визуального ряда (ключевые кадры для соцсетей, инфографика, субтитрованные ролики);

3) платформенной оптимизации, где исходный материал адаптируется под форматы и алгоритмы конкретных цифровых площадок (длинные видео для RuTube, VK-video, твиты для X, короткие вертикальные ролики для TikTok).

Запуск контента осуществляется по скоординированному сценарию, предполагающему синхронную публикацию на федеральном ТВ, в официальных соцсетях и сети блогеров, что создает эффект информационного доминирования.

Таким образом, русский язык на современном этапе характеризуется целенаправленным и технологичным управлением грамматическим строем речи в зависимости от коммуникативной задачи. Для доктринального уровня характерна намеренная синтаксическая усложненность, консервирующая и развивающая традиции «высокого» книжного синтаксиса советской эпохи, но с обновленной лексикой. Используются периодические предложения, разветвленные системы придаточных, высокая степень номинализации (обеспечение безопасности, защита суверенитета). Это создает эффект непререкаемости, опоры на «вечные» грамматические структуры власти.

В морфологии продолжается игра с местоимениями, но теперь в рамках управляемой схемы: инклюзивное «мы» снова доминирует, но его референция гибко меняется от «мы как государство-цивилизация» до «мы как народ, противостоящий коллективному Западу».

Заключение

Проведенное диахроническое исследование демонстрирует, что эволюция политической медиариторики в России XX–XXI вв. являлась не только сменой идеологических парадигм, но и активным фактором структурной трансформации русского языка, последовательно закрепившим на каждом историческом этапе специфические грамматико-синтаксические модели — от номинализованного синтаксиса советского монолога и синтаксической редукции 1990-х до технологически варьируемого принципа «избирательной сложности» в современном управляемом полилоге. Российская модель характеризуется циклической реставрацией и цифровой адаптацией архаичных риторических структур, что позволяет рассматривать политический дискурс как инструмент нормотворчества и семиотической гегемонии, перспективы дальнейшего изучения которого связаны с микроуровневым лингвистическим анализом и компаративными исследованиями в иноязычных контекстах.

Список литературы

Ахренова Н.А., Тер-Минасова С.Г. Эволюция политической медиариторики в Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-000-000 EDN: MXKGIU

Балашова Л.В. Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 2 (34). С. 115–132. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132 EDN: JXTSZB

Заппеттини Ф., Понтон Д.М., Ларина Т.В. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 586–610. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610 EDN: NYDDJB

Колесникова Н.Л. Коммуникативные стратегии в дискурсивной практике Терезы Мэй (на примере кампании по выходу Великобритании из ЕС) // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 69–82. https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.106 EDN: BJJFMT

Коньков В.И. Лингвистические исследования политического медиадискурса // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 138–161. https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.201 EDN: YTPHYL

Логинова П.Г. Политическая медиариторика: новый подход к анализу языка политической медиакоммуникации (на примере Франции) : монография. М. : Директ-Медиа, 2025. 236 с. https://doi.org/10.23681/720665 EDN: EUBCJC

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры, 1996.

Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. 364 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. EDN: SDQKXT

Ascott T. This is Not Propaganda: Adventures in the War Against Reality // International Affairs. 2020. Vol. 97. No. 1. Pp. 235–237. https://doi.org/10.1093/ia/iiaa208

Fairclough N. Language and Power. London : Routledge, 1989.

Gorham M.S. Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. 266 p. EDN: QRKMSB

Gorham M.S. After newspeak: language culture and politics in Russia from Gorbachev to Putin // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. No. 3. Pp. 1–2.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, New York : Verso, 2001 [1985].

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1980; Afterword: 2003.

Laruelle M. Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields. Routledge, 2019.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York : New American Library, 1964.

Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Palgrave Macmillan, 2009.

Wodak R. Language, Discourse, Politics // Discourse & Society. 2011. Vol. 22. No. 5. Pp. 625–632.

Сведения об авторе:

Ахренова Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, руководитель отделения постдипломного образования института иностранных языков, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Российская федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: медиалингвистика, интернет-лингвистика, дискурс-анализ. ORCID: 0000-0002-1265-5595. SPIN-код: 9818-1046. Scopus ID: 58666248600.

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243
EDN: QFDTAH

Research article

Evolution of political media rhetoric in Russia: a comprehensive linguistic analysis

Natalia A. Akhrenova

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉akhrenova-na@rudn.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to comprehend the transformation of Russia's public political language against the backdrop of radical socio-political shifts in the 20th–21st centuries and the digitalization of the media environment. The aim of the study is to identify and linguistically describe the systemic shifts in the political media rhetoric of the USSR and Russia and to determine the specifics of their impact on the structure of the Russian language. The methodological basis integrates critical discourse analysis and linguistic methods. The empirical material includes a sample of texts of political media communication from 1920s to the 2020s (press, leaders' speeches, TV and digital content). Lexical-semantic, syntactic, metaphorical, intertextual and diachronic corpus analysis (Russian National Corpus) were applied. Diachronic analysis has distinguished three evolutionary phases with systemic impact on the Russian language. The era of the monologue was characterized by a ritualized, clichéd idiolect with complex syntax, nominalization, and semantic inversion of basic concepts. The era of communicative chaos radically transformed the language structure: semantic instability of terms, legitimization of criminal jargon, syntactic reduction, and fragmentation of the collective subject ("we"). The modern era of managed polylogue has established a strategy of "selective complexity", i.e. the technological variation of linguistic codes from bookish syntax to digital agrammatism and the hybridization of official discourse with Internet slang. The author proves that the evolution of political media rhetoric in Russia is a process of permanent structuring of the grammatical, syntactic and lexical foundations of public speech in the Russian Language. Its specificity lies in the technological modernization of archaic ritual models of communication, where the Russian language acts simultaneously as the object and the key instrument of this transformation.

Keywords: discourse evolution, managed polylogue, critical discourse analysis, media ecology, conceptual metaphor

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received 19.10.2025; accepted 22.12.2025.

For citation: Akhrenova, N. A. (2026). Evolution of political media rhetoric in Russia: A comprehensive linguistic analysis. *Russian Language Studies*, *24*(2), 226–243. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243 EDN: QFDTAH

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 244–261
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-244-261
EDN: QHJVOY

Научная статья

Функционально-семантический подход к изучению русских диминутивов в иранской аудитории

А.Ю. Устинов[1], П. Радандиш[2]

[1]Московский педагогический государственный университет, *Москва, Российская Федерация*
[2]Тегеранский университет, *Тегеран, Иран*
ustan0902@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения диминутивов в курсе русского языка как иностранного (РКИ) в силу их широкой распространенности в повседневной речи носителей языка. Освоение ключевых моделей диминутивного словообразования на основе функционально-семантического подхода позволяет иностранным обучающимся значительно расширить свой лексический запас и, как следствие, повысить эффективность коммуникации. Цель исследования — на основе функционально-семантического подхода разработать упражнения для обогащения речи иранских обучающихся диминутивной лексикой (уровень А1–В1). Применен комплекс взаимодополняющих методов: теоретико-методологический анализ лингвистической и методической литературы по проблеме исследования; сравнительно-сопоставительный анализ, используемый для выявления различий в системе субъективной оценки в русском и персидском языках; словообразовательный анализ диминутивов; включенное педагогическое наблюдение за учебным процессом на занятиях РКИ в иранской аудитории. Материал исследования — диминутивы, предлагаемые для изучения на уровне А1–В1. Результатом исследования стали разработанные на основе функционально-семантического подхода упражнения, направленные на формирование навыков использования диминутивной лексики в речи иранских обучающихся. Упражнения содержат научно-методические рекомендации и учебные материалы, структурированные и адаптированные по уровням владения русским языком. Языковой материал представлен в соответствующих лексико-грамматических темах (уменьшительно-ласкательные формы личных имен, названия животных, обозначение внешности человека), которые могут гибко интегрироваться в существующие учебные программы для разных форм обучения (вузы, курсы,

© Устинов А.Ю., Радандиш П., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

самостоятельная работа). Перспективы исследования связаны с применением функционально-семантического подхода к изучению в курсе РКИ других средств выражения диминутивных значений (увеличительные формы, формы субъективной оценки качества, префиксация с эмоциональной окраской), позволяющих иранским обучающимся чувствовать эмоциональные особенности русской речи.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, уменьшительно-ласкательные суффиксы, Иран

Вклад авторов: *Устинов А.Ю.* — концептуализация, методология, визуализация, создание рукописи и ее редактирование; *Радандиш П.* — проведение апробации исследования, сбор фактического материала. Оба автора одобрили окончательную версию статьи.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (ГЗ НИР № 125101711744-2, тема «Педагогическая и научно-методическая поддержка изучения русского языка в образовательном пространстве Исламской Республики Иран»).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 03.10.2025; принята к печати 26.12.2025.

Для цитирования: *Устинов А.Ю., Радандиш П.* Функционально-семантический подход к изучению русских диминутивов в иранской аудитории // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 244–261. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-244-261 EDN: QHJVOY

Введение

Важнейшим практическим методом в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), позволяющим обучающемуся понять лексическое значение слова в тексте, является функционально-семантический анализ (Крылова, 2013). Этот метод приобретает особую значимость при обучении носителей иного лингвокультурного кода. Его эффективность обусловлена тем, что он позволяет выявить не только прямое значение, но и коннотации, что важно для понимания русских, которые, как отмечает А. Вежбицкая, являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми» (Вежбицкая, 1996: 36). Эта особенность русского национального характера находит свое выражение и в морфемном строе русского языка. В связи с этим на занятиях РКИ широко используется функционально-семантический анализ состава слова как средства иллюстрации эмотивного значения в высказывании. Манифестация эмоционально-экспрессивных возможностей слова через его морфемную структуру помогает инофону быстрее овладеть словообразовательным потенциалом русского языка, наглядно демонстрирует его синтетический тип, в котором ведущим средством выражения лексико-грамматического значения являются аффиксы, в т.ч. суффиксы субъективной оценки, маркирующие слова-диминутивы.

Поскольку субъективно-оценочные значения, выражаемые в русском языке суффиксами, не типичны для многих языков (в фарси, например, эти значения передаются обычно сочетанием прилагательного и существительного), перед преподавателем РКИ стоит особая задача. По мнению иранских

русистов Голами Хоссейна и Чераги Бахарэ, «широкое употребление суффиксов с субъективно-оценочным значением в русском языке и разнообразность в структурах и значениях этих суффиксов приводят к затруднению в их понимании для персоговорящих и наличию большого числа ошибок в их изучении и переводе» (Голами, Чераги, 2017: 78). Отсюда вытекает практическая необходимость целенаправленного включения диминутивной лексики в обучение иранцев, что напрямую способствует как пониманию русской культуры, так и успешности их межкультурной коммуникации.

Вопросы обучения средствам выражения диминутивных значений на занятиях РКИ неоднократно поднимались в лингвометодическом сообществе (Л.Б. Армоник, Е.А. Груздева, Л.А. Шлыкова, В. Эльвия, З.И. Резанова, К.С. Шиляев, Л.В. Чевардин, С.Н. Кайсарова и др.). Авторы рассматривают решения задач, связанных с комплексным анализом суффиксов субъективной оценки в русском языке: их функционирование в типовых коммуникативных ситуациях и разработка методических подходов к презентации диминутивов в иноязычной аудитории. Так, Л.Б. Армоник предлагает при изучении диминутивной лексики в иноязычной аудитории использовать художественный текст, в частности рассказ А.П. Чехова «Душечка» (Армоник, 1998). С.Н. Кайсаровая разработала модель обучения экспрессивному словообразованию на занятиях РКИ, включающая в т.ч. методы и приемы работы с суффиксами субъективной оценки (Кайсарова, 2013). С особенностями употребления диминутивов в стандартных речевых ситуациях предлагают познакомить иностранных обучающихся Л.А. Шлыкова, В. Эльвия (Шлыкова, Эльвия, 2012) и Л.В. Чевардина (Чевардина, 2018).

Однако большая часть исследований посвящена вопросам изучения диминутивов без учета национальных особенностей обучающихся. Работ, в которых представлены собственно методические рекомендации по изучению диминутивов в иранской аудитории, очень мало. Е.А. Груздева, анализируя использование межкультурного подхода в обучении русскому языку персоязычных учащихся, указывает на феномен коммуникативной лакунарности. Речь идет об отсутствии в родной культуре иранцев определенных коммуникативных признаков, присутствующих в русской. В частности, исследователь отмечает такую особенность: для языка фарси не характерно графическое выделение собственных имен, аналогичное использованию заглавных букв в европейских языках. Данная лингвистическая специфика порождает ряд трудностей в иранской аудитории. С одной стороны, она осложняет восприятие диминутивов, в результате чего иранские обучающиеся зачастую пытаются переводить уменьшительно-ласкательные формы личных имен собственных (*Елена – Леночка*). В этой связи Е.А. Груздева рекомендует преподавателям РКИ акцентировать внимание иранцев на функции заглавной буквы в русском языке. С другой стороны, указанная особенность приводит к стойким ошибкам в правописании, когда иранские учащиеся пишут личные имена собственные со строчной буквы (Груздева, 2019).

Эффективным методом включения в речь обучающихся диминутивной лексики может быть и виртуальная экскурсия. В рамках предстоящей юбилейной даты 560-летия начала путешествия Афанасия Никитина за три моря О.Н. Лёвушкина, А.Ю. Устинов, А.Д. Дейкина предлагают провести в иранской аудитории виртуальную экскурсию «Персидские страницы „Хожения за три моря“» (Левушкина, Устинов, Дейкина, 2025). Авторы разработали методические рекомендации по конструированию занятия, включающего в т.ч. наблюдения над диминутивами.

Х. Голами и Б. Чераги представили способы перевода на персидский язык существительных с суффиксами субъективно-оценочного значения, поскольку «переводчикам иногда трудно передать их значения с русского языка на персидский» (Голами, Чераги, 2017: 79). К сожалению, авторы не предлагают методический инструментарий предупреждения и исправления ошибок в речи персоязычных обучающихся.

Принимая во внимание, что методические рекомендации национально-ориентированного изучения диминутивов в иранской аудитории практически отсутствуют, нами предложен функционально-семантический подход, учитывающий специфику лингвокультурного фона русского языка.

Цель исследования — на основе функционально-семантического подхода разработать упражнения для обогащения речи иранских обучающихся диминутивной лексикой (уровень А1–В1).

Методы и материалы

Материалом послужили исследования российских и иранских ученых, посвященные осмыслению роли и места в учебном процессе по РКИ работы над диминутивной лексикой в иранской аудитории. При отборе лексико-грамматического материала учитывали высокую используемость слова, словообразовательную ценность (продуктивность словообразовательной модели) и стилистическую характеристику (отношение к определенному стилю языка). Выбор слов определялся также на основе согласованности с целями обучения, темами программы, уровнем владения русским языком.

Для достижения поставленной цели применили комплекс взаимодополняющих методов:

- теоретико-методологический анализ лингвистической и методической литературы по проблеме исследования, позволивший определить ключевые понятия (диминутив, субъективная оценка, лингвокультурная специфика), изучить значение словообразовательного анализа для семантизации лексики в курсе РКИ;
- сравнительно-сопоставительный анализ — для выявления различий в системе субъективной оценки в русском и персидском языках;
- словообразовательный анализ языковых единиц — для изучения диминутивов на занятиях РКИ в аутентичных русскоязычных текстах и устной речи;

– метод включенного педагогического наблюдения за учебным процессом на занятиях РКИ в иранской аудитории, позволивший зафиксировать трудности и определить коммуникативные стратегии при изучении диминутивной лексики.

Исследование проводилось в ходе изучения русского языка слушателями Центра открытого образования в Иране[1] в рамках общеразвивающих программ: «Начинаем изучать русский язык» (уровень A1), «Основы функциональной грамматики: от смысла к форме» (уровень A2, B1), студентами-бакалаврами и магистрантами Тегеранского университета[2] по направлению подготовки «Русский язык и литература» (уровень A2, B1). Результаты исследования обсуждались на курсах повышения квалификации для иранских преподавателей-русистов[3] по программе «Современные методики преподавания русского языка как иностранного».

Результаты

Предложен функционально-семантический подход к обучению диминутивной лексике в иранской аудитории на основе предметных и аксиологических концепций современной методики РКИ, ключевым принципом которого является движение от смысла к средствам его выражения и далее к их роли в речи.

Разработаны упражнения для изучения русских диминутивов, содержащие научно-методические рекомендации и учебные материалы, структурированные и адаптированные по уровням владения русским языком. Языковой материал представлен в соответствующих лексико-грамматических темах (уменьшительно-ласкательные формы личных имен, названия животных, обозначение внешности человека), которые могут гибко интегрироваться в существующие учебные программы для разных форм обучения (вузы, языковые курсы, самостоятельная работа).

Таким образом, результат исследования — это теоретически обоснованный и практико-ориентированный комплекс упражнений для изучения диминутивной лексики в иранской аудитории. Он переносит фокус с формального усвоения словообразования на глубокое, ценностно-окрашенное освоение диминутивов как ключевого элемента русской коммуникативной культуры, что особенно значимо для иранских обучающихся в условиях межкультурного диалога.

[1] Центр открытого образования Министерства Просвещения РФ в Исламской Республике Иран (г. Тегеран) : офиц. сайт. URL: https://cfoe.ru/iran/ru (дата обращения: 15.08.2025).

[2] Тегеранский университет — государственное высшее учебное заведение, один из крупнейших и старейших классических университетов Ирана. Расположен в городе Тегеран. https://ut.ac.ir/en (дата обращения: 15.08.2025).

[3] Преподаватели Института филологии МПГУ провели в Тегеране курсы повышения квалификации для иранских русистов // МПГУ : офиц. сайт. URL: https://mpgu.su/bez-rubriki/prepodavateli-instituta-povyshenija-kvalifikacii/ (дата обращения: 11.11.2025).

Обсуждение

Прежде чем представить упражнения и методические рекомендации по изучению диминутивов в иранской аудитории, определимся с терминологическим аппаратом, а именно с понятием «диминутив», который в лингвистической литературе трактуется неоднозначно. Поэтому требуется уточнить терминологическую базу и сформулировать рабочее определение, которое будет положено в основу данной методической разработки. Следуя позиции В.В. Виноградова, мы рассматриваем диминутивные суффиксы как формообразующие и признаем диминутивы ключевым средством выражения эмоциональности в русской речи[4]. Согласно Академической грамматике русского языка, существует более 20 суффиксов субъективной оценки имен существительных. Функциональное разнообразие данной системы позволяет предложить следующую классификацию: 1) суффиксы со значением уменьшительно-ласкательным: братЕЦ, голосОК, карманЧИК, гвоздИК, сестрИЦа, книжКа, ИванУШКа, звездОЧКа, гнездЫШКо, платьИЦе; 2) суффиксы со значением уменьшительности: росИНКа, сестричКа, хрипотЦа; 3) суффиксы со значением ласкательности: головУШКка, березОНЬКа» (Русская грамматика…, 1980: 207–215).

Помимо основных значений, все перечисленные суффиксы способны передавать широкий спектр эмоций: от растроганности и нежности до слащавости и сюсюканья (Воейкова, 2020).

Что необходимо знать преподавателю РКИ при изучении диминутивной лексики?

Несмотря на широкую употребительность диминутивов в русской речи (Китанина, 2019; Николина, 2020), анализ популярных учебников по РКИ, таких как «Поехали»[5] и «Дорога в Россию»[6], показывает отсутствие учебных материалов, посвященных их изучению. Предполагаем, что сложившаяся ситуация объясняется почти полным отсутствием диминутивов как особого пласта словарного состава русского языка в Лексическом минимуме. Лишь в Лексический минимум элементарного уровня (А1) включены наиболее употребительные русские имена и их уменьшительные формы (табл. 1), а также слова *пирог – пирожок, зонт – зонтик* и этикетная фраза — *Алло! Позовите, пожалуйста… – Минуточку!* Это связано с тем, что диминутивы не представляют собой отдельные словарные единицы, а являются грамматическими формами (или словообразовательными вариантами) исходных слов, поэтому в Лексическом минимуме отсутствуют.

[4] *Виноградов В.В.* Русский язык. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.

[5] *Чернышов С.И., Чернышова А.В.* Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс : учебник. Испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2024. 184 с.

[6] *Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А.* Дорога в Россию : учебник русского языка (элементарный уровень). 20-е изд. СПб. : Златоуст, 2024. 344 с.

Лексические минимумы изначально создавались для решения трех ключевых задач: «конкретизации обязательной для усвоения лексики на каждом уровне владения языком, обеспечения ориентира для авторов учебной литературы и разработчиков тестовых материалов, а также для формирования у иностранных обучающихся четкого понимания лексической базы, используемой при тестировании»[7]. Поскольку содержание обучения и контрольных материалов формируется в соответствии с данными принципами, слова с диминутивными суффиксами, не входящие в лексические минимумы, к сожалению, оказываются за рамками стандартного учебного процесса и остаются невостребованными в преподавании РКИ.

Таблица 1/ Table 1

Наиболее употребительные русские личные имена и их уменьшительные формы / The most common Russian personal names and their diminutives

Мужские имена / Men's names	**Женские имена / Female names**
«Александр — Саша	«Александра — Саша
Алексей — Алёша, Лёша	Алла
Андрей — Андрюша	Анна — Аня
Антон — Антоша	Вера
Борис — Боря	Галина — Галя
Вадим — Вадик	Екатерина — Катя
Виктор — Витя	Елена — Лена
Владимир — Володя	Ирина — Ира
Дмитрий — Дима, Митя	Лариса — Лара
Евгений — Женя	Любовь — Люба
Иван — Ваня	Людмила — Люда, Люся, Мила
Игорь	Марина
Николай — Коля	Мария — Маша, Маруся
Максим — Макс	Наталия — Наташа
Михаил — Миша	Нина
Олег	Ольга — Оля
Пётр — Петя	Светлана — Света
Сергей — Серёжа	Тамара — Тома
Юрий — Юра»[8]	Татьяна — Таня»[9]

В рамках Второго сертификационного уровня (В2) представлены «фразеологизмы, включающие слова данной семантической группы: *Пальчики оближешь. После дождичка в четверг»*[10].

[7] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / сост. Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова. (электронное издание). 5-изд. СПб. : Златоуст, 2015. С. 7.

[8] Там же. С. 72.

[9] Там же.

[10] Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией Н.П. Андрюшиной (электронное издание). 5-е изд. СПб. : Златоуст, 2015. С. 86.

С целью определения уровня сложности диминутивного материала (Лапошина, Лебедева, 2021) мы провели в веб-сервисе «Текстометр»[11] анализ 10 диминутивов: *дождичек, домик, столик, чашечка, зайчик, рыбка, мышка, красненький, малюсенький, пирожок, рученька, дождичек*. Проверка показала, что заявленные диминутивы соответствуют норме «Конец B2. II сертификационный уровень». Парадоксально, но это означает, что лишь на уровне B2 можно вводить диминутивы в речь инофонов.

Необходимо отметить, что ни Государственный стандарт по русскому языку как иностранному[12], ни Программы РКИ[13] не регламентируют работу над диминутивами, в отличие от других лексико-грамматических явлений русского языка.

Итак, определившись с содержанием понятия «диминутив» и его уровневым корпусом лексических единиц, представим систему лексико-грамматических упражнений для изучения диминутивов в курсе РКИ. Как уже отмечалось, в основу разработки упражнений положен функционально-семантический подход, базовыми принципами которого при изучении диминутивов в курсе РКИ являются:

1) принцип диалога культур (Костомаров, 1999). Он требует такой организации преподавания русского языка, при котором необходимо учитывать национально-культурные особенности страны изучаемого языка (России) и родной страны (Ирана). Например, пословицы и поговорки рассматриваются не только в качестве культурологического феномена, но и как эффективное средство презентации уменьшительно-ласкательных суффиксов. Хотя традиционно они сосредоточены в тематических блоках о традициях, обычаях и нравственных ценностях, их анализ предполагает и отработку лексико-грамматического аспекта. Например, в тексте о культуре труда и досуга может быть представлена пословица, где используется исключительно диминутивная форма: *«Без труда не вытащить и рыбКи из пруда»* (рус.). *— Без прилежания нет награды* (перс.). Или: *Встречают по одежКе, провожают по уму* (рус.). *— В знакомых местах уважают человека, в незнакомых — халат* (перс.). Или: *После дождичКа в четверг* (рус.). *— Когда осел залезет на минарет* (перс.);

2) принцип учета родного языка, который «предусматривает организацию учебного процесса с учетом опыта в родном языке обучающихся, что

[11] Текстометр. URL: https://textometr.ru/ (дата обращения: 15.08.2025).

[12] Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. М.-СПб. : Златоуст, 1999. 36 с.; Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / М.М. Нахабина и др. 2-е изд., испр. и доп. М.-СПб. : Златоуст, 2001. 32 с.; Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т.Е. Владимирова и др. 2-е изд., испр. и доп. М.-СПб. : Златоуст, 2001. 28 с.

[13] *Глазунова О.Г., Колесова Д.В., Попова Т.И.* Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1-С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо. М. : Русский язык. Курсы, 2017. 216 с.

определяет построение программы обучения»[14]. Так, при формировании навыков использования диминутивов у иранских обучающихся преподавателю РКИ следует исходить из межъязыковой асимметрии. В русском языке экспрессивно-оценочное словообразование, реализуемое через развитую систему субъективно-оценочных суффиксов, играет значительную роль и отражает специфику языковой картины мира.

Персидский язык для выражения значения «малое и милое» также имеет соответствующие словообразовательные средства. Перечислим суффиксы субъективной оценки:

— -ک передает значение «маленький, ласкательный, презрительный»;
— -چه / -جه/ -ه передает значение «маленький предмет»;
— -ولُ / -ولو / -ول передает значение «маленький, детеныш, иногда презрение»;
— -وی / -وا / -و передает значение «уменьшение, преувеличение, принадлежность»;
— -کَک, -کُک, -کُ, -چَ — диалектные варианты.

Однако в персидском языке морфологический способ выражения значения диминутивности «встречается реже и обладает иной структурой: из-за меньшего набора соответствующих суффиксов оценочное значение часто передается с помощью прилагательных» (Голами, Чераги, 2017: 80). Например, русская конструкция «Он обнимал меня своими *ручОНКами*» на персидский язык передается как «درکی‌م مل‌غب ش‌ول‌وچوک ی‌اتس‌د اب» (дословно: «...своими *маленькими руками*»), что демонстрирует грамматическое расхождение в способах передачи субъективной оценки;

3) принцип ситуативно-тематической организации учебного материала (Устинов, Демешева, Аббас, 2025: 180), формируемого на базе однородной функционально-семантической группы, в нашем случае диминутивов, маркирующей определенную речевую ситуацию. Сообщаем инофонам, что в семейно-бытовых ситуациях, выражающих симпатию говорящего к собеседнику, часто используются уменьшительно-ласкательные формы существительных: *мамОЧКа, папОЧКа, братЕЦ ФедЕНЬКа, сестрИЧКа ОлЕЧКа, дедУШКа. бабУШКа, тётУШКа, дядЮШКа*;

Далее рассмотрим этапы изучения диминутивов в курсе РКИ в иранской аудитории, соответствующие уровням усвоения русского языка.

Ознакомление с диминутивами начинается уже на элементарном уровне (А1) при изучении личного имени собственного. Цели занятия: а) формирование у обучающихся навыка образования и аутентичного употребления в речи уменьшительно-ласкательных форм личных имен (мужских и женских); б) определение значимости использования диминутивных форм личных имен для успешной коммуникации в разных сферах общения.

Сообщаем инофонам, что в разговорах с детьми и в теплой дружеской обстановке, выражающей симпатию говорящего к собеседнику, необходимо использовать уменьшительно-ласкательные личные имена (рис. 1).

[14] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языка). М. : Изд-во ИКАР, 2009. С. 219.

Рис. 1. Уменьшительно-ласкательные формы полного имени

URL: https://ya.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fbigslide.ru%2Fimages%2F5%2F4534%2F960%2Fimg5.jpg&lr=103817&pos=13&rpt=simage&text=уменьшительно-ласкательные%20суффиксы%20имён%20картинка (дата обращения:11.11.2025).

Figure 1. Diminutive forms of a full name

Retrieved 11 November 2025 from https://ya.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fbigslide.ru%2Fimages%2F5%2F4534%2F960%2Fimg5.jpg&lr=103817&pos=13&rpt=simage&text=diminutive%20suffixes%20of%20names%20picture

Далее предлагаем выполнить следующие упражнения:

Упражнение 1. Соедините полное имя с уменьшительно-ласкательным.

Иван	Федя	ВанЕЧКа
Варвара	Ваня	АнЕЧКа
Фёдор	Варя	ВарЕНЬКа
Анна	Валя	ВалЕЧКа
Валентина	Сеня	СенЕЧКа
Семён	Аня	ФедЕЧКа

Упражнение 2. Образуйте уменьшительно-ласкательные формы личных имён с помощью суффиксов: -очк-, -ечк-, -еньк-, -оньк-, -ушк-, -юшк-

У Вани в портфеле карандаши, у Лены — тетради, у Кати — ручки, у Феди — книги, у Володи — яблоко.

На базовом уровне (А2) знакомство с диминутивами целесообразно организовать в рамках работы с русскими народными сказками. Сказочный дискурс характеризуется активным использованием уменьшительно-ласкательных форм, что позволяет решить две ключевые задачи. Во-первых, инофоны учатся интуитивно распознавать положительных персонажей через их языковое оформление и формировать к ним соответствующее эмоциональное отношение. Во-вторых, сказки служат культурным источником, знакомящим не только с народным творчеством, но и с лингвокультурной спецификой русской речи, способствуя ее эмоциональному «прочувствованию».

Ознакомление иранских обучающихся с диминутивами предлагаем проводить на материале сказки «Теремок». Ключевым методическим преимуществом является высокая частотность и повторяемость одних и тех же дими-

нутивных форм на протяжении всего сюжета, что способствует их непроизвольному запоминанию. В процессе работы обучающиеся знакомятся со словообразовательными моделями, выделяя продуктивные уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Цель занятия — выявить эмоционально-экспрессивную функцию уменьшительно-ласкательных суффиксов в названиях животных.

Занятие начинается с фонетической зарядки: *Заяц, мышь, лиса, медведь. В лес иди на них смотреть.*

Далее следуют предтекстовые задания. Обучающимся предлагается найти соответствия в следующих парах слов:

Выявленные соответствия обозначаются стрелками.

Рассматриваем особенности образования диминутивов, которые встретятся в тексте сказки.

Терем → теремОК, в теремКе (6П)
Мышь → мышКа
Заяц → зайчИК
Лиса → лисИЧКа

Далее обращаемся к чтению сказки «Теремок» и выполняем притекстовые упражнения.

Упражнение 1. Определите, при помощи каких языковых средств передаётся в сказке отношение к животным?

В процессе беседы выясняем, что в именах существительных *мышка, зайчик, лисичка* встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы. В существительном *теремок* преобладает значение уменьшительности.

На занятии необходимо сказать, что уменьшительно-ласкательные суффиксы в основном используются в устной речи, а также в фольклоре — например, в народных песнях и сказках.

Упражнение 2. Объясните название следующих русских народных сказок: «Лисичка-сестричка и серый волк», «Мальчик с пальчик», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка».

Во время послетекстовых упражнений обучающимся предлагается разделиться на группы и инсценировать сказку, используя слова-диминутивы.

Занятие заканчивается самостоятельной творческой работой «Суффиксы, которые учат любить». Приводим пример мини-сочинения:

Мамочка — это первое слово, которое все говорят во всех странах. У мамы доброе сердце, она всегда меня понимает и помогает. Руки мамы всё могут сделать. Мамочка — это самое лучшее слово! (Афсане)

Таким образом, учебные материалы должны быть ориентированы на формирование у обучающихся компетенции, позволяющей не только распознавать суффиксальные диминутивы в рецептивных видах речевой деятельно-

сти (аудирование, чтение), опираясь на языковую догадку, но и активно употреблять их в продуктивной речи.

На уровне B1 задача заключается не только в ознакомлении с диминутивами, но и в формировании навыка их употребления в стандартных коммуникативных ситуациях. Согласно классификации Л.А. Шлыковой и В. Эльвии, к таким ситуациям относятся: «Угощение», «Просьба», «Общение врача с пациентом», «В магазине», «В кафе, столовой», «Разговор по телефону», «Общение с ребенком», «Ухаживание» и «Общение начальника и подчиненного» (Шлыкова, Эльвия, 2012). Так, иностранец, приехавший в Россию, с первых дней слышит в кафе: *«СупИК и чаЁК? С Вас 350 рублИКов»,* в магазине: *«Возьмите этот пакетИК»,* в общежитии: *«КлючИК оставьте на вахте».* Игнорирование этих форм создает ощущение «глухоты» к языку и мешает полноценному пониманию повседневной речи.

Функционально-семантический подход предполагает ситуативно-тематическую организацию материала и движение от потребностей коммуникации к языковых средствам выражения. В рамках данного подхода лексико-грамматический материал структурируется в виде функционально-семантических кластеров. Отбор диминутивов для изучения осуществляется на основе трех ключевых критериев: их принадлежности к единой структурно-семантической группе, частотности употребления, а также продуктивности соответствующих словообразовательных суффиксов. При этом обучение пониманию функций диминутивных суффиксов должно быть основано на выявлении «типовых контекстных окружений, актуализирующих конкретные смыслы того или иного суффикса, который не указывает на уменьшительность предмета, а вписывается в прагматическую установку высказывания и маркирует особые речевые ситуации» (Резанова, Шиляев, 2015: 636).

В рамках рассматриваемого подхода обучение диминутивам можно организовать на материале темы «Внешность». Обучающимся предлагаются лексические единицы с положительной коннотацией (*носик, глазки, губки* и т.д.) и разъясняется, что эта лексика типична для коммуникации с детьми и служит для передачи нежного, ласкового отношения. Сообщаем, что на уровне словообразования известна богатая система суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Уменьшительно-ласкательные суффиксы / Diminutive and affectionate suffixe

Единственное число / Singular number		
мужской род / masculine gender	*женский род / feminine gender*	*средний род / middle gender*
уменьшительно-ласкательное значение / diminutive meaning		
-ик- носИК ротИК лобИК -ок- ангелОК -ек- цветочЕК	-к- щёчКа	-к- о́блачКо яблочКо

Окончание табл. 2 / Ending table 2

Множественное число / Plural					
мужской род / masculine gender		женский род / feminine gender		средний род / middle gender	
-к-	глазКи зубКи	-к-	звёздочКи ресничКи ручКи ножКи	-к-	пёрышКи ушКи
-ик-	волосИКи				

Далее выполняем упражнения.

Упражнение 1. Сравните два рисунка, затем прочитайте текст. К какому из них дан помещенный ниже текст? Назовите слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

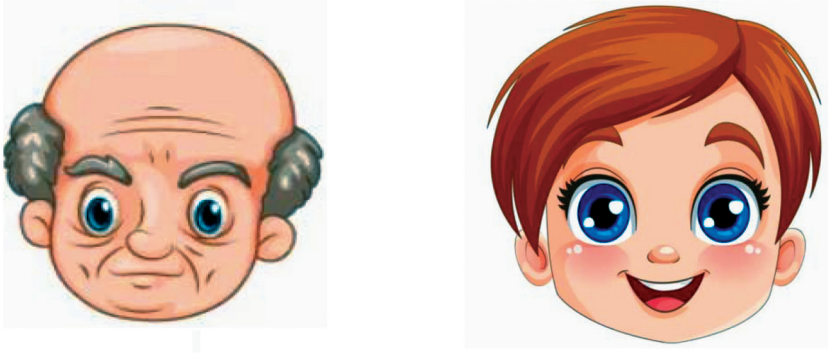

Рис. 2. Внешность взрослого и ребёнка

URL: https://ya.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fimg.freepik.com%2Ffree-vector%2Fmany-faces-people-different-ages_1308-1912.jpg%3Fw%3D2000&lr=103817&pos=25&rpt=simage&text=картинка%20личико%20малыша%20и%20взрослого%20сравнение (дата обращения: 11.11.2025).

Figure 2. Appearance of an adult and a child

Retrieved 11 November 2025 from https://ya.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fimg. freepik.com%2Ffree-vector%2Fmany-faces-people-different-ages_1308-1912.jpg%3Fw%3D2000&lr=103817&pos=25&rpt=simage&text=picture%20baby%20and%20adult%20comparison

Это ангелок. Его розовые щечки, как два яблочка. Глазки у него, как две звездочки на небе. Реснички тонкие и нежные, словно пёрышки. У малыша маленький носик, который всегда краснеет. Румяный ротик ребёнка похож на цветочек. Когда он улыбается, его зубки сияют жемчугом. У малыша мягкие волосики, как облачко. Они лежат на лобике и ушках. Малыш всегда в движении. Его ручки и ножки постоянно бегут.

Упражнение 2. Посмотрите мультфильм по басне И.А. Крылова «Ворона и Лисица». (https://ya.ru/video/preview/221713363596653136). Назовите слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. (Смотрят дважды.) Почему автор употребил в речи Лисицы именно такие слова?

Домашнее задание может быть таким: Прочитайте русскую народную сказку «Лиса и собаки». Выпишите слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Данные упражнения позволяют обучающимся представить уменьшительно-ласкательные формы не как изолированное грамматическое явление, а как живой инструмент для выражения эмоционально-оценочных отношений. Такой подход, объединяющий семантику, словообразование и прагматику, способствует более глубокому и осознанному усвоению материала. Обучающиеся запоминают новые слова и формы, понимают, когда, зачем и с каким оттенком их уместно использовать.

Заключение

Таким образом, функционально-семантический подход позволяет последовательно формировать представление о категории диминутивности на всех этапах обучения РКИ. Для этого могут быть эффективно использованы разнообразные источники — от текстовых (фольклор, художественная литература) до аудиовизуальных, что обеспечивает вариативность и гибкость учебного процесса.

Перспективы исследования связаны с применением функционально-семантического подхода к изучению в курсе РКИ других средств выражения диминутивных значений (увеличительные формы, формы субъективной оценки качества, префиксация с эмоциональной окраской), позволяющих иранским обучающимся чувствовать эмоциональные особенности русской речи.

Список литературы

Армоник Л.Б. Словообразование на уроках РКИ: диминутивная лексика в художественном тексте (на материале рассказа А.П. Чехова «Душечка») // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 8: в 2 частях. Минск : Белорусский Дом печати, 2014. Ч. 1. С. 146–150.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : монография : пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 412 с. EDN: PJSRRN

Воейкова М.Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.38-56

Голами Х., Чераги Б. Суффиксальные средства выражения оценки в русском языке и их переводы на персидский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77). С. 78–81. EDN: ZMYQFR

Груздева Е.А. Межкультурный подход в обучении русскому языку как иностранному иранских учащихся // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 55–61. EDN: QJWITH

Кайсарова С.Н. Модель обучения экспрессивному словообразованию в практике РКИ (на примере диминутивов) // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2013. С. 55–57. EDN: SAOZGB

Китанина Э.А. Диминутивы как составная часть народно-разговорной речи современного города // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 128–131. EDN: UHHPPQ

Костомаров В.Г. Русский язык в современном диалоге культур // Русский язык за рубежом. 1999. № 4 (170). С. 77–85. EDN: WERWLN

Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9 (25). URL: https://human.snauka.ru/2013/09/3736 EDN: RCLRON

Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 331–345. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345 EDN: YQLLXW

Левушкина О.Н., Устинов А.Ю., Дейкина А.Д. Обучение травелогу на основе «Хожения за три моря» Афанасия Никитина на занятиях по русскому языку // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 6. С. 7–17. http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-7-17 EDN: DLIICJ

Николина Н.А. Функционирование диминутивов в современной русской речи // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 5. С. 49–54. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54 EDN: BQBDMP

Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4. С. 634–639. EDN: UAVKDP

Русская грамматика : в 2 томах. Т. 1 Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова. Репринтное издание. М. : Наука, 1980. 784 с.

Устинов А.Ю., Демешева Е.Н., Аббас Г.В. Русский язык в современном образовательном пространстве Ливана // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 168–186. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-1-168-186 EDN: ANUNGL

Чевардина Л.В. Обучение иностранных студентов экспрессивным средствам русской речи на примере суффиксов субъективной оценки // Журнал педагогических исследования. 2018. Т. 3. № 4. С. 106–123. EDN: JXMPJM

Шлыкова Л.А., Эльвия В. Методика обучения диминутивам на занятиях по русскому языку как иностранному // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 8 (8). С. 48–52. EDN: QARJQB

Сведения об авторах:

Устинов Анатолий Юрьевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1. стр. 1. *Сфера научных интересов:* функционально-семантический подход к изучению русского языка, бимодальные средства обучения на занятиях РКИ. Автор более 100 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-5545-8500. SPIN-код: 4063-1713. AuthorID: 54714472. E-mail: ustan0902@rambler.ru

Радандиш Парване, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, факультет иностранных языков и литературы, Тегеранский университет, Исламская Республика Иран, 1439813164, Тегеран, ул. Амирабад (Северный Каргар), д. 15–16. *Сфера научных интересов*: преподавание русского языка и русской литературы в иранской аудитории. Автор более 50 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-8152-2059. E-mail: radandish33@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-244-261
EDN: QHJVOY

Research article

A functional-semantic approach to the study of Russian diminutives in an Iranian audience

Anatoly Yu. Ustinov[1], Radandish Parvaneh[2]

[1]Moscow State Pedagogical University, *Moscow, Russian Federation*
[2]Tehran University, *Tehran, Iran*
✉ustan0902@rambler.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to study diminutives in learning Russian as a foreign language due to their widespread use in the everyday speech of native speakers. Mastering key models of diminutive word formation based on a functional-semantic approach allows foreign learners to significantly expand their vocabulary and improve their communication efficiency as a result. The aim of the study is to develop exercises for enriching the speech of Iranian students with diminutive vocabulary (level A1–B1) based on a functional-semantic approach. To achieve this aim, the authors used a set of complementary methods: a theoretical and methodological analysis of linguistic and methodological literature on the topic; a comparative analysis used to identify differences in the system of subjective evaluation in Russian and Persian; a word-formation analysis of diminutives; and an included pedagogical observation of teaching Russian to Iranian students. The study presents exercises based on the functional-semantic approach for developing the skills of using diminutive vocabulary in the speech of Iranian students. The exercises contain scientific and methodological recommendations and educational materials, structured and adapted according to the levels of Russian language proficiency. The exercises use relevant lexical and grammatical topics, diminutive forms of personal names, animal names, and descriptions of human appearance, and so they can be flexibly integrated into existing educational programs for various forms of education — universities, short-term courses, and independent study. The prospects for research include application of a functional-semantic approach to study other diminutive meanings in the course of Russian as a foreign language — emphatic forms, subjective evaluation forms, and emotional prefixes. This will allow Iranian students to experience the emotional features of Russian speech.

Keywords: Russian as a foreign language, diminutive suffixes, Iran

Authors' contribution: Ustinov A.Yu. — conceptualization, methodology, visualization, creation of the manuscript, and its editing; Radandish P. — conducting research testing and collecting factual material. Both authors approved the final version of the article.

Funding. The work was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (state assignment No. 125101711744-2, topic "Pedagogical and Scientific-Methodological Support for the Study of the Russian Language in the Educational Space of the Islamic Republic of Iran").

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received 03.10.2025; accepted 26.12.2025.

For citation: Ustinov, A. Yu., & Radandish, P. (2026). A functional-semantic approach to the study of Russian diminutives in an Iranian audience. *Russian Language Studies*, *24*(2), 244–261. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-244-261 EDN: QHJVOY

References

Armonik, L. B. (1998). *Word formation in Russian as a foreign language lessons: Diminutive vocabulary in a literary text (based on A.P. Chekhov's story 'Dushechka')*. Karpov Scientific Readings: Collection of Scientific Articles. Vol. 8: in 2 parts. Minsk: Belarusian House of Printing, 2014. Part 1. Pp. 146–150. (In Russ.).

Chevardina, L. V. (2018). Teaching expressive means of Russian speech to foreign students on the example of subjective evaluation suffixes. *Journal of Pedagogical Studies*, *3*(4), 106–123. (In Russ.). EDN: JXMPJM

Gholami, H., & Cheragi, B. (2017). Russian suffixal means to express evaluation and their translations into the Persian language. *Philology. Theory & Practice,* (11-1), 78–81. (In Russ.). EDN: ZMYQFR

Gruzdeva, E. A. (2019). Intercultural approach in teaching Russian as a foreign language of Iran students. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, (7), 55–61. (In Russ.). EDN: QJWITH

Kaisarova, S. N. (2013). Model of teaching expressive word formation in the practice of Russian as a foreign language (on the Example of Diminutives). In *Science and Education in the 21st Century :* collection of scientific papers *based on the materials of the International Scientific and Practical Conference)* (pp. 55–57). (In Russ.). EDN: SAOZGB

Kitanina, E. A. (2019). Diminutives as an integral part of people's conversation of the modern city. *Philology in the XXI Century,* (S1), 128–131. (In Russ.). EDN: UHHPPQ

Kostomarov, V. G. (1999). The Russian language in the modern dialogue of cultures. *Russian Language Abroad*, (4), 77–85. (In Russ.). EDN: WERWLN

Krylova, M. N. (2013). Functional-semantic analysis as a basis for systematic research of language units. Functional-semantic category of comparison. *Humanities Scientific Researches,* (9). (In Russ.). EDN: RCLRON

Laposhina, A. N., & Lebedeva, M. Yu. (2021). Textometr: An online tool for automated complexity level assessment of texts for Russian language learners. *Russian Language Studies*, *19*(3), 331–345. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345 EDN: YQLLXW

Levushkina, O. N., Ustinov, A. Yu., & Deikina, A. D. (2025). Teaching travel literature based on Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas" in Russian language classes. *Russian Language at School*, *86*(6), 7–17. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-7-17 EDN: DLIICJ

Nikolina, N. A. (2020). Diminutive functioning in modern Russian speech. *Russian Language at School*, *81*(5), 49–54. (In Russ.). https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54 EDN: BQBDMP

Rezanova, Z. I., & Shilyaev, K. S. (2015). Russian national corpus in teaching the use of Russian diminutives. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (5-4), 634–639. (In Russ.). EDN: UAVKDP

Shvedova N. Yu. & others. (2005). Russian grammar: Scientific works. Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of Russian Language Publ. (In Russ.).

Shlykova, L. A., & Elvia, V. (2012). The methods of teaching diminutives in Russian as a foreign. Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication (8), 48–51. (In Russ.). EDN: QARJQB

Ustinov, A. Yu., Demesheva, E. N., & Abbas, G. V. (2025). The Russian language in the modern educational space of Lebanon. *Russian Language Studies*, *23*(1), 168–186. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-1-168-186 EDN: ANUNGL

Vezhbitskaya, A. (1996). Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkiye Slovari Publ. (In Russ.). EDN: PJSRRN

Voeikova, M. D. (2020). Structural functions of diminutives and their productivity in modern Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, (5), 38–56. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.38-56

Bio notes:

Anatoly Yu. Ustinov, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Methods of Teaching the Russian Language, Moscow State Pedagogical University, 1 M. Pirogovskaya St., Bldg. 1 Moscow, 119991, Russian Federation. *Research interests:* functional-semantic approach to the study of the Russian language, bimodal means of teaching in the classes of Russian as a foreign language. Author of more than 100 scientific publications. ORCID: 0000-0001-5545-8500. SPIN-code: 4063-1713. AuthorID: 54714472. E-mail: ustan0902@rambler.ru

Parvaneh Radandish, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran, 15–16 Amirabad (North Kargar) St., Tehran, 1439813164, Islamic Republic of Iran. *Research interests:* teaching Russian Language and Russian Literature to Iranian Students. Author of over 50 scientific publications. ORCID: 0000-0002-8152-2059. E-mail: radandish33@gmail.com

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 262–277
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-262-277
EDN: QIXEKQ

Научная статья

Лингводидактические критерии разработки видеолекций по русскому языку: модель «перевернутый класс» во вьетнамской аудитории

Т.Х.В. Нгуен ✉, Ф.Х.Т. Лиеу

Институт социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина, *Хошимин, Вьетнам*
✉huongchinv@hcmussh.edu.vn

Аннотация. Необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций по проектированию видеоконтента, адаптированного к когнитивным особенностям вьетнамских студентов, изучающих русский язык, обусловила актуальность исследования. При отсутствии естественной коммуникации видеолекции в модели «перевернутого класса» становятся ключевым инструментом компенсации дефицита русскоязычной среды. Цель исследования — систематизация лингводидактических критериев, учитывающих национально-ориентированные трудности и когнитивные стратегии обучающихся для оптимизации их автономной работы в процессе изучения русского языка как иностранного (РКИ). Материалом для исследования послужили структурированные видеоуроки, оформленные на основе принципов и требований модели «перевернутый класс». В качестве методов использовались теоретический анализ литературы, анкетирование студентов ($n = 83$), интервью ($n = 6$) и контент-анализ. Исследование проводилось на базе Института социальных и гуманитарных наук (г. Хошимин, Вьетнам). Результаты установили приоритет методической ценности контента над его техническим исполнением, выявили высокую значимость логической структурированности материала и использования родного языка как метаязыка-опоры для реализации стратегии «скаффолдинга». Выявлено предпочтение обучающихся в пользу статической наглядности и цветового кодирования видеолекций на русском языке, а также конкретизирован оптимальный хронометраж видео (15–30 минут). Перспективы исследования связаны с внедрением системы критериев в практику создания видеолекций по РКИ для вьетнамской аудитории. Интеграция адаптивных технологий и искусственного интеллекта позволит персонализировать обучение на русском языке и повысить эффективность модели «перевернутого класса» в современном образовательном контексте.

Ключевые слова: видеоурок, перевернутое обучение, лингвометодические принципы, лингводидактические критерии, обучение, русский язык как иностранный, Вьетнам, внеязыковая среда, цифровая лингводидактика

Вклад авторов: *Нгуен В.Х.Т* — разработка общей концепции статьи, анализ научной и учебно-методической литературы по теме исследования, написание текста; *Лиеу Т.Х.Ф.* — разработка методологии исследования, сбор и анализ данных, написание текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Нгуен В.Х.Т., Лиеу Т.Х.Ф., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 23.09.2025; принята к печати 11.12.2025.

Для цитирования: *Нгуен Т.Х.В., Лиеу Ф.Х.Т.* Лингводидактические критерии разработки видеолекций по русскому языку: модель «перевернутый класс» во вьетнамской аудитории // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 262–277. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-262-277 EDN: QIXEKQ

Введение

В условиях перехода на онлайн-форматы обучения широкое распространение и внедрение цифровых ресурсов в учебный процесс становится неотъемлемой частью современных образовательных систем. Модель «перевернутого класса» (ПК) — актуальный, инновационный педагогический подход, ориентирующий студентов на самостоятельное усвоение нового материала вне аудиторных занятий и активное применение знаний во время урока.

Модель ПК имеет глубокие исторические корни в российской педагогике. Еще в 1984 г. М.В. Нечкина предложила идею о том, что студенты должны самостоятельно изучать новый материал по учебникам дома, а время на занятии посвящать обсуждению с преподавателем (Нечкина, 1984). В 1980-х гг. идеи опережающего обучения и использования опорных схем получили развитие в трудах учителей-новаторов, таких как С.Н. Лысенкова[1] и В.Ф. Шаталов (Шаталов, 1987). Их методики, направленные на предварительную подготовку учащихся к восприятию сложных тем и формирование системы «опорных сигналов», заложили практический фундамент для реализации современных инновационных моделей преподавания русского языка. На рубеже XX–XXI вв. концептуализация модели продолжилась в работах M. Lage и коллег (Lage, Platt, Treglia, 2000), в то время как в российской педагогике были детально разработаны теоретические основы трансформации роли преподавателя в условиях цифровизации образовательной среды обучения иностранным языкам[2]. Окончательное оформление принципов ПК, базирующихся на использовании видеолекций как ключевого инструмента для активного взаимодействия в аудитории, предложили Bergmann и Sams (Bergmann, Sams, 2012).

Центральное место в этой модели занимают визуальные средства в когнитивном контексте, способствующие эффективному освоению русского языка (Овчинникова, 2015). Использование видеоуроков позволяет оптимизировать учебную нагрузку, сокращая информацию в компактный вид (Тихонова, Иванов, Омарова, 2018), что особенно важно при изучении русского языка как иностранного (РКИ). Это повышает качество усвоения сложного лингвистического материала (Левина, 2021). Когнитивная визуализация выступает как ключевой механизм диалога между сознанием и объективной реальностью, позволяющий интенсифицировать процесс преподавания русского языка и активизировать речевую деятельность учащихся (Манько, 2009).

[1] *Лысенкова С.Н.* Когда легко учить и учиться. М. : Педагогика, 1985. 176 с.

[2] *Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е.* Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 2002. 272 с.

Для установления конкретных критериев оценки учебных материалов методологической основой служат принципы мультимедийного обучения (Mayer, 2009), такие как последовательность, сжатость и сигнализация. В более поздних работах Mayer и коллег (Mayer, Fiorella, Stull, 2020) акцент смещается на персонализацию контента: использование субтитров (что критически важно для внеязыковой аудитории) и принцип динамической визуализации.

Эмпирические исследования в области преподавания РКИ также позволили уточнить технические параметры эффективного видео. В частности, доказано, что при обучении русскому языку оптимальная продолжительность ролика не должна превышать 20 минут (Вульфович, 2017), что диктует необходимость сегментации языкового материала (Mayer, 2009; Воробьев, Мурзаева, 2018). Более того, при создании контента для изучения РКИ акцентируется внимание на важности визуального дизайна, сокращения текста на экране и соблюдения авторских прав (Вульфович, 2017; Левина, 2021).

Несмотря на преимущества, процесс внедрения модели ПК в практику преподавания русского языка сталкивается с высокой трудозатратностью создания видеоконтента и психологическими трудностями восприятия цифрового формата учащимися (Gromoglasova et al., 2022). В этой связи разработка специальных лингводидактических критериев создания видеолекций по РКИ для вьетнамской аудитории (от начального до продвинутого уровня) становится особенно актуальной.

Цель исследования — теоретическая систематизация совокупности лингводидактических требований к видеоурокам, способствующих эффективному формированию коммуникативной компетенции на русском языке у вьетнамских учащихся в рамках реализации модели ПК.

Методы и материалы

Для достижения поставленной цели применен комплексный исследовательский подход, сочетающий теоретический анализ литературы, анкетирование студентов (n = 83), интервью (n = 6) и контент-анализ.

Объектом анализа послужили структурированные видеолекции по дисциплинам «Практический курс русского языка-1», «Практический курс русского языка-6» и «Морфология русского языка», разработанные с опорой на принципы мультимедийного обучения (Mayer, 2009) и специфику преподавания РКИ во внеязыковой среде.

В опросе приняли участие 83 студента I и IV курсов факультета русской филологии, из которых 92,8 % уже имели опыт обучения в модели ПК (Группа А), а 7,2 % столкнулись с ней впервые (Группа Б). В связи с малочисленностью Группы Б статистический *t-Test* был заменен дескриптивным сравнительным анализом показателей обеих групп.

Исследование включало два этапа:

Количественный этап (анкетирование). Сбор данных осуществлялся посредством авторской анкеты, включающей 39 вопросов. Оценка значимости

параметров проводилась по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 — «совершенно не важно» до 5 — «очень важно»). Структура анкеты и перечень оцениваемых критериев приведены в таблице.

Система лингводидактических и технико-дизайнерских критериев оценки видеолекций

Блок критериев	Код	Содержание критерия
I. Содержательный блок критериев разработки видеолекций по РКИ	С1	Ограничение содержания ключевыми темами урока
	С2	Наличие дополнительных (расширенных) материалов
	С3	Задания для самопроверки после тематических блоков
	С4	Полнота представления темы
	С5	Многократное повторение ключевых содержаний
	С6	Соответствие другим учебным материалам
	С7	Стимулирование познавательной мотивации
	С8	Использование родного языка как метаязыка-опоры
	С9	Наличие обзора в начале и выводов в конце
	С10	Соответствие объема новой лексики уровню компетенции
II. Технико-дизайнерский блок критериев разработки видеолекций по РКИ	Д11	Адаптированный темп речи преподавателя
	Д12	Использование статической наглядности с пояснениями
	Д13	Разнообразие форматов подачи информации
	Д14	Использование визуальных акцентов
	Д15	Цветовое кодирование и шрифтовое выделение
	Д16	Эмоциональная манера речи
	Д17	Присутствие преподавателя в кадре
	Д18	Маркировка об авторских правах
	Д19	Наличие ссылок на источники
	Д20	Свободный хронометраж
	Д21	Принцип пространственной близости
	Д22	Синхронность пояснений и текста
	Д23	Дублирование текста
	Д24	Использование исключительно русского языка
	Д25	Сегментация видео
	Д26	Динамичность представления материала

Источник: составлено Т.Х.В. Нгуен, Ф.Х.Т. Лиеу.

System of linguodidactic and technical design criteria for video lecture evaluation

Blocks of criteria	Code	The criteria content
Evaluating the content of lectures on Russian as a foreign language	C1	Content limitation to key topics of the lesson
	C2	Additional (enhanced) materials available
	C3	Self-check exercises after topic blocks
	C4	Completeness of topic representation
	C5	Key content repetition
	C6	Relevance to other educational blocks
	C7	Cognitive motivation stimulation
	C8	Using students' native language as a meta language
	C9	Review at the beginning and conclusions at the end
	C10	Relevance of new vocabulary to the level of language proficiency
Technical design criteria for evaluating video lectures on Russian as a foreign language	Д11	Teacher's adapted speech tempo
	Д12	Using static visual aids with explanation
	Д13	Different formats of information representation
	Д14	Using visual accents
	Д15	Colour coding and font
	Д16	Emotional manner of speech

Ending of table

Blocks of criteria	Code	The criteria content
	Д17	Presence of the teacher in the frame
	Д18	Copyright labeling
	Д19	The presence of links to sources
	Д20	Free timekeeping
	Д21	The principle of spatial proximity
	Д22	Synchronicity of explanations and text
	Д23	Text duplication
	Д24	Using Russian language only
	Д25	Video segmentation
	Д26	Dynamic material presentation

Source: compiled by C.H.V. Nguyen, P.H.T. Lieu.

Надежность инструментария подтверждена расчетом коэффициента Альфа Кронбаха (Cronbach's Alpha).

Качественный этап (интервью). С целью углубленной интерпретации количественных данных и выявления субъективных когнитивных барьеров проведено полуструктурированное интервью с репрезентативной выборкой студентов (n = 6). В опросник для интервью вошли 5 тематических вопросов, направленных на выявление: готовности студентов к дальнейшему обучению русскому языку с использованием видеолекций; преимуществ и недостатков данного формата в контексте преподавания русского языка; языковых предпочтений (выбор между русским языком и вьетнамским языком-посредником); оптимального хронометража для эффективного усвоения материала по РКИ; когнитивных стратегий, применяемых обучающимися для понимания русскоязычного видеоконтента. Метод тематического анализа позволил детализировать восприятие студентами стратегий языковой поддержки («скаффолдинга») и визуального оформления.

Статистическая обработка количественных данных осуществлялась в программе SPSS 20.0 с применением методов описательной статистики. Качественные данные разработали с помощью метода контент-анализа, что позволило детально интерпретировать результаты опроса и определить личные предпочтения студентов. Использование такого комплексного подхода помогло обеспечить объективность установленных критериев для разработки мультимедийных ресурсов по РКИ.

Результаты исследования

Систематизированы лингводидактические критерии проектирования видеолекций, адаптированные к специфике обучения РКИ во вьетнамской аудитории, и предложена система таких критериев (сгруппирована в два тематических блока: содержательный и технико-дизайнерский), послужившая основой для анкетирования и оценки эффективности видеоуроков по РКИ.

Установлен приоритет лингводидактической целесообразности контента над техническими аспектами. Результаты количественного анализа подтверждают, что для обучающихся РКИ приоритетное значение имеет качество

лингводидактической проработки учебного материала, а не технологическая сложность его реализации. Согласно полученным данным, средний балл (СБ) по блоку содержания составил 4,40, тогда как технический дизайн получил более низкую оценку — 4,16. Следовательно, для формирования коммуникативной компетенции на русском языке критически важна логико-смысловая структура введения грамматических категорий. Дизайн в данном контексте выполняет лишь функцию вспомогательной визуализации. Внутри содержательного блока наивысшую оценку получил критерий «Структурированность подачи материала» (СБ = 4,58). Студенты подчеркивают важность четкой логики и понятной навигации в видеоматериалах. Подобная организация учебного материала помогает оптимизировать когнитивную нагрузку и обеспечивает эффективное усвоение знаний в режиме самостоятельной работы.

Обоснована лингвометодическая стратегия языковой поддержки. Выявлено, что в условиях отсутствия естественной языковой среды вьетнамские учащиеся испытывают потребность в метаязыковой поддержке на родном языке. Критерий «Наличие объяснений терминологии на вьетнамском языке или субтитров» получил одну из высших оценок — 4,52 балла. При объяснении сложных явлений русского языка (таких как падежная система, глагольный вид или синтаксические абстракции) родной язык помогает устранить психологические и языковые барьеры. Таким образом, включение вьетнамского языка в видеолекции позволяет эффективно реализовать методический принцип «скаффолдинга», обеспечивая управляемую траекторию перехода от понимания теории к продуктивной речевой деятельности на русском языке.

Конкретизированы эргономические требования к средствам наглядности и временным характеристикам видеолекций. В аспекте визуализации языкового материала установлено, что при освоении сложных морфосинтаксических структур русского языка обучающиеся отдают приоритет цветовому кодированию (Д15 — 4,51 балла) и статической наглядности (Д12 — 4,34 балла). При этом использование избыточной анимации оценено респондентами более сдержанно. Кроме того, на основе анализа вовлеченности учащихся определили оптимальную продолжительность видеоуроков — от 15 до 30 минут, что обеспечивает необходимый баланс между глубиной раскрытия учебной темы и устойчивостью произвольного внимания. Подобная регламентация видеоурока минимизирует риск когнитивной перегрузки и создает условия для эффективной реализации учебной автономии в процессе освоения РКИ во внеязыковой среде.

Обсуждение

Комплексный анализ количественных и качественных данных, полученных в ходе исследования, не только подтверждает эффективность модели ПК в обучении РКИ, но и позволяет рассмотреть полученные результаты с точки зрения современной цифровой лингводидактики, когнитивной психологии и теории межкультурной коммуникации. Результаты исследования выявляют

специфические потребности вьетнамских студентов, которые требуют серьезного теоретического изучения и сравнения с существующими научными подходами. Результаты оценки 10 критериев содержания (С1–С10) (см. табл.) приведены на рис. 1.

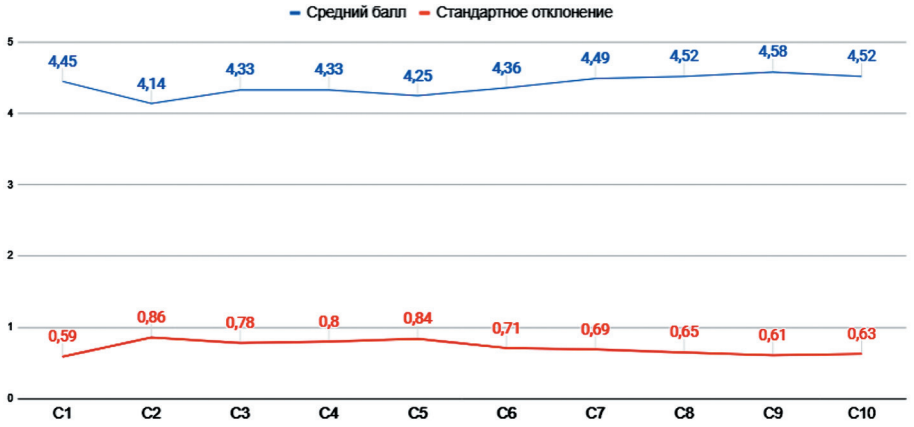

Рис. 1. Результаты опроса относительно важности критериев, связанных с содержанием видеолекций

Источник: составлено Т.Х.В. Нгуен, Ф.Х.Т. Лиеу.

Figure 1. Survey results on the importance of criteria related to the content of video lectures

Source: compiled by C.H.V. Nguyen, P.H.T. Lieu.

Распределение оценок студентов по 16 критериям технического дизайна (Д11–Д26) отражено на рис. 2.

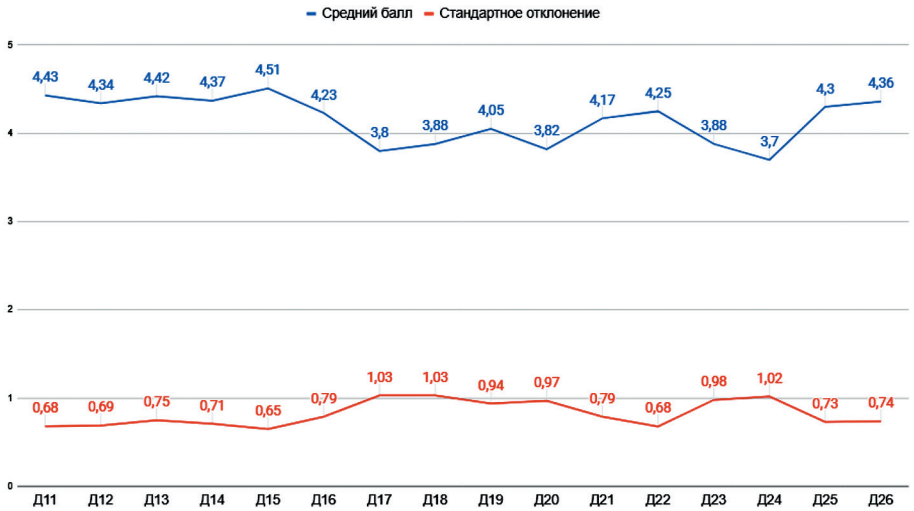

Рис. 2. Результаты опроса относительно важности критериев, связанных с техническим дизайном видеолекций

Источник: составлено Т.Х.В. Нгуен, Ф.Х.Т. Лиеу.

Figure 2. Survey results on the importance of criteria related to the technical design of video lectures

Source: compiled by C.H.V. Nguyen, P.H.T. Lieu.

Приоритет структуры и управление когнитивной нагрузкой

Фундаментальным результатом исследования, определяющим концептуальный подход к проектированию видеоматериалов по обучению русскому языку, стало выявление безусловного доминирования содержательно-структурных параметров над техническими аспектами. Тот факт, что критерий «Структурированность подачи материала» получил наивысшую оценку респондентов (СБ = 4,58), не может быть объяснен исключительно как предпочтение конкретного стиля преподавания. Это явление имеет глубокие психолингвистические корни и находит свое объяснение в теории когнитивной нагрузки (Sweller, 1988), согласно которой четкая логика изложения лексико-грамматических систем русского языка в видеолекциях критически важна для их эффективного усвоения вьетнамскими учащимися. Вьетнамский язык, относящийся к изолирующим, тональным и аналитическим языкам, принципиально отличается от флективного русского языка с его сложной системой падежей, категорий рода, а также видовременных форм. Данное лингвистическое противоречие создает значительную внутреннюю когнитивную нагрузку для студентов в процессе освоения русской грамматики. В условиях самостоятельного просмотра видеолекций по РКИ, когда отсутствует возможность сразу задать вопрос преподавателю, любая нечеткость в организации видеоконтента, отсутствие логических переходов или хаотичность представления русскоязычного материала создают постороннюю когнитивную нагрузку, которая перегружает рабочую память и препятствует полноценному усвоению новых лингвистических знаний и речевых навыков.

Качественный анализ интервью подтвердил, что студенты рассматривают четкую рубрикацию, наличие плана лекции и навигационных маркеров на русском языке не как эстетический элемент, а как необходимый когнитивный инструмент. Возможность многократного просмотра и самостоятельного регулирования темпа обучения, которую предоставляет структурированное видео, позволяет студентам компенсировать отсутствие русской языковой интуиции аналитическим подходом к изучению грамматических структур. Данное наблюдение полностью соответствует принципу сигнализации (Mayer, 2009) и подтверждает выводы исследования В. Чжана и Л.Е. Весниной (Чжан, Веснина, 2022), В.С. Голубевой (Golubeva, 2023), согласно которым внимание обучающегося должно быть сосредоточено на ключевых элементах языкового материала, что позволяет предотвратить когнитивную перегрузку при восприятии русскоязычной речи. В контексте вьетнамской образовательной культуры, где традиционно ценится системность и логическая последовательности изложения знаний, четкая структурированность учебных видеолекций по РКИ становится гарантом психологического комфорта обучающегося и формирования его доверия к цифровому учебному ресурсу.

Стратегия языковой поддержки и роль родного языка

Один из наиболее дискуссионных и значимых аспектов исследования — выявленный высокий запрос студентов на использование родного (вьетнамского) языка в видеолекциях по русскому языку, что подтверждается

высоким средним баллом по соответствующему критерию (СБ = 4,52). Данный результат вступает в полемику с традиционными установками прямого метода, долгое время доминировавшего в методике преподавания РКИ. Однако в специфическом контексте модели ПК подход с опорой на родной язык представляется не только допустимым, но и методически необходимым условием реализации стратегии «скаффолдинга» в процессе освоения РКИ. Следует учитывать, что видео в данной модели предназначены для предварительного, автономного изучения теоретического материала русского языка вне аудитории. В этих условиях отсутствие преподавателя-посредника, способного перефразировать или пояснить сложный лингвистический термин, может вызывать у студентов, особенно на начальных этапах изучения русского языка, состояние высокой языковой тревожности.

Использование вьетнамского языка в качестве метаязыка-опоры (в виде субтитров, глоссария или кратких пояснений к видеоурокам) соответствует теории зоны ближайшего развития (Выготский, 1983). В данном контексте родной язык рассматривается как инструмент, который позволяет студенту преодолеть разрыв между его текущим уровнем владения русским языком и сложностью нового грамматического материала. Кроме того, данные результаты согласуются с гипотезой входного материала и теорией аффективного фильтра (Krashen, 1985): понимание учебного контента снижает уровень стресса, что делает русскоязычный материал доступным для эффективного усвоения. Это находит подтверждение в работах исследователей модели ПК (Вульфович, 2017; Воробьев, Мурзаева, 2018; Цепов, 2019; Golubeva, 2023), умеренное использование родного языка не замедляет развитие коммуникативной компетенции, а, напротив, обеспечивает точность понимания абстрактных категорий русской грамматики, что имеет критическое значение для студентов-филологов, изучающих русский язык специальности. Таким образом, исследование обосновывает необходимость перехода от строгого одноязычия к гибкому билингвальному подходу при проектировании асинхронного видеоконтента для преподавания РКИ во внеязыковой среде.

Визуальный дизайн и лингводидактическая адаптация видеоконтента

Проектирование визуального ряда видеолекций по русскому языку основывается на принципе когерентности (Mayer, 2009), согласно которому статичные способы наглядности выступают в роли необходимых когнитивных фильтров. Использование жирного шрифта, таблиц и графических схем способствует эффективной дешифровке сложного русского языкового материала, минимизируя влияние отвлекающих факторов и концентрируя внимание обучающихся на ключевой лингвистической информации. В контексте модели ПК такая организация контента заменяет непосредственные указания преподавателя, выполняя функцию навигатора в процессе автономного освоения знаний языка.

Особое внимание в контексте визуального дизайна видеолекций следует уделить лингвистической специфике русского языка как объекта изучения. Выявленное предпочтение студентов в пользу статической наглядности и цветового кодирования (Д15) обусловлено необходимостью преодоления значительной типологической дистанции между изолирующим вьетнамским и флективным русским языками. Цветовое выделение окончаний, суффиксов и приставок позволяет визуально структурировать морфологические показатели в учебных материалах, что критически важно для понимания падежной системы и видовременных форм глагола в условиях отсутствия непосредственного контакта с преподавателем в процессе изучения РКИ.

Лингвистическая доступность контента в условиях внеязыковой среды обеспечивается за счет рационального сочетания целевого языка и метаязыка-опоры. Чисто монолингвальный формат видеолекций по русскому языку (Д24) создает избыточную когнитивную нагрузку, затрудняя восприятие и понимание русской речи. Использование родного языка в сочетании с адаптированным темпом речи (Д11) реализует стратегию «скаффолдинга», обеспечивая точную семантизацию абстрактных категорий грамматики РКИ. Данный подход позволяет минимизировать риск возникновения языковой тревожности при изучении РКИ и формирует надежную базу для перехода к активной речевой коммуникации на аудиторных занятиях.

Сделанный вывод согласуется с результатами предыдущих исследований (Стрельчук, 2021; Филиппова, Арискина, 2022), которые подчеркивают значимость формирования культуры потребления цифрового контента при изучении русского языка. Для вьетнамского студента визуальный ряд видеоуроков играет роль опорного конспекта по грамматике. Цветовое кодирование (например, выделение окончаний, суффиксов или предлогов в системе падежей) помогает визуализировать внутриязыковые связи, что особенно актуально для носителей изолирующего языка, где грамматические значения выражаются по-другому. Следовательно, дизайн видеолекций по РКИ должен быть функциональным и минималистичным, подчиненным дидактической задаче, а не стремлению к внешней эффектности.

Интересным наблюдением, требующим отдельного обсуждения, является предпочтение студентами учебных видеоматериалов по русскому языку длительностью от 15 до 30 минут. Этот результат несколько расходится с глобальным трендом на формат микрообучения, с помощью которого вместо длительных лекций учебный контент разделяется на небольшие тематические ролики. Более того, данный результат также подтверждает эффективность коротких видеофрагментов до 6 минут, что описано в работах Guo и коллег (Guo, Kim, Rubin, 2014). Выявленное расхождение можно объяснить спецификой вьетнамской образовательной культуры, которая традиционно ориентирована на фундаментальность, усидчивость и подробное изложение материала. Кроме того, сама специфика предмета — теоретической грамматики русского языка — часто не позволяет фрагментировать сложные темы для изучения языка (например, систему видовременных форм глагола или синтак-

сис сложного предложения) на трехминутные клипы без потери целостности и логической связности. Такой подход к структурированию языкового контента обусловлен необходимостью сохранения методической системности при изучении сложных лингвистических категорий в рамках курса РКИ.

Тем не менее, с методической точки зрения, перспектива дробления языкового материала остается актуальной. Как показывают современные исследования Чжана и Весниной; и Голубевой (Чжан, Веснина, 2022; Golubeva, 2023), сегментация видео на смысловые блоки с промежуточными вопросами на русском языке способствует лучшему удержанию внимания. Поэтому оптимальной стратегией для вьетнамской аудитории представляется создание видеолекций по русскому языку средней продолжительности (15–30 минут), но с четкой внутренней модульной структурой, позволяющей студенту делать паузы и осмысливать лингвистическую информацию порционно.

Учебная автономия и вызов дефицита интерактивности

Качественный анализ интервью позволил выявить динамику развития учебной автономии в зависимости от этапа обучения. Если студенты первого курса ценят учебные видеоматериалы на русском языке прежде всего за возможность повторного просмотра для устранения пробелов в понимании, то студенты старших курсов акцентируют внимание на темпоральной гибкости и возможности индивидуализировать образовательную траекторию освоения русского языка. Эти данные согласуются с результатами предыдущих исследований (Золотых, Цю, 2018; Чжан, Веснина, 2022), подтверждая, что видеолекции способствуют постепенной трансформации студента из пассивного объекта обучения в активного субъекта образовательного процесса, способного нести ответственность за результаты своей учебной деятельности.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, исследование вскрыло существенный вызов, с которым сталкиваются студенты при работе в модели ПК, — дефицит синхронного взаимодействия, это подтверждает Е.Н. Стрельчук (Стрельчук, 2021). Следовательно, видеоуроки должны быть жестко интегрированы с очным этапом, посвященным активной коммуникации. Респонденты всех групп отметили чувство изоляции и нехватки эмоционального контакта с преподавателем на этапе самостоятельной работы с русскоязычным материалом. Это подтверждает тезис о незаменимости живого общения и естественной языковой среды, высказанный в работе Means и коллег (Means et al., 2013). Данный факт подчеркивает, что видеолекция по русскому языку, какой бы качественной она ни была, не является самодостаточным элементом обучения. Ее эффективность напрямую зависит от того, насколько грамотно она интегрирована с очным этапом. Очное занятие в модели ПК должно быть полностью посвящено активной коммуникативной практике на изучаемом языке, дискуссиям и решению проблемных задач, чтобы компенсировать дефицит общения, возникший на этапе индивидуальной работы с видео в рамках курса РКИ.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что эффективность модели ПК в обучении РКИ напрямую зависит от качества проектирования видеолекций по русскому языку. Доказана приоритетность дидактических параметров над техническими: видеоконтент должен обладать четкой структурой и соответствовать когнитивным и языковым особенностям вьетнамских учащихся, изучающих РКИ. Выявленные критерии, включая стратегии метаязыковой поддержки на родном языке, позволяют сбалансировать объем информации и доступность ее восприятия, стимулируя развитие навыков самостоятельного анализа языковых единиц. Систематизированная совокупность критериев оптимизирует дистанционную поддержку обучения русскому языку в специализированных вузах. Видеоматериалы, разработанные с учетом данных требований, трансформируются из вспомогательного технического средства в полноценный инструмент формирования иноязычной коммуникативной компетенции и повышения учебной мотивации студентов во внеязыковой среде. Дальнейшее развитие данного исследования предполагает практическое внедрение разработанной системы критериев в процесс создания специализированных учебно-методических пособий и цифровых курсов по РКИ, адаптированных к образовательной среде Вьетнама. Кроме того, перспективным направлением является изучение возможностей интеграции в видеоуроки по русскому языку адаптивных технологий и инструментов искусственного интеллекта. Это позволит обеспечить персонализацию процесса обучения РКИ и повысить эффективность реализации модели ПК.

Также следует отметить, что в исследовании остаются определенные ограничения: во-первых, небольшая и недостаточно разнообразная численность респондентов, изучающих русский язык на разных уровнях владения (от А1 до С1); во-вторых, исследование не включало анализ взглядов преподавателей и руководителей, играющих ключевых роль в разработке лингводидактических учебных материалов и организации образовательного процесса по РКИ; в-третьих, исследование проводилось в ограниченный временной период без мониторинга долгосрочного влияния видеолекций на русском языке на результаты обучения и учебную мотивацию студентов.

Список литературы

Воробьев А.Е., Мурзаева А.К. Анализ особенностей применения технологии «Перевернутого обучения» в экономических вузах // Открытое образование. 2018. Т. 22. № 2. С. 4–13. http://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-4-13 EDN: YXOPKS

Вульфович Е.В. Организация самостоятельной работы по иностранному языку на основе модели «перевернутый класс» // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 88–95. EDN: YKOSZD

Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3. Проблемы развития психики. М. : Педагогика, 1983. 368 с.

Золотых Л.Г., Цю С. «Перевернутый класс» как новый метод преподавания русского языка в практике китайских вузов: опыт Сычуаньского университета // Русистика. 2018. Т. 16. № 4. С. 451–463. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2018-16-4-451-463 EDN: YTGQKD

Левина И.Л. Визуализация учебного материала как средство повышения качества обучения // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 5. С. 24–36. http://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-5-24-36 EDN: QQEXRZ

Манько Н.Н. Когнитивная визуализация дидактических объектов в активизации учебной деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2 (62). С. 22–28. EDN: KXQYYR

Нечкина М.В. Повысить эффективность урока // Коммунист. 1984. № 2. С. 51.

Овчинникова К.Р. Роль информационных технологий в представлении предметной информации в вузе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2015. № 3. С. 36–44. EDN: UMHHDP

Стрельчук Е.Н. Перспективы онлайн-обучения русскому языку как иностранному в вузах РФ // Русистика. 2021. Т. 19. № 1. С. 102–115. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115 EDN: ZWEDVP

Тихонова И.В., Иванов И.И., Омарова П.Г. Реализация принципа визуализации в процессе обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-1. С. 307–309. EDN: YAUKFV

Филиппова О.В., Арискина О.Л. Культура речи в цифровую эпоху: модель интеграции открытого онлайн-курса в образовательное пространство // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 360–376. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-360-376 EDN: AJCXHF

Цепов А.Л. «Перевернутый» класс // Смоленский медицинский альманах. 2019. № 3. С. 175–184. EDN: WATIAZ

Чжан В., Веснина Л.Е. Модель смешанного обучения русской грамматике в китайском вузе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 149–160. https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-15 EDN: ARGIUJ

Шаталов В.Ф. Точка опоры. М. : Педагогика, 1987. 160 с.

Bergmann J., Sams A. Flip your classroom: reach every student in every class every day. Eugene, OR : International Society for Technology in Education, 2012. 112 p.

Golubeva V.S. The use of video materials in online classes of English for specific purposes // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2023. Т. 20. № 4. С. 423–430. http://doi.org/10.22363/2312-8631-2023-20-4-423-430 EDN: CWWKCO

Gromoglasova T.I., Kovaleva M.I., Koshkina Zh.V., Huffman L. The flipped classroom in the context of digitization of educational space: a students' perspective // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 9. С. 1296–1309. http://doi.org/10.17516/1997-1370-0929 EDN: VWQYBE

Guo P.J., Kim J., Rubin R. How video production affects student engagement: An empirical study of MOOC videos // Proceedings of the First ACM Conference on Learning @ Scale Conference. 2014. Pp. 41–50. http://doi.org/10.1145/2556325.2566239

Krashen S.D. The input hypothesis: issues and implications. London : Longman, 1985. 120 p.

Lage M.J., Platt G.J., Treglia M. Inverting the classroom: a gateway to creating an inclusive learning environment // The Journal of Economic Education. 2000. Vol. 31. № 1. Pp. 30–43. https://doi.org/10.1080/00220480009596759

Mayer R.E. Multimedia learning. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. http://doi.org/10.1017/CBO9780511811678

Mayer R.E., Fiorella L., Stull A. Five ways to increase the effectiveness of instructional video // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68. № 3. Pp. 837–852. https://doi.org/10.1007/s11423-020-09749-6 EDN: MXKLCQ

Means B., Toyama Y., Murphy R., Bakia M., Jones K. Evaluation of evidence-based practices in online learning: a meta-analysis and review of online learning studies. Washington, DC : U.S. Department of Education. 2013. 94 p.

Sweller J. Cognitive load during problem solving: effects on learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12. № 2. Pp. 257–285. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4

Сведения об авторах:

Нгуен Ву Хыонг Ти, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии, Институт социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет города Хошимина, Вьетнам, 70000, Хошимин, ул. Динь Тиен Хоанг, д. 10–12. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, сопоставительная лингвистика, социолингвистика, морфология русского языка, лингвокультурология. ORCID: 0009-0001-9413-4442. SPIN-код: 5864-3670. E-mail: huongchinv@hcmussh.edu.vn

Лиеу Тхи Хонг Фук, кандидат филологических наук, кафедра русской филологии, Институт социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет города Хошимина, Вьетнам, 70000, Хошимин, ул. Динь Тиен Хоанг, д. 10–12. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, лингвокультурология, переводоведение. ORCID: 0009-0004-2898-2082. SPIN-код: 2433-7811. E-mail: lieuphuc114@hcmussh.edu.vn

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-262-277
EDN: QIXEKQ

Research article

Linguodidactic criteria for developing video lectures in Russian as a foreign language: flipped classroom model for Vietnamese students

Chi H.V. Nguyen ✉, Phuc H.T. Lieu

University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University of Ho Chi Minh City, *Ho Chi Minh City, Vietnam*
✉huongchinv@hcmussh.edu.vn

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to develop evidence-based recommendations for designing video content tailored to the cognitive characteristics of Vietnamese students learning the Russian language. In the absence of natural communication, video lectures within the "flipped classroom" model become a key tool for compensating for the lack of a Russian-speaking environment. The aim of the study is to systematize linguodidactic criteria that take into account national-oriented challenges and students' cognitive strategies to optimize their autonomous work in learning Russian as a foreign language. The research material consisted of structured video lessons based on the principles and requirements of the "flipped classroom" model. The methods employed included a theoretical literature analysis, student surveys (n = 83), interviews (n = 6), and content analysis. The study was conducted at the University of Social Sciences and Humanities (Ho Chi Minh City, Vietnam). The results established that the methodological value of the content takes priority over its technical features and revealed the high significance of logical material structuring and the use of the native language as a supporting meta language to implement the "scaffolding" strategy. Students' preference for static visualization and color coding in Russian video lectures was identified, and the optimal video duration (15–30 minutes) was specified. The research prospects include implementation of this criteria system into the practice of creating video lectures in the Russian language for a Vietnamese audience. The integration of adaptive technologies and artificial

intelligence will allow for the personalization of Russian language teaching and increase the effectiveness of the "flipped classroom" model in the modern educational context.

Keywords: flipped learning, linguo-methodological principles, RFL, educational video lecture, Vietnamese audience, extralinguistic environment, digital linguodidactics

Contribution of the authors: C.H.V. Nguyen developed the general concept of the article, analyzed scientific and educational literature on the research topic, and wrote the manuscript; P.H.T. Lieu developed the research methodology, collected and analyzed data, and wrote the manuscript.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 23.09.2025; accepted 11.12.2025.

For citation: Nguyen, C. H.V., & Lieu, P. H.T. (2025). Linguodidactic criteria for developing video lectures in Russian as a foreign language: Flipped classroom model for Vietnamese students. *Russian Language Studies*, *24*(2), 262–277. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-262-277 EDN: QIXEKQ

References

Bergmann, J., & Sams, A. (2012). *Flip your classroom: Reach every student in every class every day*. Eugene, OR: International Society for Technology in Education.

Filippova, O. V., & Ariskina, O. L. (2022). Speech culture in the digital age: A model of integrating an open online course into the educational space. *Russian Language Studies*, *20*(3), 360–376. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-360-376 EDN: AJCXHF

Golubeva, V. S. (2023). The use of video materials in online classes of English for specific purposes. *RUDN Journal of Informatization in Education*, *20*(4), 423–430. http://doi.org/10.22363/2312-8631-2023-20-4-423-430

Gromoglasova, T. I., Kovaleva, M. I., Koshkina, Z. V., & Huffman, L. (2022). The flipped classroom in the context of digitization of educational space: A students' perspective. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, *15*(9), 1296–1309. http://doi.org/10.17516/1997-1370-0929 EDN: VWQYBE

Guo, P. J., Kim, J., & Rubin, R. (2014). How video production affects student engagement: An empirical study of MOOC videos. In *Proceedings of the First ACM Conference on Learning @ Scale Conference* (pp. 41–50). http://doi.org/10.1145/2556325.2566239 EDN: CWWKCO

Krashen, S. D. (1985). *The input hypothesis: Issues and implications*. London: Longman.

Lage, M. J., Platt, G. J., & Treglia, M. (2000). Inverting the classroom: A gateway to creating an inclusive learning environment. *The Journal of Economic Education*, *31*(1), 30–43. https://doi.org/10.1080/00220480009596759

Levina, I. L. (2021). Visualization of educational material as a means of improving the quality of education. *Russian Journal of Education and Psychology*, *12*(5), 24–36. (In Russ.). http://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-5-24-36 EDN: QQEXRZ

Manko, N. N. (2009). Cognitive visualization of didactic objects in stirring up educational activitiy. *Izvestiya of Altai State University*, (2), 22–28. (In Russ.). EDN: KXQYYR

Mayer, R. E. (2009). *Multimedia learning* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. http://doi.org/10.1017/CBO9780511811678 EDN: MXKLCQ

Mayer, R. E., Fiorella, L., & Stull, A. (2020). Five ways to increase the effectiveness of instructional video. *Educational Technology Research and Development*, *68*(3), 837–852. https://doi.org/10.1007/s11423-020-09749-6

Means, B., Toyama, Y., Murphy, R., Bakia, M., & Jones, K. (2013). *Evaluation of evidence-based practices in online learning: A meta-analysis and review of online learning studies*. Washington, DC: U.S. Department of Education.

Nechkina, M. V. (1984). Increasing the effectiveness of a lesson. *Kommunist*, (2), 51. (In Russ.).
Ovchinnikova, K. R. (2015). Role of information technology in the representation of subject information in higher school. *RUDN Journal of Informatization in Education*, (3), 36–44. (In Russ.). EDN: UMHHDP
Shatalov, V. F. (1987). *Point of support*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
Strelchuk, E. N. (2021). Prospects of Russian as a foreign language online learning in Russian universities. *Russian Language Studies*, *19*(1), 102–115. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115 EDN: ZWEDVP
Sweller, J. (1988). Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science*, *12*(2), 257–285. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4
Tikhonova, I. V., Ivanov, I. I., & Omarova, P. G. (2018). Realization of the principle of visualization in training process. *Problems of Modern Pedagogical Education*, (60-1), 307–309. (In Russ.). EDN: YAUKFV
Tsepov, A. L. (2019). "Flipped" classroom. *Smolensk Medical Almanac*, (3), 175–184. (In Russ.). EDN: WATIAZ
Vorob'ev, A. E., & Murzaeva, A. K. (2018). Technology "The turned training" in economic universities. *Open Education*, *22*(2), 4–13. (In Russ.). http://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-4-13 EDN: YXOPKS
Vulfovich, E. V. (2017). "Flipped Classroom" for organization of EFL students-independent work. *Higher Education in Russia*, (4), 88–95. (In Russ.). EDN: YKOSZD
Vygotsky, L. S. (1983). *Collected works: Vol. 3. Problems of the development of the mind*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
Zhang, W., & Vesnina, L. E. (2022). A model of blended learning of Russian grammar in the Chinese university. *Philological Class*, *27*(2), 149–160. (In Russ.). https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-15 EDN: ARGIUJ
Zolotykh, L. G., & Qiu, S. (2018). "Flipped classroom" as a new method of teaching Russian in Chinese universities: Sichuan university experience. *Russian Language Studies*, *16*(4), 451–463. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2018-16-4-451-463 EDN: YTGQKD

Bio notes:

Chi H.V. Nguyen, PhD in Philology, Head of the Russian Philology Department, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University of Ho Chi Minh City, 10–12 Dinh Tien Hoang, Sai Gon Ward, Ho Chi Minh City, 70000, Vietnam. *Research interests:* methods of teaching Russian as a foreign language (RFL), comparative linguistics, sociolinguistics, Russian morphology, and cultural linguistics. ORCID: 0009-0001-9413-4442. SPIN-code: 5864-3670. E-mail: huongchinv@hcmussh.edu.vn

Phuc H.T. Lieu, PhD in Philology, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University of Ho Chi Minh City, 10–12 Dinh Tien Hoang, Sai Gon Ward, Ho Chi Minh City, 70000, Vietnam. *Research interests:* methods of teaching Russian as a foreign language (RFL), cultural linguistics, translation studies. ORCID: 0009-0004-2898-2082. SPIN-code: 2433-7811. E-mail: lieuphuc114@hcmussh.edu.vn

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 278–296
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-278-296
EDN: QKRRUE

Научная статья

Особенности микроструктуры письменных нарративов китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный

Е.В. Галкина[1], С.В. Краснощекова[2]

[1]Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, *г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
[2]Институт лингвистических исследований Российской академии наук, *г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*
krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Аннотация. Исследована микроструктурная нарративная русскоязычная компетенция носителей китайского, изучающих русский язык вне языковой среды. Актуальность исследования определяется необходимостью глубокого анализа механизмов формирования письменной речи на неродном языке и выявления специфических трудностей, характерных для письменной продукции китайских студентов. Цель исследования — определить ключевые особенности микроструктуры письменных нарративов китайских студентов и классифицировать типичные отклонения от русского речевого стандарта, а также выявить системные связи между микроструктурными характеристиками и ошибками разных типов. Материалом послужили 60 нарративов, созданных китайскими студентами в рамках экспериментального задания с использованием инструмента MAIN. Применялись методы количественного и качественного анализа, включая разметку микроструктурных показателей, классификацию ошибок, статистическую обработку данных и корреляционный анализ. Основные результаты показали, что длина текста не связана с числом ошибок, тогда как низкое разнообразие лексикона коррелирует с их высокой частотностью. Установлено, что центральной проблемной зоной является морфология: наиболее частотны «замороженные» начальные и косвенные формы, ошибки в категориях вида, падежа и рода. Представлены графические ошибки, связанные с неразличением парных согласных и несформированностью графического облика слова. Лексические трудности сопряжены с употреблением глаголов движения. Корреляционный анализ выявил устойчивые кластеры ошибок, отражающие разные степени освоенности системы второго языка. Письменная речь китайских студентов вне языковой среды характеризуется специфическим набором трудностей, отличающим их от других групп, изучающих русский язык как иностранный. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации методик обучения, включая работу с парадигмами, видами глаголов и глаголами движения.

Ключевые слова: освоение второго языка, микроструктура нарратива, языковые ошибки, промежуточная языковая система, письменная речь

© Галкина Е.В., Краснощекова С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов: *Е.В. Галкина* — обработка, количественный и качественный анализ материала, написание текста; *С.В. Краснощекова* — качественный и статистический анализ материала, подготовка теоретической части работы, написание текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы благодарят Ван Илин, преподавателя русского языка Центра русского языка Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай), за помощь в организации и проведении эксперимента по сбору нарративов.

История статьи: поступила в редакцию 16.12.2025; принята к печати 18.02.2026.

Для цитирования: *Галкина Е.В., Краснощекова С.В.* Особенности микроструктуры письменных нарративов китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 278–296. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-278-296 EDN: QKRRUE

Введение

Для того, чтобы успешно создавать письменные тексты, неносителю необходимо не только освоить графическую и орфографическую систему, но и составить понятие о коммуникативных и прагматических особенностях изучаемого языка, т.е. ориентироваться в жанрах, типах и стилях речи (Schoonen et al., 2011). Беглость процесса письменной речи, проявляющаяся в наличии пауз при создании текста и возвращении к написанному, только отчасти коррелирует с общим уровнем владения языком (Palviainen, Kalaja, Mäntylä, 2012). На продвинутом уровне владения языком затруднения в создании письменного текста могут быть обусловлены ограничениями рабочей памяти: больший объем памяти коррелирует с разнообразием используемого лексикона (Lu, 2015; Vasylets, Marín, 2021).

Нарративная компетенция, или способность создавать связный и цельный текст с определенным сюжетом (нарратив) (Berman, 1988), рассматривается как одна из составляющих языковой и коммуникативной компетенции и сопрягается с процессами говорения и письма. Нарратив позволяет оценивать уровень владения языком в комплексе, так как создание связного текста требует от говорящего / пишущего интеграции различных языковых (грамматических, лексических, дискурсивных, прагматических) и когнитивных навыков (Berman, Verhoeven, 2002). Нарративная компетенция у детей и взрослых развивается по-разному, так как необходимые когнитивные и дискурсивные структуры у взрослого уже сформированы, тогда как дети продолжают одновременно осваивать и язык, и повествовательную связность как одну из форм мышления (Strömqvist, Day, 1993).

«Мультиязычный тест для определения нарративных навыков» (MAIN) (Gagarina et al., 2015; 2019), первоначально разработанный для оценки детского билингвизма, успешно применяется для анализа языковой компетенции взрослых, включая монолингвов и изучающих иностранный язык (De Cat, 2022; Lindgren, Tselekidou, Gagarina, 2023). Тест позволяет проследить особенности как макроструктуры, так и микроструктуры нарративов. К характеристикам макроструктуры относят связность, полноту, логичность и другие

свойства текста как целого. Микроструктура включает длину и сложность текста, а также его лексико-грамматические особенности, в т.ч. наличие и характер ошибок и переключения кодов. Основная сложность при освоении нарративной компетенции на втором языке обычно лежит именно в области микроструктуры: так, на лексическом и грамматическом уровнях проявляется интерференция родного языка и находят отражение стратегии, типичные для неносителей (Dosi, Douka, 2021; Antonijevic et al., 2022; Dorbert, 2025). Значимых отличий в макроструктуре нарративов, созданных взрослыми на неродном и родном языках, обычно не фиксируется, хотя отмечается, что низкий уровень владения языком вызывает затруднения при порождении текста по структурно сложному сюжету (Sánchez, Sunesson, 2023).

Нарративная форма повествования активно применяется в образовательном процессе как инструмент обучения (Ghafar, 2024; Лю, 2025) и оценки языковых знаний студентов (Kang, 2005; Sandlund, 2022; De Wilde, De Clercq, 2025). Задания, связанные с созданием собственной истории, повышают интерес студентов и мотивируют к продуктивной языковой деятельности.

Вопросы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному (РКИ), в т.ч. в рамках национально-ориентированного подхода, являются предметом активного изучения (Волкова, Орлова, 2012; Антонова, 2022; Брем, Дубровская, 2025). Существует значительное число работ методической направленности, посвященных анализу и классификации ошибок в русской речи китайских студентов, в т.ч. (Корчик, 2010; Крапивник, 2020; Соколова, 2020; Гасконь, 2016).

При этом изучение письменной русскоязычной речи китайцев обычно проводится на базе учебных заданий (диктантов, эссе), не связанных с созданием сюжетного нарратива. В научной литературе отмечаются типичные ошибки, характерные для таких письменных текстов. Так, на графическом уровне указывается на затруднения, «связанные с дифференциацией глухих и звонких согласных», [р] и [л], пропуск гласных в середине слова, «целого слога в слове» и конечных букв, нарушение последовательности графем в слове, интерференцию латинской графики (Плаксина, 2024). На морфологическом уровне обращается внимание на ошибки в грамматических категориях, отсутствующих в китайском языке, таких как род, число, падеж, в т.ч. нарушения согласования по роду и падежного управления (Беляева, 2004; Злобина, Сорокина, 2018; Ян, 2023: 133–134). Отдельно фиксируются ошибки, связанные с грамматикой глагола: «употребление инфинитива вместо необходимых форм на промежуточном этапе; несоответствие спряжений глаголов с лицом подлежащего; трудности употребления несовершенного и совершенного видов глаголов» (Чжэн, 2023: 116). Типичными признаются ошибки образования форм в парадигме при склонении и спряжении. На синтаксическом уровне отмечаются пропуски слов и фрагментарность фраз, на уровне связности — сложности при использовании предлогов и местоимений. «Лексические ошибки связаны прежде всего с ограниченным словарным запасом. Некоторая часть ошибок связана с некорректным употреблением слова из-за незна-

ния его лексического значения» (Москвина, 2024). Также лексические ошибки связывают с трудностью различением единиц внутри лексико-семантической группы и нарушением лексической сочетаемости. Кроме того, отмечается слабое разнообразие средств связности, вызванное недооценкой их роли при преподавании РКИ: «обучение основам когерентности и когезии страдает из-за отсутствия четкого планирования, из-за чего нарушается последовательность и систематичность презентации теории связности текста и практики в употреблении средств когезии» (Ли, 2016: 105).

Цель исследования — систематическое представление особенностей письменного сюжетного русскоязычного нарратива носителей китайского языка, изучающих русский язык на ранних этапах обучения.

Мы предполагаем существование специфических отклонений от нормы русского языка у студентов, обучающихся вне языковой среды, а также наличие корреляций между ошибками разных групп, заключающихся в том, что ошибки определенных типов с большей вероятностью будут сопутствовать друг другу в одном речевом фрагменте, чем другие.

Методы и материалы

Материал исследования составили 60 русскоязычных текстов, написанных студентами неязыковых направлений университета МГУ-ППИ (г. Шэньчжэнь, Китай), изучающими русский язык как второй иностранный (уровень A1–A2) вне языковой среды. Нарративы собирались при помощи сюжетных рисунков, входящих в набор MAIN (Gagarina et al., 2015; 2019; Gagarina, Lindgren, 2020), которые демонстрировались на экране проектора. Эксперимент был замаскирован под учебное задание, в котором студентам предлагали описать происходящее на рисунке. Рукописные тексты расшифровали и разметили с учетом ошибок и микроструктурных характеристик, после чего провели их лингвистический анализ. Статистическая обработка результатов производилась в программе JASP с использованием критерия r Спирмана.

При анализе микроструктуры нарративов внимание уделялось следующим характеристикам: длина текста в предложениях, длина текста в словах, средняя длина предложения (MLU, число слов / число предложений), количество уникальных лемм и коэффициент лексического разнообразия (TTR: число лемм / число словоупотреблений: чем ближе коэффициент к единице, тем больше разнообразие) (табл. 1).

Таблица 1

Микроструктура нарративов китайских студентов

Характеристики	Среднее	Минимум	Максимум
Длина в словах	53	8	122
Длина в предложениях	10	2	21
Уникальных лемм	29	7	57
MLU	5	3,3	10,3
TTR	0,5	0,3	1

Источник: составлено Е.В. Галкиной, С.В. Краснощековой.

Table 1

Microstructural features of the narratives produced by Chinese students

Features	Mean	Minimum	Maximum
Length in words	53	8	122
Length in sentences	10	2	21
Unique lemmas	29	7	57
MLU	5	3.3	10.3
TTR	0.5	0.3	1

Source: compiled by E.V. Galkina, S.V. Krasnoshchekova.

Для сравнения привлечены результаты предыдущих исследований (Krasnoshchekova, Kashleva, 2019; Галкина, Краснощекова, Дунганова, 2025), а также данные литературы, посвященной письменной речи китайских студентов, изучающих РКИ (Беляева, 2004; Ли, 2016; Злобина, Сорокина, 2018; Ян, 2023; Чжэн, 2023; Москвина, 2024; Плаксина, 2024).

Результаты

Выявлено, что при создании нарратива центральное место по частотности и разнообразию занимают морфологические ошибки, т.е. именно морфологическая система представляется наиболее проблемной зоной в ситуации низкого уровня владения русским языком. Студенты активно используют стратегию симплификации — упрощения, использования наиболее простых единиц, — оперируя «замороженными» начальными и косвенными формами. Та или иная лексема уже освоена, но ее полная парадигма еще не сформирована, поэтому информант выбирает одну форму как универсальную для любого контекста. Наиболее трудной для студентов морфологической категорией оказывается глагольный вид, причем в абсолютном большинстве случаев наблюдается односторонняя замена граммем (НСВ вместо СВ).

Определено, что длина текста не является показателем уровня владения русским языком и не соотносится с большей или меньшей частотностью ошибок, тогда как разнообразие лексикона обнаруживает отрицательные корреляции с распространенностью некоторых типов отклонений («замороженные» формы, ошибки в категориях падежа и вида, употребление предлогов). При этом корреляция между длиной текста и разнообразием лексикона носит обратный характер: способность порождать относительно длинный нарратив не означает, что студент владеет расширенным лексическим запасом.

Обнаружены системные связи между ошибками различных групп. Типичные ошибки распределяются не случайно, а образуют корреляционные кластеры: так, трудности в области словоизменения коррелируют с отклонениями, происходящими от несформированности графического облика слова; ошибки в категории рода коррелируют с ошибками в категориях падежа и вида; лексические ошибки соотносятся с ошибками связности (неверный выбор полнозначного слова и неверный выбор или пропуск предлога). Несмотря на формально единый уровень владения русским языком, фактически на основе корреляционного анализа выделяется три подуровня с разной степенью сформированности языковых навыков.

В отличие от других групп информантов, изучающих РКИ, китайские студенты в нашем исследовании демонстрируют специфический набор трудностей. На уровне написания отмечается несформированность графического облика слов и неразличение парных согласных, на морфологическом — предпочтение «замороженных» форм, на лексическом — системные затруднения с выбором и употреблением глаголов движения. По сравнению со студентами, осваивающими русский язык в среде, менее выражена склонность к гиперкоррекции и более — системная неусвоенность морфологических принципов.

Обсуждение

В нарративах были зафиксированы следующие отклонения от нормы русского языка: ошибки написания (фонетические, графические и орфографические); морфологические, синтаксические, лексические ошибки, ошибки текстовой связности и переключение кодов. При анализе учитывалось общее число ошибок каждого типа, обнаруженное во всех текстах, и среднее число ошибок на текст в процентах от общего числа словоупотреблений, в формате «100 (3 %) = 100 ошибок во всех текстах и 3 % в среднем от общего числа словоупотреблений» (табл. 2).

Таблица 2

Типы ошибок в русскоязычных нарративах китайских студентов

Тип ошибок	Подтип ошибок	Количество ошибок
Написание	Всего	298 (9,4 %)
	Фонетические	92 (2,9 %)
	Графические	206 (6,5 %)
Морфология	Всего	510 (16 %)
	Основа	31 (1 %)
	«Замороженная» начальная форма	162 (5,1 %)
	«Замороженная» косвенная форма	70 (2,2 %)
	Род	56 (1,8 %)
	Падеж	56 (1,8 %)
	Число	19 (0,6 %)
	Одушевленность	15 (0,5 %)
	Вид	86 (2,7%)
	Другие глагольные категории	15 (0,5%)
Синтаксис	Всего	34 (1,1 %)
	Пропуск слова	27 (0,8 %)
	Незаконченная фраза	7 (0,2 %)
Лексика	Всего	105 (3,3 %)
	Выбор слова	95 (3 %)
	Окказионализм	10 (0,3 %)
Связность	Всего	92 (2,9 %)
	Предлог	74 (2,3 %)
	Союз	13 (0,4 %)
	Местоимение	5 (0,2 %)
Переключение кодов		20 (0,6 %)
Всего		1059 (33,2 %)

Источник: составлено Е.В. Галкиной, С.В. Краснощековой.

Table 2

Types of errors in the Russian-language narratives produced by Chinese students

Type of errors	Subtype of errors	Number of errors
Writing	Total	298 (9.4%)
	Phonetic	92 (2.9%)
	Graphic	206 (6.5%)
Morphology	Total	510 (16%)
	Stem	31 (1%)
	“Frozen” initial form	162 (5.1%)
	“Frozen” oblique form	70 (2.2%)
	Gender	56 (1.8%)
	Case	56 (1.8%)
	Number	19 (0.6%)
	Animacy	15 (0.5%)
	Aspect	86 (2.7%)
	Other verbal categories	15 (0.5%)
Syntax	Total	34 (1.1%)
	Word omission	27 (0.8%)
	Unfinished sentence	7 (0.2%)
Lexics	Total	105 (3.3%)
	Word choice	95 (3%)
	Occasionalism	10 (0.3%)
Cohesion	Total	92 (2.9%)
	Prepositions	74 (2.3%)
	Conjunctions	13 (0.4%)
	Pronouns	5 (0.2%)
Code switching		20 (0.6%)
Total		1059 (33.2%)

Source: compiled by E.V. Galkina, S.V. Krasnoshchekova.

Наиболее распространенные ошибки связаны с графическим обликом слова и словоизменением как таковым и обусловлены недоосвоенностью фонологического уровня языка и недостаточностью лексического запаса.

1. Ошибки написания выделялись в тех случаях, когда графический облик слова отличался от стандартного.

1.1. Фонетические ошибки (неверное написание отражает неточное произношение): (а) замена одной графемы на другую, что соответствует типичному для носителей китайского неразличению фонем русского языка в устной речи, в т.ч. смешение глухих и звонких согласных: *я увитела* (= увидела) *такую историю*, *кот был в барк* (= в парке); [р] и [л]: *кошка бежит с делева* (= дерева); *борьшая* (= большая) *птица*; (б) отражение индивидуальных особенностей произношения: *собашка*, *воскрасенье*, *завратак*, *полохо*.

1.2. Графические ошибки: (а) замена графемы на близкую по написанию: *плицы*, *пщицы*, *пжицы* (= птицы), *позбала* (= позвала), *жувут* (= живут), *стотрел* (= смотрел), *моть* (= мать); (б) немотивированная замена графемы на другую: *перево* (= дерево), *сопадо* (= собака); (в) замена кириллической графемы на фонетически соответствующую букву латинского алфавита: *сот* (= кот), (г) добавление элемента: *испугалаось* (= испугалась), *здесье* (= здесь),

прыигает (= прыгает); (д) перестановка: *очьне* (= очень), *прак* (= парк), *кто* (= кот); (е) пропуск элементов, в том числе в конце слова: *котрый*, *которы* (= который), *утом* (= утром); (ж) отсутствие пробела или лишний пробел: *иувиделтигра* (= и увидел тигра), *онибыли* (= они были), *с идела* (= сидела).

2. Морфологические ошибки.

2.1. «Сквозные» для грамматической системы в целом, не зависящие от конкретной части речи или категории.

2.1.1. «Замороженные» формы. Употребленная неадекватно форма считалась «замороженной», если в окружении грамматически верно не употреблялись другие формы того же слова: (а) «замороженные» начальные формы, в т.ч. И.п. существительного: *птицы были музыка на дерево* (= птицы пели на дереве), *кот таскил птица* (= кот утащил птицу), И.п., м.р., ед.ч. прилагательного: *Три птицы на один большой дерево* (= на одном большом дереве) <…> *Один собако* (= одна собака) *увидел этот*, инфинитив глагола: *мать птица летать*; (б) «замороженные» косвенные формы, в т.ч. немотивированные повторяющиеся формы какого-либо падежа и/или числа существительных: *Здесье три птичек* (= птички). *Здесье мама – птичек*; *Кошке дозжает* (=добегает) *до дерево. Кошке хосете естье* (= хочет съесть) *птичек*; *Он тащит кот из дома птицу* (= птиц). *Мама птицу* (= птица) *летит и смотрит*; наречия на -о на месте прилагательных: *Какая хорошо* (= хорошая) *и умныи собака!* Употребление «замороженных» форм обусловлено применением стратегии симплификации — одной из трех основных стратегий, наблюдаемых при освоении второго языка (Selinker, 1972): «симплификация находит свое проявление в упрощении языковых явлений, наблюдаемых в речевой продукции человека, осваивающего язык» (Цейтлин, 2015: 521).

2.1.2. Ошибки, связанные с основой слова: (а) смешение основ — супплетивных ед. и мн.ч. сущ: *ребенки* (= дети); наст. и прош. вр. глаголов: *хотил* (= хотел, ср. хотим), *учиют* (= учат, ср. учить, учил); супплетивных основ глаголов движения: *идтил* (= шел, ср. идти), *выитл* (= вышел, ср. выйти); (б) устранение чередования в основе: *таскил* (= тащил, ср. таскать); (в) неверное соотнесение основы с парадигмой, из которой выбиралось окончание: *с этом* (= этим) *котом*; *кот хотел играть с птицем* (= с птицей). Ошибки выбора основы и соотнесения основы и окончания обусловлены применением стратегии сверхгенерализации, при которой говорящий распространяет одно языковое правило на все явления одной группы, не учитывая различия подгрупп (склонений, разных типов основ и т.д.): «основной стратегией, используемой при освоении языка, является стратегия генерализации (обобщения) языковых явлений на основе неких интуитивно принятых за основание параметров» (Цейтлин, 2015: 519).

2.2. Ошибки в пределах конкретных морфологических категорий фиксировались в тех случаях, когда невозможно было объяснить неверное употребление формы ее «замороженным» статусом.

2.2.1. Ошибки в категории падежа: (а) неверный выбор падежной формы, имеющий грамматико-семантическое обоснование — смешиваются типичные

значения падежей, в т.ч. употребляется локатив вместо цели движения: *кошка начинала лезть на переве* (= на дерево), *они идти на дома* (= домой), объект как базовая косвенная форма вместо формы с конкретным значением: *он хотел играть с их, <…> хотел играть с ее* (= играть с ними, с ней), форма с широкой субъектно-посессивной семантикой вместо субъекта: *у собаки посторел* (= собака посмотрела) *этого кота на траве*; (б) неверный выбор формы, не мотивированный ни семантически, ни парадигматически: *А маленькая птичка всё ещё была на дерева* (= на дереве), *мамой птица* (мама-птица); (в) несогласование прилагательного и существительного по падежу, при котором существительному приписывается верный падеж, тогда как прилагательному — неверный: *большая птица и маленькую птица холошая*. Явление (б) названо нами «стратегией любой граммемы»: говорящим используется любая (первая возникшая в памяти) косвенная форма при необходимости заполнить позицию, требующую косвенного падежа.

2.2.2. Ошибки в категориях рода и числа: нарушения (а) согласования прилагательного с существительным: *маленый птичка нет лететь*; *Какой хорошо и интересеные воскросьные* (= интересное воскресенье); *одни кот* (= один кот — возможно, графическая ошибка: перестановка букв); *бальшая птицы*, (б) координации подлежащего и сказуемого: *птица-мама летал в небе*; *кот забралась на дерево и схватила птица*; *мама птичка вернулось*; *кошка хотят есть*; *маленькые птици тоже была рад*; (в) координации существительного и анафорического местоимения в одной фразе: *птичка и его* (= ее) *мама жувут вместе*; *кот смотрит Антон и Анна, он ходет играть с им* (= хочет играть с ними) и в соседних предложениях: *Кощку сбила большая птица. Он сбежал с собакой* (= она (кошка) сбежала от собаки). При согласовании с прилагательным и координации с местоимением обычно происходит замена ж.р. на м.р. При координации со сказуемым отмечаются как замены ж.р. на м.р. и наоборот, так и случаи использования форм ср.р. Использование неверной формы рода при словах *кот*, *кошка* может объясняться несоответствием рода выбранной лексемы и полом персонажа, который имеется в виду говорящим. Наиболее типичной ошибкой в категории числа является использование формы мн.ч. наст. вр. глагола при подлежащем ед.ч.: возможно, выбирается форма с более перцептивно выпуклым окончанием.

2.2.3. Ошибки в категории одушевленности. Одушевленный объект получает маркирование, характерное для неодушевленного, при этом невозможно констатировать использование «замороженной» начальной / косвенной формы, так как в соседнем контексте присутствуют другие формы данной лексемы: *Я увидел птицы* (= птиц) *на дереве. Большая птица летела. В парке был кот. Кот увидел птицу на дереве.*

2.2.4. Ошибки в категории вида. В абсолютном большинстве контекстов (а) форма СВ заменяется формой НСВ: *мама-птица начинал*; *потом собака смотрела плицы* (= посмотрела на птиц); *младшие птицы сказали с мамой.* В самостоятельную подгруппу выделяются (б) ошибки, связанные с видом глаголов движения: *кот увидел и шёл* (= пошел) *к дереву*; *мама летала* (= при-

летела), *собака бежала* (= прибежала, побежала) *и таскила* (= потащила) *кот*. Не зафиксировано случаев обратной замены — использования СВ вместо НСВ, что обусловлено более ранним освоением лексем НСВ студентами.

2.2.5. Ошибки в категориях времени и залога: (а) употребление формы буд. вр. СВ вместо прош. вр.: *Он йдет, когда мама узнала и воидёт дома* (= он пришел, когда мама узнала <об этом> и вошла домой); (б) замены формы без *-ся* на форму с *-ся*: *Антон и анна думаются* и наоборот: *возле дерева неожиданно появляет большая собака*; (в) использование финитной формы вместо инфинитива после основного глагола: *мама-птица хотила вылетила из дома*.

3. Лексические ошибки.

3.1. Смешение глаголов движения: (а) неверный выбор способа перемещения, обычно *ехать* вместо *идти* или *бежать*: *кот проехал из банк* (= убежал из парка), *мама птица подъехала* (= прилетела), реже — *идти*: *через 30 минут птица мама вошла* (= прилетела, влетела) *домой*; (б) неверный выбор приставки, обозначающей траекторию / направление: *кот дошел к птицу* (= подошел к птицам); *кот пошел на деревьях* (= ушел / убежал от деревьев); (в) смешение одно- и разнонаправленных глаголов: *собака таскала кот* (= потащила кота), *они бегали* (= побежали, убежали) *по земле*.

3.2. Смешение лексем внутри семантической группы: (а) глаголов *смотреть* и *видеть*: *мама птица смотрела кот* (= увидела кота); (б) близких по значению слов, низкочастотных для студентов данного уровня владения языком: *они были очен счастливы и живописно* (= красиво, музыкально) *пели*, *кощку сбила* (= ударила, атаковала) *большая птица*.

3.3. Окказиональные образования: *на дереве живет птищкая* (= птичья) *семья*; *два маленьких птичёнка*.

4. Синтаксические ошибки: пропуск какого-либо элемента предложения, в т.ч. (а) актанта: *кот тащит там* (= кот тащит там птицу); *собака увидела, она лезла на дерево* (= собака увидела это), (б) сказуемого: *собака ко коту* (= собака подбежала к коту) или его части: *собака стал кот* (= собака стала тащить кота); (в) окончания фразы: *кот проехал ез* (= выбежал из).

5. Ошибки связности: пропуск или замена / неверный выбор предлога, союза или местоимения.

5.1. Предлоги как пропускаются, так и смешиваются: (а) пропуск предлога *на* при глаголе *смотреть*, что, вероятно, обусловливается семантической ролью актанта (в стандартной ситуации объект при глаголе восприятия не требует предлога, ср. *видеть, слышать / слушать, чувствовать что-то*) или контаминацией с глаголом *видеть*: *собака смотрела кот и птицы*; (б) пропуск предлогов места и направления: *птица летала кот* (= к коту, на кота), *кот упал дерево* (= с дерева); (в) неверный выбор предлога, в большинстве ситуаций связанный со смешением внутри семантической группы, в т.ч. взаимные замены предлогов места и направления, характеризующих одушевленного участника и локацию: *у дерева* (= на дереве) *есть 3 птицы*, *мама птица улетела из дитя* (= от детей), внешнее и внутреннее положение относительно

локации: *собака идти на прак* (= в парк), *кот в дереве* (= на дереве), цель и источник движения: *мама улетела в деревьях* (= с дерева, от дерева); (г) добавление предлога при наречиях *дома*, *домой*: *птицы на дом* (= до́ма), *птичка с мамой в дома*.

5.2. Союзы пропускаются: (а) при вводе изъяснительного придаточного: *кот видел птичка мама улетела; я тоже не хочу злой (tiger) есть дети* (= чтобы злой тигр ел детей); (б) при соединении однородных членов: *птица заметила кота вернулась*. Примеров замены союзов не обнаружено.

5.3. Местоимения. Зафиксировано использование указательного *этот* вместо личного 3 л.: *Он встречает это собака, после собака играть с это* (= с ним).

6. Переключение кодов обнаружено в четырех текстах: в двух используются английские слова, в двух — китайские. Иноязычные вставки приводятся в скобках вместо незнакомых информантам русских слов: *три (birds) на (tree), чтобы один мама и два дети*. В одном из текстов в англоязычной вставке сочетается латиница и кириллица: *птицет happy на дереве.*

Таким образом, наиболее типичные ошибки в проанализированных текстах китайских студентов связаны с неразличением звуков русского языка, недостаточной сформированностью графического образа слова, использованием «замороженных» начальных форм, выбором НСВ вместо СВ и смешением глаголов движения.

Полученные результаты были сопоставлены с выводами, сделанными ранее на базе экспериментов на порождение нарративов с участием информантов-инофонов, изучающих русский язык в языковой среде (Krasnoshchekova, Kashleva, 2019), и взрослых билингвов (Галкина, Краснощекова, Дунганова, 2025). Как основные отличительные характеристики русскоязычных текстов в нашем исследовании выявлены: на графическом уровне — замена согласных в парах, несформированность облика слова и низкая склонность к гиперкоррекции; на морфологическом уровне — употребление «замороженных» форм; на лексическом уровне — смешение глаголов движения.

Для проверки предположения о том, что существуют корреляции между ошибками разных групп, т.е. некоторые типы ошибок с большей вероятностью кластеризуются в одном тексте, чем другие, проведен корреляционный анализ с использованием критерия ранговой корреляции r Спирмана для выборок без нормального распределения (программа JASP). Сравнивали (а) характеристики микроструктуры текста и количество ошибок разных типов, (б) количество ошибок в разных группах.

Анализ показал, что длина текста в словах положительно коррелирует с числом уникальных лемм ($r = 0{,}891$, $p < 0{,}001$) и отрицательно — с разнообразием лексикона ($r = –0{,}412$, $p = 0{,}001$). Чем длиннее текст, тем больше вероятность, что в нем будут повторяться слова; чем короче текст, тем больше вероятность, что все слова в нем будут использованы по одному разу. Единственный тип ошибок, с которым коррелирует длина текста, — ошибки в ка-

тегории вида (r = 0,316, p = 0,014). Это обусловлено тем, что в коротких текстах менее активно используются глаголы: следовательно, ниже вероятность совершить ошибку. Разнообразие лексикона отрицательно коррелирует с такими типами ошибок, как ошибки в категориях падежа (r = –0,366, p = 0,004) и вида (r = –0,264, p = 0,041), использование «замороженных» косвенных форм (r = –0,274, p = 0,034) и неверное употребление предлогов (r = –0,274, p = 0,034). Чем менее разнообразен лексикон в нарративе, тем больше вероятность употребления неверного падежа, вида или предлога. Не обнаружено корреляции с использованием «замороженных» начальных форм, т.е. начальные формы используются информантами вместо косвенных независимо от объема их лексического запаса.

Основная часть зафиксированных положительных корреляций между ошибками разных типов связывается с использованием «замороженных» форм. Так, употребление «замороженных» начальных и косвенных форм коррелирует между собой (r = 0,293, p = 0,023), а также с наличием ошибок написания — фонетических (r = 0,314, p = 0,015) и графических (r = 0,338, p = 0,008): чем хуже освоено словоизменение, тем хуже сформирован графический образ слова, и наоборот. Использование «замороженных» начальных форм также коррелирует с ошибками в выборе лексемы (r = 0,326, p = 0,011) и в употреблении предлогов (r = 0,396, p = 0,002): информанты, которые чаще выбирают неверное слово, чаще испытывают трудности со словоизменением как таковым.

На уровне морфологических категорий отмечаются корреляции между ошибками в категориях рода и падежа (r = 0,319, p = 0,013), рода и вида (r = 0,344, p = 0,007): если информант затрудняется с согласованием и координацией по роду, он с большой вероятностью также будет смешивать падежные формы существительных и глагольные лексемы в составе видовой пары. Наконец, наблюдается корреляция между ошибками в выборе лексемы и использовании предлогов (r = 0,287, p = 0,026): если в тексте неверно употребляются слова (обычно — глаголы движения), то в нем будут также смешиваться или пропускаться предлоги.

Выявленные корреляции позволяют выделить две группы нарративов. В индивидуальной промежуточной системе русского языка авторов первой группы текстов не до конца сформирован графический образ слова, не полностью освоен принцип словоизменения, недостаточно различаются слова с близкой семантикой. У авторов второй группы текстов на фоне освоенного принципа словоизменения смешиваются граммемы в составе определенных грамматических категорий. За пределами выделенных групп находится значительное количество текстов, создатели которых допускают меньшее число ошибок или ошибки, не отраженные в корреляционном анализе. Можно предположить, что, несмотря на заявленный единый уровень владения русским языком, фактически информанты принадлежат к трем подуровням с разной степенью сформированности языковых навыков.

Заключение

Проведенное исследование структурных особенностей письменных нарративов на русском языке, порожденных китайскими студентами, изучающими русский язык вне языковой среды, позволило установить, что ключевой проблемой на начальном этапе является системная несформированность морфологических навыков, проявляющаяся в использовании стратегии «замороженных» форм и доминировании ошибок в употреблении грамматических категорий, в первую очередь вида. Кроме того, в отличие от студентов, осваивающий РКИ в среде, информанты данного исследования демонстрируют такие особенности интеръязыка, как несклонность к гиперкоррекции на фонетико-графическом уровне и неразличение глаголов движения на лексическом уровне. Корреляционный анализ ошибок выявил внутреннюю неоднородность группы информантов, что позволяет говорить о нескольких подуровнях сформированности языковых навыков. Разнообразие лексикона соотносится с меньшим количеством ошибок на морфологическом уровне, тогда как длина текста не выступает как показатель уровня владения языком.

Результаты исследования могут иметь практическое применение. Так, при преподавании РКИ китайским студентам вне языковой среды рекомендуется обращать внимание на отработку полных словоизменительных парадигм, работу с видовыми парами и глаголами движения, преодоление интерференции на фонетико-графическом уровне. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставительный анализ полученных данных с экспериментально собранными образцами письменной русскоязычной речи носителей других языков, живущих за пределами России: студентов из стран Латинской Америки, Африки и арабоязычных государств.

Список литературы

Антонова Ю.А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 161–171. https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-16 EDN: ZJWOMV

Беляева Е.В. Когнитивные механизмы возникновения речевых ошибок при усвоении русского языка в иноязычной аудитории (на материале ошибок китайских студентов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск : Омский гос. ун-т, 2004. EDN: ZMXPDB

Брем Н.С., Дубровская Е.М. Особенности учебных стратегий, барьеров и мотивации китайских студентов в русскоязычной среде и в Китае // Интеграция образования. 2025. Т. 29. № 2 (119). С. 230–242. https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202502.230-242 EDN: HABFBN

Волкова Т.Ф., Орлова О.В. Текстовая деятельность языковой личности иностранного студента как объект исследования // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 203–213. EDN: PDAWXV

Галкина Е.В., Краснощекова С.В., Дунганова Д.Э. Языковые особенности письменной речи двуязычных взрослых в условиях русско-кыргызского билингвизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2025. Т. 24. № 5. С. 73–85. https://doi.org/10.15688/ jvolsu2.2025.5.6 EDN: MRKMYL

Гасконь Е.А. Некоторые ошибки китайских студентов, связанные с влиянием ранее освоенных языков на изучение нового (русского как иностранного) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 80–84. EDN: WNGNFZ

Злобина Ю.И., Сорокина М.О. Некоторые типичные ошибки в письменных работах китайских студентов: классификация и анализ // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 130–132. EDN: XYVANV

Корчик Л.С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4. С. 104–108. EDN: MWGDER

Крапивник Е.В. Языковая интерференция в аспекте национально-ориентированного обучения китайских студентов русскому языку // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (109). С. 205–211. https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.109.4.025 EDN: QRFESY

Ли С. Основные причины текстовых ошибок в письменном дискурсе у китайских студентов, изучающих русский язык // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 2 (37). С. 100–106. EDN: WMDLDD

Лю Ц. Исследование интегрированного подхода к обучению письменной речи на русском языке: имплементация проектно-ориентированной методики // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 259–262. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-259-262 EDN: XLGNDS

Москвина Ю.А. Классификация грамматико-морфологических ошибок в письменной речи китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный на начальном уровне // Концепт. 2024. № 10. С. 260–273. https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11168 EDN: ANORKW

Плаксина Е.Б. Основные тенденции в освоении русского языка китайскими студентами // Педагогическое образование в России. 2024. № 5. С. 245–251. EDN: VDRGQF

Соколова Г.Е. Наиболее распространенные виды ошибок китайских студентов при обучении русскому языку как иностранному // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 146–154. https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-2-146-154 EDN: WHXQIT

Цейтлин С.Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 515–538. EDN: VHHDRT

Чжэн Ц. Интерязык китайских студентов-филологов в условиях русской языковой среды : дис. … канд. филол. наук. М. : РУДН, 2023. 211 с. EDN: VBFFOH

Ян Л. Обучение китайских студентов письменной монологической речи с использованием современных интерактивных технологий : дис. … канд. филол. наук. М. : МГПУ, 2023. 162 с. EDN: SSMLJJ

Antonijevic S., Colleran S., Kerr C., Ní Mhíocháin T. Online assessment of narrative macrostructure in adult Irish-English multilinguals // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 916214. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.916214 EDN: XFKVDA

Berman R.A. On the ability to relate events in narrative // Discourse processes. 1988. Vol. 11. № 4. Pp. 469–497. https://doi.org/10.1080/01638538809544714

Berman R.A., Verhoeven L. Cross-linguistic perspectives on the development of text-production abilities: speech and writing // Written Language & Literacy. 2002. Vol. 5. № 1. Pp. 1–43. https://doi.org/10.1075/wll.5.1.02ber

De Cat C. Opportunities and challenges in the analysis of the multilingual assessment instrument for narratives (MAIN) // First Language. 2022. Vol. 42. № 2. Pp. 321–329. https://doi.org/10.1177/01427237211064695 EDN: YQYNZI

De Wilde V., De Clercq O. Challenges and opportunities of automated essay scoring for low-proficient L2 English writers // Assessing Writing. 2025. Vol. 66. Art. 100982. https://doi.org/10.1016/j.asw.2025.100982 EDN: XVVNFC

Dorbert M. Lexical and spelling accuracy of Russian adult heritage and foreign language learners in written elicited narratives // Didaktik Slawischer Sprachen. 2025. № 2. Pp. 55–68. https://doi.org/10.48789/2025.2.4

Dosi I., Douka G. Effects of language proficiency and contextual factors on second language learners' written narratives: a corpus-based study // International Journal of Research Studies in Education. 2021. Vol. 10. № 5. https://doi.org/10.5861/ijrse.2021.5076 EDN: QQCVBB

Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J. Assessment of narrative abilities in bilingual children // Armon- Assessing Multilingual Children / ed. by S. Lotem, J. De Jong, N. Meir. Bristol : Multilingual Matters, 2015. Pp. 243–276. https://doi.org/10.21832/9781783093137-011

Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Bohnacker U., Walters J. MAIN: multilingual assessment instrument for narratives — revised // ZAS Papers in Linguistics. 2019. Vol. 63. Pp. 1–20. https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516

Gagarina N., Lindgren J. New language versions of MAIN: multilingual assessment instrument for narratives — revised // ZAS Papers in Linguistics. 2020. Vol. 64. Pp. 1–274. https://doi.org/10.21248/zaspil.64.2020.543 EDN: VSJLDX

Ghafar Z. Storytelling as an educational tool to improve language acquisition: A review of the literature // Journal of Digital Learning and Distance Education. 2024. Vol. 2. № 10. Pp. 781–790. https://doi.org/10.56778/jdlde.v2i9.227 EDN: TXNUAC

Kang J.Y. Written narratives as an index of L2 competence in Korean EFL learners // Journal of Second Language Writing. 2005. Vol. 14. № 4. Pp. 259–279. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2005.10.002

Krasnoshchekova S., Kashleva K. Narrative competence of adult L2 Russian learners // Journal of Psycholinguistic Research. 2019. Vol. 48. № 3. Pp. 617–641. https://doi.org/10.1007/s10936-018-9622-3 EDN: WOESXC

Lindgren J., Tselekidou F., Gagarina N. Acquisition of narrative macrostructure: a comprehensive overview of results from the multilingual assessment instrument for narratives // ZAS Papers in Linguistics. 2023. Vol. 65. Pp. 111–132. https://doi.org/10.21248/zaspil.65.2023.623 EDN: GTBVPC

Lu Y. Working memory, cognitive resources and L2 writing performance // Working Memory in Second Language Acquisition and Processing / ed. by Z. Wen, M.B. Mota, A. McNeill. Bristol : Multilingual Matters, 2015. Pp. 175–188. https://doi.org/10.21832/9781783093595-014

Palviainen Å., Kalaja P., Mäntylä K. Development of L2 writing: fluency and proficiency // AFinLA-E: Soveltavan Kielitieteen Tutkimuksia. 2012. Vol. 4. Pp. 47–59.

Sánchez L., Sunesson M. Grasping the effects of storyline complexity, task structure and proficiency in narrative writing performance // Journal of Second Language Writing. 2023. Vol. 60. P. 100986. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2023.100986 EDN: YNZQLO

Sandlund E. Telling in a test: storytelling and task accomplishment in L2 oral proficiency assessment // Storytelling Practices in Home and Educational Contexts / ed. by A. Filipi, B.T. Ta, M. Theobald. Singapore : Springer Nature Singapore, 2022. Pp. 175–200. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9955-9_10

Schoonen R., Van Gelderen A., Stoel R.D., Hulstijn J., De Glopper K. Modeling the development of L1 and EFL writing proficiency of secondary school students // Language Learning. 2011. Vol. 61. № 1. Pp. 31–79. https://doi.org/10.1111/j.1467-9922.2010.00590.x

Selinker L. Interlanguage // IRAL — International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. № 1-4. https://doi.org/10.1515/iral.1972.10.1-4.209

Strömqvist S., Day D. On the development of narrative structure in child L1 and adult L2 acquisition // Applied Psycholinguistics. 1993. Vol. 14. № 2. Pp. 135–158. https://doi.org/10.1017/S0142716400009528

Vasylets O., Marín J. The effects of working memory and L2 proficiency on L2 writing // Journal of Second Language Writing. 2021. Vol. 52. Art. 100786. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2020.100786 EDN: WAXYSS

Сведения об авторах:
Галкина Елена Владимировна, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатория психофизиологии речи, Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6. *Сфера научных интересов*: онтолингвистика, освоение первого и второго языка, билингвизм, нарратив, причинность. ORCID: 0000-0002-5041-2498. AuthorID: 85693. E-mail: dinomama@yandex.ru
Краснощекова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. *Сфера научных интересов:* онтолингвистика, освоение первого и второго языка, билингвизм, русский язык как иностранный, нарратив, местоимения, дейксис. ORCID: 0000-0001-8830-5121. SPIN-код: 3012-7590. E-mail: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-278-296
EDN: QKRRUE

Research article

Microstructure of narratives written by Chinese learners of Russian

Elena V. Galkina[1], Sofia V. Krasnoshchekova[2]✉

[1]Pavlov Institute of Physiology, *Saint Petersburg, Russian Federation*
[2]Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg, Russian Federation*
✉krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Abstract. The study examines the microstructural Russian narrative competence of native Chinese speakers studying Russian outside the Russian-speaking environment. The relevance of the study stems from the need for an in-depth analysis of the mechanisms underlying the development of written speech production in a foreign language and the identification of specific difficulties of Chinese learners producing written narratives. The research is aimed at identifying the key microstructural characteristics of Chinese students' written narratives, classify their typical deviations from the Russian linguistic norm, and establish systematic links between microstructural features and different types of errors. The material includes 60 narratives produced by Chinese learners during an experiment with MAIN. The methodology combined quantitative and qualitative approaches: microstructural features markup, error classification, statistical procedures, and correlation analysis. The results show that text length does not correlate with the number of errors, whereas low lexical diversity is associated with higher error frequency. The research demonstrates that the most problematic area is morphology; the most frequent errors include "frozen" initial and oblique forms, and errors in aspect, case, and gender. Graphic errors are also frequent and are caused by indistinction of consonant pairs and an underdeveloped orthographic word image. Lexical difficulties primarily concern verbs of motion. Correlation analysis reveals stable error clusters that reflect different sublevels of acquisition of the target language system. The written speech of Chinese learners outside the language environment is characterized by certain difficulties which are not typical for other learners of Russian as a foreign language. The findings may enhance teaching, particularly in the aspect of paradigms, verb aspects, and verbs of motion.

Keywords: Russian as a foreign language, second language acquisition, Chinese speakers, narrative microstructure, language errors, interlanguage, written speech

Contribution of the authors: Galkina E.V. — data annotation, quantitative and qualitative analysis of the material, writing the text; Krasnoshchekova S.V. — qualitative and statistical analysis of the material, the theoretical part of the article, writing the text.

Acknowledgements. The authors are grateful to Wang Yiling, a teacher of Russian language in the Centre of Russian language, Shenzhen MSU-BIT University (China), for her assistance in organizing and conducting the narrative data collection experiment.

Conflict of interest. The authors have no conflicts of interest to declare.

Article history: received 16.12.2025; accepted 18.02.2026.

For citation: Galkina, E. V., & Krasnoshchekova, S. V. (2025). Microstructure of narratives written by Chinese learners of Russian. *Russian Language Studies*, *24*(2), 278–296. (In Russ.). http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-278-296 EDN: QKRRUE

References

Antonijevic, S., Colleran, S., Kerr, C., & Ní Mhíocháin, T. (2022). Online assessment of narrative macrostructure in adult Irish-English multilinguals. *Frontiers in Psychology, 13*, 916214. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.916214 EDN: XFKVDA

Antonova, Yu. A. (2022). National-psychological portrait of a Chinese student studying Russian language. *Philological Class, 27*(2), 161–171. (In Russ.). https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-16 EDN: ZJWOMV

Beliaeva, E. V. (2004). *Cognitive mechanisms of speech errors in the acquisition of Russian in a foreign language audience (based on errors of Chinese students)*: Abstract of Candidate of Sciences (Philology) dissertation. Omsk: Omsk State University. (In Russ.). EDN: ZMXPDB

Berman, R. A., & Verhoeven, L. (2002). Cross-linguistic perspectives on the development of text-production abilities: Speech and writing. *Written Language & Literacy, 5*(1), 1–43. https://doi.org/10.1075/wll.5.1.02ber

Berman, R. A. (1988). On the ability to relate events in narrative. *Discourse Processes, 11*(4), 469–497. https://doi.org/10.1080/01638538809544714

Brem, N. S., & Dubrovskaya, E. M. (2025). Features of learning strategies, barriers and motivation of Chinese students in Russian-speaking environment and in China. *Integration of Education, 29*(2), 230–242. (In Russ.). https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202502.230-242 EDN: HABFBN

De Cat, C. (2022). Opportunities and challenges in the analysis of the multilingual assessment instrument for narratives (MAIN). *First Language, 42*(2), 321–329. https://doi.org/10.1177/01427237211064695 EDN: YQYNZI

De Wilde, V., & De Clercq, O. (2025). Challenges and opportunities of automated essay scoring for low-proficient L2 English writers. *Assessing Writing, 66*, 100982. https://doi.org/10.1016/j.asw.2025.100982 EDN: XVVNFC

Dorbert, M. (2025). Lexical and spelling accuracy of Russian adult heritage and foreign language learners in written elicited narratives. *Didaktik Slawischer Sprachen,* (2), 55–68. https://doi.org/10.48789/2025.2.4

Dosi, I., & Douka, G. (2021). Effects of language proficiency and contextual factors on second language learners' written narratives: A corpus-based study. *International Journal of Research Studies in Education, 10*(5). https://doi.org/10.5861/ijrse.2021.5076 EDN: QQCVBB

Gagarina, N., & Lindgren, J. (2020). New language versions of MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives — revised. *ZAS Papers in Linguistics, 64*, 1–274. https://doi.org/10.21248/zaspil.64.2020.543 EDN: VSJLDX

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Balčiūnienė, I., Bohnacker, U., & Walters, J. (2015). Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children. In S. Armon-Lotem, J. De Jong, & N. Meir (Eds), *Assessing Multilingual Children* (pp. 243–276). Multilingual Matters. https://doi.org/10.21832/9781783093137-011

Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Bohnacker, U., & Walters, J. (2019). MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives — revised. *ZAS Papers in Linguistics, 63*, 1–20. https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516

Galkina, E. V., Krasnoshchekova, S. V., & Dunganova, J. E. (2025). Language features of written speech in adult bilinguals in the conditions of Russian-Kyrgyz bilingualism. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 24*(5), 73–85. (In Russ.). https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6 EDN: MRKMYL

Gaskon', E. A. (2016). Influence of previously studied foreign languages on some mistakes made by Chinese students while learning Russian as a foreign language. *Philology. Theory & Practice,* (10-3), 80–84. (In Russ.). EDN: WNGNFZ

Ghafar, Z. (2024). Storytelling as an educational tool to improve language acquisition: A review of the literature. *Journal of Digital Learning and Distance Education, 2*(10), 781–790. https://doi.org/10.56778/jdlde.v2i9.227 EDN: TXNUAC

Kang, J. Y. (2005). Written narratives as an index of L2 competence in Korean EFL learners. *Journal of Second Language Writing, 14*(4), 259–279. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2005.10.002

Korchik, L. S. (2010). Some typical steady mistakes in speech of the Chinese students during Russian language lessons. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices,* (4), 104–108. (In Russ.). EDN: MWGDER

Krapivnik, E. V. (2020). Language interference in nationally oriented teaching Russian to Chinese students. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin,* (4), 205–211. (In Russ.). https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.109.4.025 EDN: QRFESY

Krasnoshchekova, S., & Kashleva, K. (2019). Narrative competence of adult L2 Russian learners. *Journal of Psycholinguistic Research, 48*(3), 617–641. https://doi.org/10.1007/s10936-018-9622-3 EDN: WOESXC

Li, X. (2016). The main causes of textual errors in written discourse made by Chinese students studying Russian. *Foreign Languages in Tertiary Education,* (2), 100–106. (In Russ.). EDN: WMDLDD

Lindgren, J., Tselekidou, F., & Gagarina, N. (2023). Acquisition of narrative macrostructure: A comprehensive overview of results from the multilingual assessment instrument for narratives. *ZAS Papers in Linguistics, 65*, 111–132. https://doi.org/10.21248/zaspil.65.2023.623 EDN: GTBVPC

Liu, J. (2025). An investigation into the integrated approach to teaching writing skills in Russian: A study of implementation of project-based learning. *The World of Science, Culture and Education,* (2), 259–262. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-259-262 EDN: XLGNDS

Lu, Y. (2015). Working Memory, Cognitive Resources and L2 Writing Performance. In Z. (Edward) Wen, M. Borges Mota, & A. McNeill (Eds.), *Working Memory in Second Language Acquisition and Processing* (pp. 175–188). Multilingual Matters. https://doi.org/10.21832/9781783093595-014

Moskvina, U. A. (2024). The classification of morphological errors in the written speech of Chinese students studying Russian as a foreign language at the elementary level. *Koncept,* (10), 260–273. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11168 EDN: ANORKW

Palviainen, Å., Kalaja, P., & Mäntylä, K. (2012). Development of L2 writing: Fluency and proficiency. *AFinLA-E: Soveltavan Kielitieteen Tutkimuksia, 4,* 47–59.

Plaksina, E. B. (2024). The main trends in the development of the Russian language by Chinese students. *Pedagogical Education in Russia,* (5), 245–251. (In Russ.). EDN: VDRGQF

Sánchez, L., & Sunesson, M. (2023). Grasping the effects of storyline complexity, task structure and proficiency in narrative writing performance. *Journal of Second Language Writing, 60*, 100986. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2023.100986 EDN: YNZQLO

Sandlund, E. (2022). Telling in a test: Storytelling and task accomplishment in L2 Oral proficiency assessment. In A. Filipi, B. T. Ta, & M. Theobald (Eds.), *Storytelling Practices in Home and Educational Contexts* (pp. 175–200). Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9955-9_10

Schoonen, R., Van Gelderen, A., Stoel, R. D., Hulstijn, J., & De Glopper, K. (2011). Modeling the development of L1 and EFL writing proficiency of secondary school students. *Language Learning, 61*(1), 31–79. https://doi.org/10.1111/j.1467-9922.2010.00590.x

Selinker, L. (1972). Interlanguage. *IRAL — International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10*(1-4). https://doi.org/10.1515/iral.1972.10.1-4.209

Sokolova, G. E. (2020). Most common mistakes Chinese students make while learning Russian as a foreign language. *Problems of Modern Education,* (2), 146–154. (In Russ.). https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-2-146-154 EDN: WHXQIT

Strömqvist, S., & Day, D. (1993). On the development of narrative structure in child L1 and adult L2 acquisition. *Applied Psycholinguistics, 14*(2), 135–158. https://doi.org/10.1017/S0142716400009528

Tseitlin, S. N. (2015). On the formation of interlanguage grammar. *Acta Linguistica Petropolitana, 11*(1), 515–538. (In Russ.). EDN: VHHDRT

Vasylets, O., & Marín, J. (2021). The effects of working memory and L2 proficiency on L2 writing. *Journal of Second Language Writing, 52*, 100786. https://doi.org/10.1016/j.jslw.2020.100786 EDN: WAXYSS

Volkova, T. F., & Orlova, O. V. (2012). Textual activity of a foreign student's speech personality as an object of research. *Siberian Journal of Philology,* (3), 203–213. (In Russ.). EDN: PDAWXV

Yang, L. (2023). *Teaching written monologue to Chinese students using modern interactive technologies.* (Candidate of Sciences dissertation). Moscow (In Russ.). EDN: SSMLJJ

Zheng, Q. (2023). *Interlanguage of Chinese philology students in the Russian language environment.* (Candidate of Sciences (Philology) dissertation). Moscow: RUDN University. (In Russ.). EDN: VBFFOH

Zlobina, Yu. I., & Sorokina, M. O. (2018). Some typical mistakes in writing works of Chinese students: Classification and analysis. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya,* (4), 130–132. (In Russ.). EDN: XYVANV

Bio notes:

Elena V. Galkina, Researcher in the Department of Physiology of Sensor Systems, Laboratory of Psychophysiology of Speech, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, 6 Makarova Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. *Research interests:* ontolinguistics, first and second language acquisition, bilingualism, narrative, causality. ORCID: 0000-0002-5041-2498. AuthorID: 85693. E-mail: dinomama@yandex.ru

Sofia V. Krasnoshchekova, PhD in Philology, Researcher in the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 9 Tuchkov Lane, Saint Petersburg, 199053, Russian Federation. *Research interests:* ontolinguistics, first and second language acquisition, bilingualism, Russian as a second language, narrative, pronouns, deixis. ORCID: 0000-0001-8830-5121. SPIN-code: 3012-7590. E-mail: krasnoshche-kova_sv@iling.spb.ru

Russian Language Studies
Русистика
ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)
2026 Vol. 24 No. 2 297–312
http://journals.rudn.ru/russian-language-studies

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-297-312
EDN: QMATQT

Research article

Linguodidactic potential of ergonyms in the ritual services in teaching Russian to students from Kazakhstan

Svetlana Yu. Kamysheva[1], Zarina T. Kanafina[2] ✉

[1]Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow, Russian Federation*
[2]Abai Kazakh National Pedagogical University, *Almaty, Republic of Kazakhstan*
✉z.kanafina@abaiuniversity.edu.kz

Abstract. The study identifies the linguodidactic potential of Russian ergonyms in the ritual services sector within the context of teaching Russian lexicology at the university level. The relevance of the research is substantiated by the need to integrate this onomastic material into the educational process in order to expand students' linguistic-cultural competence, develop analytical thinking, and enhance skills of semantic interpretation. The aim of the study is to determine the possibilities of using ergonyms in developing lexical and linguistic-cultural competencies of future philologists. The research employs structural-semantic, cultural, and cognitive analysis. The empirical material comprises 88 Russian names of organizations in the ritual services sector functioning in the contemporary sociocultural space of Kazakhstan. The study substantiates the effectiveness of systematically incorporating ritual service ergonyms into teaching Russian lexicology to Kazakhstani students. The key structural-semantic and linguistic-cultural features of these units are identified, and their linguodidactic potential is confirmed. The research shows that ergonyms can form an instructional basis for developing students' professional linguistic competencies, reflective attitudes toward lexical units, and understanding of nationally specific cultural realities. A model for ergonym analysis is proposed, and principles for selecting ergonymic material for educational purposes are formulated. The research prospects include the development of exercises and teaching materials aimed at integrating ergonyms into Russian lexicology courses at univiersitites.

Keywords: ergonymics, onomastics, Russian ergonyms, ritual services, lexicology, cultural linguistics, lexical-semantic analysis, cultural codes

Contribution: Kamysheva S.Yu. — scientific consulting, critical revision of the text; Kanafina Z.T. — research concept, collection, processing and analysis of material, writing the article.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Article history: received 27.04.2025; accepted 28.01.2026.

For citation: Kamysheva, S. Yu., & Kanafina, Z. T. (2025). Linguodidactic potential of ergonyms in the ritual services in teaching Russian to students from Kazakhstan. *Russian Language Studies*, *24*(2), 297–312. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-297-312
EDN: QMATQT

© Kamysheva S.Yu., Kanafina Z.T., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Introduction

An ergonym is the result of the creative activity of an onomathet[1] within a specific linguistic and ethno-sociocultural context. In the names of urban objects, social significance is an important factor (Shaibakova, 2023: 353). Thus, ergonyms as linguistic nominative units become a tool for sociocultural cognition and material for teaching how to analyze onomastic vocabulary, which is currently receiving attention in Kazakhstan. Kazakhstani authors study the linguistic and sociocultural space of the city, language policy and planning in multilingual contexts, and visual environment semiotics (Zharkynbekova, Akzhigitova, 2011; Madieva, Imanberdieva, 2020; Kaudyrova, Isenova, Dukembay, 2025).

Ergonyms as linguistic units in a real communicative environment have also become a subject of study in higher education. Educational programs have recently been more pragmatically oriented, which encourages researchers to turn to the explanatory aspects of naming and justifies the use of ergonyms as teaching material in philological education and in teaching Russian vocabulary at the university level. Although modern linguodidactics advises including ergonymic material in university Russian language courses (Chupanovskaya, Maklakova, 2019; Golovina, 2021; Polygalova, Kuryanovich, 2022; Holmanskikh, Verisova, 2023; Belikov, 2025), questions about the selection of thematically marked ergonyms and their pedagogical potential have not yet received sufficiently clear answers. Onomatologists from various countries have repeatedly noted the need to develop special exercises using various types of onyms: the deliberate inclusion of onomastics in language education to foster an understanding of the cultural and phonological aspects of names and enhance the effectiveness of teaching (Contreras, 2023); teaching national-cultural vocabulary when using onyms in class (Agabekova, 2017); onomastic units in the regional lexical minimum for foreign students (Golovina, 2020); teaching phonetics, phonology, morphology, and sociolinguistics through exercises with proper names (MacKenzie, 2018); informal anthroponyms (nicknames) in Russian as a foreign language classes (Bobrova, 2022); the linguistic-didactic potential of the names of urban commercial enterprises (Matyushina, 2024). Ergonyms from the funeral services sector have not previously been treated in modern linguistics (the 2000s — present) as independent teaching material, i.e. not supplementary illustrative material but a full-fledged object of analysis that allows us to integrate lexicology, onomastics, and cultural linguistics within a single educational task. It is the funeral services sector, where ergonyms have their semantic and cultural markedness with scientific and methodological value. Their analysis requires students to distinguish between denotative and connotative meanings and to consider ethical norms and cultural codes. This contributes to the development of professional philological thinking and critical analysis skills.

[1] Onomathet (Ancient Greek: ὀνοματοθέτης) is a person who gives names. Yatsenko, N. E. (1999). *Explanatory dictionary of social sciences terms*. Saint Petersburg: Lan publ. Retrieved 28 February 2025, from https://www.slovarnik.ru/html_tsot/o/onomatet.html

The current sociolinguistic situation in Kazakhstan shapes a rich multilingual ergonymic landscape where Kazakh, Russian, and English languages interact. However, in some spheres, particularly in the sphere of ritual services, Russian ergonyms, both native Russian and borrowed into Russian, dominate quantitatively and functionally. They are the subject of our study. These names reflect the spiritual and religious beliefs, cultural values, and linguistic consciousness of the Russian people.

Training teachers of Russian language and literature in Kazakhstan involves theoretical and applied approaches. The higher education system distinguishes two key educational programs: "Russian Language and Literature" and "Russian Language and Literature in Schools with a Non-Russian Language of Instruction", which are necessary for implementing innovative teaching technologies, creating high-quality teaching materials, and developing communicative and linguistic-cultural competencies. However, students who have graduated from Kazakh schools often experience difficulties in comprehending the cultural realities of the Russian world, which necessitates teaching methodologies refinement. The use of onomastic units in teaching can help students better acquire linguistic concepts and broaden their knowledge of Russian society (Bobrova, 2022: 31).

The ritual sphere of Kazakhstan demonstrates a balance between global, national, and regional trends, which forms a unique linguistic landscape reflecting the concepts of Russian and Kazakh linguistic cultures, the system of linguistic-cultural universals, and "the mutual influence of various forms of linguistic-cultural activity" (Shaklein, 2012: 104).

The frequent reference to Russian linguistic culture in Kazakhstani naming within the sphere of ritual services provides a significant vocabulary body for research. In this regard, Russian ergonyms serve as a simple and effective tool for mastering the cultural context of the Russian language and increasing motivation to study it as they operate at the intersection of everyday communication and cultural memory, immerse learners in a living linguistic environment, stimulate their associative and interpretive thinking, and develop skills in analyzing culturally marked vocabulary. This develops language sensitivity and an understanding of the mythological, religious, and philosophical concepts reflected in the names.

The aim of the study is to identify the linguistic-didactic potential of Russian ergonyms in the ritual sphere and to determine ways of using them in university course "Lexicology of the Russian Language."

Methods and Materials

The methodological framework of this study is based on a comprehensive approach which integrates linguistic, sociolinguistic, and pedagogical analysis. The study employs methods of describing and classifying ergonymic units, contextual analysis, and pedagogical modeling. The methods identify the linguistic-cultural and language-teaching potential of Russian ergonyms and justify their use in teaching Russian to students at Kazakhstani universities.

The research material includes ergonyms, the names of companies providing funeral services in various regions of Kazakhstan. The material was collected with the help of observation, fixation (written notes and photographs) and sampling from open sources: advertising, internet resources[2]; Kazakhstan's largest marketplace[3], where sole proprietorships and large companies post information about their services and goods; the 2GIS app[4] with selected categories "funeral services," "mortuaries," "monuments, tombstones." A corpus of 135 ergonyms related to this field was collected and systematized with a comprehensive sampling method. Of these, 88 (65%) items are Russian names, which formed the main empirical basis for the analysis. Considering the aim of this work and the perspective of training future teachers of Russian language and literature in Russian schools and schools with a non-Russian language of instruction, we selected exclusively Russian names to analyze and justify their didactic potential, observing linguistic factors and establishing connections with concepts of Russian culture. At the same time, we did not conduct comparative analysis with other cultures (e.g., Kazakh), since using ergonyms as teaching material is aimed at developing students' lexical skills and their ability to understand and interpret educational information within the context of the Russian cultural space. Language teachers should not only master the language but also understand the values, symbolism, and cultural codes of the country where the language is spoken, to more consciously and deeply understand both literary texts and the living linguistic environment in Russian.

Results

The study revealed that 65% of Russian ergonyms in the ritual sphere of Kazakhstan constitute a representative linguistic material to be considered in the course "Lexicology of the Russian Language" as a full-fledged object of lexical analysis, rather than merely as illustrative material. The data confirm that ergonyms need to be systematically incorporated into the educational process at the level of higher philological education and teacher training in the field of Russian Language and Literature in Russian schools and schools with a non-Russian language of instruction.

The structural organization, linguistic form, and semantic content of ergonyms were investigated. This showed that it is important to conduct a comprehensive analysis of the form and content of nominative units for their methodological selection for the educational process.

The analysis of explanatory (Big Explanatory Dictionary, Small Academic Dictionary) and etymological dictionaries[5], the sources of origin and motivating

[2] SPR.kz. (n.d.). *Directory of cities in Kazakhstan*. Retrieved 22 March 2025, from https://www.spr.kz/

[3] Satu.kz. (n.d.). Retrieved 23 March 2025, from https://satu.kz/

[4] 2GIS.kz (n.d.). Electronic directory with maps of cities, places, and organizations in Kazakhstan. Retrieved 23 March 2025 from https://2gis.kz

[5] Kuznetsov, S.A. (Ed.). (n.d.). Explanatory dictionary. Retrieved 25 March 2025 from https://gufo.me/dict/kuznetsov; Evgenyeva, A.P. (Ed.). (n.d.). Small academic dictionary. Retrieved 25 March 2025 from https://gufo.me/dict/mas; Vikhlyantsev, V.P. (n.d.). Bible dictionary for the Russian canonical Bible. Retrieved 25 March 2025 from https://gufo.me/dict/bible_vihlyancev; Fasmer, M. (n.d.). Etymological dictionary of the Russian language. Retrieved 25 March 2025 from https://vasmer.slovaronline.com/

features of ergonyms were identified. The linguocultural potential of ergonymic units was revealed, manifested in their connection to Old Russian and Church Slavonic lexicon.

The study shows that ergonymic material in the course "Lexicology of the Russian Language" enhances the development of students' professional competencies, including lexical, linguistic-cultural, and analytical competencies, as well as skills of meaning interpretation and philological analysis of the text.

The authors established that ergonyms of the ritual sphere enhance mastering key cultural concepts of the Russian linguistic worldview (faith, fate, death, soul, spirituality, and memory). Analysis of these units creates a foundation for the subsequent study and understanding of the themes of faith, spiritual rebirth, death, and ritual, which occupy a significant place in classical Russian literature (F.M. Dostoevsky, A.S. Pushkin, N.S. Leskov, V.G. Rasputin, L.N. Andreev, etc.) and thereby fosters the development of the lexical-cultural foundation to interpret complex literary meanings.

A phased model of the linguistic-cultural analysis of ergonyms is presented, designed for independent students' work with a teacher and ensuring the practical application of the material and an understanding of its multi-layered nature.

Discussion

Considering an ergonym as a full-fledged object of lexical analysis presupposes the development of the ability to correlate the meaning of a name with its form, structure, and context of use. In contemporary onomastic and linguistic-cognitive studies, proper names are viewed not only as means of reference but also as carriers of culturally significant meanings, which gives rise to discussions about the boundaries of their meaning and the possibility of interpreting a name outside the narrow denotative field. Various types of meaning are potentially relevant here: denotative and connotative; lexical and proper; and presuppositional. The pragmatic approach distinguishes between onymic and semantic reference, which influences the use of name forms (Motschenbacher, 2020: 92–93).

Structural organization of an ergonym makes it a methodologically relevant unit, and we can use the structural completeness of the term as one of the principles for selecting learning material. Thus, the ergonym structure includes a "classifier", or "identifier" (nomenclature component) and a "differentiator" (zero form). The formal aspect is combined with the semantic one when using the classifier, a lexeme that functions as a common noun and indicates the class of the organization. The classifier is more marked (*ritual bureau*), while the zero form is less marked (*Sheremetyev*) (Van Langendonck, 2007). In communication, the zero form is usually actively used, whereas the classifier can be modified, shortened, or omitted. For example, *funeral services bureau Sheremetyev — Sheremetyev funeral agency – Sheremetyev bureau — Sheremetyev*. In academic literature, the term "zero form" is used when the name is "self-sufficient" and does not contain words "store/agency/office/café." Thus, the zero form "the Grail" without the classifier "funeral services

agency" generates different associative chains: "the Grail" — chalice, cup — tableware shop / restaurant; "the Grail" — chalice — sacred — Jesus — religion — funeral services. The zero form is examined in terms of semantic interpretation; the guess is based on the word's meaning, associations, and cultural and historical knowledge.

Another principle for selecting learning ergonomic material is the linguistic composition of names in the ritual sphere. Within the scope of this study, the degree of word integration into the lexical system of the Russian language and their presence in dictionaries were considered. For example, "Dolerite" is a granular basalt[6], the name of a rock type; the word is of Ancient Greek origin, "δολερός" [dolerós], borrowed into Russian from the French "dolerite." Therefore, we consider "Dolerit" as a Russian ergonym, the name of a ritual agency specializing in the manufacture of tombstones and monuments. Names rendered in the Latin alphabet (*Izumrud, Vavilon, Savan*) are also relevant as Russian ergonymic teaching material since this concerns only spelling, not perception. Thus, the transliterated ergonyms *Vavilon* (Babylon) and *Izumrud* (Emerald), long established in the Russian language, do not alter their perception in the mind of a Russian-speaking person. However, if their English equivalents are used, they will sound and look different and will be less understandable: Вавилон (Rus.) — Babylon (Eng.), Изумруд (Rus.) — Diamond (Eng.). Graphohybrids also fall under the category of ergonyms in Russian (e.g., *Програнит*, where *Pro* is a colloquial preposition in Russian meaning "about"). It is also important when analyzing names by linguistic composition that even if a name is written in Cyrillic (*Ридо, Акрополис, Хэлп, Райт-Фюнерал*), the word may not exist in the lexical system of the Russian language[7], and these names are not relevant when studying Russian vocabulary.

The higher percentage of Russian vocabulary (65%) in the names of funeral agencies in Kazakhstan is due to the active use of Russian in the country and the large number of speakers with Russian as their first language, regardless of their ethnic background. The obtained data correspond with the observations of sociolinguists who note a stable index of the Russian language's persistence in Kazakhstan (Kamysheva, 2023). Russian is a language of interethnic communication with important social and cultural functions. Therefore, its active use in naming organizations associated with the spiritual sphere is justified and even necessary. From the perspective of cognitive linguistics, every language system creates a unique conceptual map of the world with culture-specific ideas, values, and symbolic and archetypal images (*Svetoch* 'a big candle', *Plat* 'a headscarf worn in the church', Uspenie 'the Assumption', Voznesenie 'the Ascention'), and these do not always have equivalents in other languages (Wierzbicka, 1997; Lakoff, Johnson, 2003; Kubryakova, 2004). The original name perception and interpretation develop cognitive and linguistic sensitivity, which is particularly important in the context of Kazakhstan's multilingual and multicultural society.

[6] Dal, V. I. (2006). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language* (Vol. 1). RIPOL Classic, 2006.

[7] Checked at Gramota.ru. (n.d.). *Dictionaries*. Retrieved 22 March 2025, from http://www.gramota.ru/slovari/

A structural-semantic analysis of the linguistic material revealed that all selected ergonomic units are descriptive (*City Funeral Service, Funeral Home, Ritual Service*) and possessive (*Assumption, Morena and Veles, Heritage, Kingdom of Heaven*) with an additional semantic and functional component in the individualizing form (see: Goryaev, Polyakova, 2023; Goryaev, 2004: 50). When an appellative becomes an ergonym, the latter acquires an additional connotative meaning, evaluative or emotional, or even an entirely new one meaning if the denotatum does not correspond to the referent (*the funeral agency "Stork", the funeral services center "Phoenix"*).

A significant part of Russian ergonyms in this study are formed on the basis of lexemes with positive-evaluative, mythological, religious-philosophical, or symbolic connotations (*Memory, Peace, Eternity, Plat, Requiem, Assumption, Hope, Black Raven, White Angel, Ascension, Svetoch/Candle, Orchid, Monument, Aura, Legacy, Hades, Osiris, Archangel, Adam and Eve, VEK (in Russian means 'century'), Forever, Hephaestus, Memorial, The Other World, Zeus, Ibis, The Stone Empire, Stone Flower, Black Tulip, Gift, Cypress, Crystal, Charon, Elysium*, etc.). These names are associated with spirituality, immortality and soul repose, death with the hope of resurrection, respect for the memory of ancestors, and the continuity of traditions.

The ergonyms under analysis can be divided into two broad groups: universal and culturally marked. The semantics of universal ergonyms *(Ritual, Ritual Service, Memory, Eternity, Monument, Memorial, Heritage, The Other World, Crystal, Aura, Stone Empire, etc.)* are abstract and philosophical; they are based on collective human experience of loss, memory, and life continuation. Culturally marked names require religious, mythological, or folkloric knowledge and actualize specific cultural codes: the Christian religious tradition (*Requiem, Svetoch, Hope, Assumption, White Angel*, etc.), ancient and Slavic mythology (*Hades, Zeus, Charon, Morena, and Veles*); ancient Egyptian religious tradition (*Ibis, Osiris*); artistic-poetic, natural symbols, and folkloric images (*Black Raven, Stone Flower, Talan, Orchid*, etc.). Russian culturally marked ergonyms are common in Kazakhstan due to the preservation of intercultural and interethnic ties, historical memory, and universal human experience and knowledge. Within the scope of this study, ergonyms with high connotative richness rooted in Orthodox and pan-Russian cultural traditions (e.g., *Assumption, Ascension, Svetoch, Plat, Hope*) are of primary linguistic-didactic value. Here, death is understood not as an end, but as a transition, the preservation of memory, or spiritual elevation, which makes these words indicative for analyzing sacred and euphemistic naming in Russian ergonymics. Language cannot be studied in isolation from culture. Religion is an important part of spiritual culture. Accordingly, immersion in culture is as necessary as immersion in language. For example, a comparison of the lexeme "hope" and the ergonym "Nadezhda" demonstrates the transition of an abstract, internal state into the realm of socially and culturally institutionalized meaning. The ergonym "Nadezhda" is not about optimism, but about consolation and spiritual support, the symbolic overcoming of tragic experiences associated with loss and death. We can also interpret this ergonym as "Christian hope" by referring to sacred writings or biblical dictionaries.

Analyzing this lexical corpus, students learn to distinguish between denotative and connotative meanings, consider cultural codes and traditional notions, comprehend the boundaries of acceptable linguistic expression, and develop skills of ethical and interpretive responsibility.

The analysis of ergonyms in the process of teaching lexicology at the university level involves:

- understanding the structure, semantics, polysemy, and mechanisms/motives of naming;
- identifying word-formation patterns, borrowings, and linguistic play;
- understanding actualization and reinterpretation of lexical meaning;
- interpreting words as carriers of cultural meanings, rather than merely units for classification and identification;
- recognizing cultural taboos, values, and symbolic representations;
- familiarity with the specifics of Russian linguistic consciousness.

This analysis reflects the formulated methodological principles for selecting ergonymic material for lexicology classes: the structural representativeness of the ergonym, linguistic form, transparency of the motivational basis, and cultural-connotative richness. Such an interpretation of ergonyms confirms the initial assumption about the linguistic-didactic potential of this lexical category and the possibility of its systematic integration into the educational process.

The most important aspect of analyzing ergonyms in the sphere of funeral services is identifying key linguistic-cultural components. The main concept in ritual naming is the concept of "death", which is not biological, but cultural concept. Students do not study death; rather, they study how culture speaks of death in terms of the oppositions sacred/profane, public/intimate, and direct/euphemistic.

The linguistic-cultural analysis of an ergonym has three stages:

1. Independent interpretation based on knowledge, experience, and critical thinking.

For example, the term "Assumption" is an example of a religious euphemism that teaches students to see how culture softens existentially difficult topics. This term carries sacred, euphemistic, and soothing connotations. In Russian Orthodox tradition, this is not death as the end, but a quiet departure, a "sleep" before another form of existence. The word sounds respectful, lofty, without everyday harshness, removes the tragedy, and replaces the biological death with a spiritual transition. Death is understood as a peaceful conclusion; Death → Peace → Rebirth are linked.

2. Work with linguistic dictionaries.

Etymological analysis of the ergonym "Uspenie" ('Assumption')

Example: "Uspenie" — Church Slavonic uspenie, Assumption of the Mother of God (August, 15), Old Russian uspenie "falling asleep, sleep; death, passing; church holiday," putting to sleep (The Tale about Boris and Gleb).

Source: M. Fasmer's Etymological Dictionary of the Russian Language[8].

[8] Students should often consult dictionaries. The etymology, motivation, and direct and symbolic meanings of the units under consideration become clear.

3. Selection of illustrative examples from works of fiction and discussion.

Using Russian Classics β corpus in Russian National Corpus[9].

- "Everyone expected something immediate and grand at once after the elder's assumption" [F.M. Dostoevsky. The Brothers Karamazov. A novel in four parts with an epilogue (1878–1880)].
- "In simple and touching words, he described the peaceful assumption of the righteous woman, whose long years had been a quiet, touching preparation for a Christian death" [A.S. Pushkin. The Queen of Spades (1833)].
- "In a corner of a small shelf, there stood a tiny icon of the Assumption of the Mother of God, with a dried-up willow branch placed behind it, and a small Kiev prayer book" [N.S. Leskov. The Cathedral Folk. A Chronicle (1866–1872)].

The comprehensive analysis of ergonyms concludes with a review of texts demonstrating the significance of context for explaining the meaning and functions of these units in speech.

Linguistic and cultural analysis of the ergonym "Svetoch-Aktau":

1. The ergonym "Svetoch-Aktau" exemplifies a complex nomination comprising the culturally marked lexeme "svetoch" and the toponymic component "Aktau," which denotes a specific sociocultural space. The ergonym has metaphorical, axiological, and commemorative connotations. In Russian, the word "svetoch" is associated with light, spiritual guidance, and outstanding personality. The classifier "ritual services" removes semantic ambiguity and relates the ergonym to traditional cultural semantics of light as a symbol of transition, comfort, memory, and hope. In ritual ergonymics, death changes into the concept of Death → Memory → Light and evokes the idea of life continuing through memory and example.

2. Work with the dictionary

SVETOCH. 1. In olden times: a large candle, a torch. 2. Figurative meaning. A bearer of lofty ideals of freedom, truth, and enlightenment (high style). The svetoch of the world. The svetoch of mind.

Source: Ozhegov's Explanatory Dictionary[10].

3. Examples from Russian classical literature in the Russian National Corpus

- Well then? Rejoice… — he could not endure the torments of his last days: He faded away, like a svetoch, the wondrous genius; The solemn wreath withered. [M.Y. Lermontov. The Death of the Poet (1837)].
- "I pass this svetoch on to you," he told him two hours before his death, "I held it as long as I could; do not throw it until the very end." [I.S. Turgenev. On the Eve (1860)].

The study found that ergonyms as condensed cultural texts reflecting common ways of interpreting existential themes can be viewed as methodological transitional

[9] Russian National Corpus. (n.d.). Corpus of Russian classics β. Retrieved 25 March 2025, from https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggV

[10] Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1992). Explanatory dictionary of the Russian language. Az Publishing House. Retrieved 22 March 2025, from https://gufo.me/dict/ozhegov

material that prepares students to work with literary texts. Understanding a classical literary text requires a certain level of cultural background. In literature classes, students sometimes cannot work only with unfamiliar vocabulary found in literary texts, which is particularly important for students who do not speak Russian as their native language and who were raised in a different sociocultural environment. Culturally marked ergonyms allow students to master complex topics without immediately immersing themselves in a multi-layered text.

Successful language teaching in the modern educational context is based on a pragmatic approach and a careful consideration of linguistic patterns (Boas, 2022): cultural codes, stereotypes, and typical speech behavior. However, the linguistic landscape demonstrates that language exists not only within the boundaries of the norm, but also in the space of individual speech creation (Gridina, 2013; Fateeva, 2016). The linguistic creativity of the name-giver reflects the speaker's perception of the world, interpretation of cultural symbols, and associative connections, gives rise to reinterpreting familiar semantics — metaphorical reinterpretation of the denotatum — and results in the ergonym "Stork" to denote ritual agency. This ergonym is a semantic occasionalism. The appellative "stork," traditionally associated with the idea of birth, acquires a new, symbolic meaning in the context of the ritual sphere, associated with the rebirth of the soul. The nomination demonstrates a linguistic play which "breaks down and shifts associative stereotypes" (Gridina, 2013: 14). Such examples confirm the importance of considering the interpretive potential of ergonyms during their methodological selection. Interpretive variability is an undeniable advantage for developing analytical skills among philology students. The ergonym "Stork" can be interpreted through wordplay, cultural interference, and etymological investigation. Exploring the rationale behind the naming of a particular ergonym can be promising for a student's independent research project. At the same time, each student's original interpretation is encouraged as it stimulates creative thinking, develops the ability to justify conclusions, and fosters the formation of an individual perspective on ergonymic material. Studying such examples helps students develop a holistic understanding of language as a dynamic, culturally conditioned, and creative phenomenon.

Thus, ergonyms as a sociolinguistic phenomenon reflect the deep layers of the national consciousness, where language expresses spiritual and moral-ethical values. This approach aligns with the general trend in modern linguistics, which examines linguistic phenomena in relation to humans, their thinking, and their spiritual and practical activities, and among them onomastic processes (Maslova, 2017). Such names allow students to trace how words convey concepts and universal philosophical categories (memory, peace of mind, faith, life, and death). Working with such examples develops semantic interpretation skills and the ability to perceive the cultural layer behind a word, which is particularly important for future teachers of Russian language and literature, especially for bilingual students for whom Russian is a second language.

The conducted study confirms that ergonyms of the ritual sphere have structural, semantic, and linguistic-cultural complexity, which ensures their

methodological value. Their analysis forms a systematic understanding of naming, develop skills in interpreting cultural meanings, and expand the content of the lexicology course by integrating linguistic and cultural components of learning.

Conclusion

The present study basing on a structural-semantic analysis of Russian ergonyms (88 units, and among them some conventional-symbolic and culturally marked ones are examined in this article) in the ritual service sphere in Kazakhstan and a re-examination of the role of proper names in language education has confirmed their linguistic-didactic potential. Including the aforementioned ergonymic units in the course on Russian lexicology increases students' interest in research and analytical activities, develops lexical and linguistic-cultural competencies, fosters spiritual and moral values, religious tolerance, and professional mastery of words and their meanings in the process of creative self-realization (linguistic creativity). Ergonyms in students' vocabulary demonstrate the multifaceted nature of language and the dynamics of the linguistic system and its norms. A philological analysis of words should become a professional skill for students. Students focus on naming and its dominant principles in a certain period. The linguistic landscape is a favorable, accessible environment for immersion in language and culture, its past, present, and future.

Thus, ergonyms from the ritual services sphere in the educational process expand the toolkit of university course of lexicology, develop students' ability to interpret linguistic units within their cultural and social contexts, prepare future philologists to work with language as a living, dynamic, and valuable phenomenon, and ensure a meaningful transition from the language of everyday culture to the language of literary texts.

The materials and findings of this study can be used in courses on modern Russian lexicology, onomastics, cultural linguistics, and text interpretation, as well as in textbooks, teaching aids, practical guides, and digital educational resources.

References

Agabekova, Z. (2017). Methods of using onomastics in teaching language and culture. *Global Journal of Sociology: Current Issues*, *7*(2), 104–109. https://doi.org/10.18844/gjs.v7i2.2395

Belikov, S. V. (2025). Ergonyms in the urban onomastic space of Harbin and the prospects for their use in teaching Russian as a foreign language. *Philology & Human*, (1), 55–71. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-04 EDN: VYYJYG

Boas, H. C. (ed.). (2022). *Directions for pedagogical construction grammar: Learning and teaching (with) constructions*. Berlin: De Gruyter. https://doi.org/10.1515/9783110746723

Bobrova, M. V. (2022). Nicknames in teaching Russian as a foreign language. *Russian Language Studies*, *20*(1), 22–34. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34 EDN: ZDWHAX

Chupanovskaya, M. N., & Maklakova, T. B. (2019). Regional component in classes of Russian as a foreign language (linguo-cultural commentary of local history material of the Irkutsk region). *Philology. Theory & Practice*, *12*(3), 348–352. (In Russ.). https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.74 EDN: YYOHYL

Contreras, M. R. (2023). Content analysis of anthroponyms in an English as a L2 teaching material. *Onomastics from Latin America*, *4*(1), 1–17. (In Span.) https://doi.org/10.48075/odal.v4i1.31274

Fateeva, N. A. (2016). Linguistic creativity: Approaches to the topic. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, (7), 13–29. (In Russ.). EDN: WHWQJD

Golovina, L. S. (2020). Onomastics as a means of forming socio-cultural competence at Russian as a foreign language. *Memoirs of Novsu*, (1). (In Russ.). https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).5 EDN: VQMYGH

Golovina, L. S. (2021). Russian traditional naming system in the practice of teaching Russian as a foreign language. In *Terra Rusistica: Proceedings of the International Forum of Young Russianists* (pp. 89–92). Pskov: Pskov State University. (In Russ.). EDN: TUYQJF

Goryaev, S. O. (2004). Naming and nomination as a problem of the relationship between onomastics and onomasiology. In *Onomastics and Dialect Vocabulary. Vol. 5* (pp. 49–55). Yekaterinburg: Ural University. (In Russ.). Retrieved from http://elar.urfu.ru/handle/10995/35913

Goryaev, S. O., & Polyakova, I. G. (2023). Commercial names in the field of surrogacy motherhood. *Problems of Onomastics*, *20*(1), 183–201. (In Russ.). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.011 EDN: KLSHLB

Gridina, T. A. (ed.). (2013). *Linguistics of creativity–1: monograph* (2nd ed.). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: QNPRXF

Holmanskikh, Yu. S., & Verisova, A. D. (2023). Phraseological ergonyms in the linguistic and cultural aspect of studying Russian as a foreign language. *Russian Studies without Borders*, *7*(1), 74–81. (In Russ.). EDN: ADNQMY

Kamyisheva, S. Yu. (Ed.). (2023). *Index of the position of the Russian language in the world*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.). EDN: SWGPCH

Kaudyrova, A., Isenova, F., & Dukembay, G. (2025). Language game as a way to create an attractive urban space (based on the material of Astana's ergonyms). *Eurasian Journal of Philology. Science and Education*, *199*(3), 96–106. (In Russ.). https://doi.org/10.26577/EJPh202519939 EDN: KHRFBN

Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (In Russ.).

Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001

MacKenzie, L. (2018). What's in a name? Teaching linguistics using onomastic data. *Language*, *94*(4), e293–e310. https://doi.org/10.1353/lan.2018.0068

Madieva, G. B., & Imanberdieva, S. K. (2020). Features and functioning of foreign-language ergonyms in the linguistic landscape of the city. *Science and Life of Kazakhstan*, (5), 295–300. (In Russ.). Retrieved from https://inlnk.ru/agonYO

Maslova, V. A. (2017). Linguoculturology in onomastic studies. *Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the XVI International Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the First Volga Onomastic Conference and in memory of its organizer V. A. Nikonov*, *1*, 112–119. (In Russ.). EDN: XPDOPB

Matyushina, N. V. (2024). Russian elements in the ergonymy of intra-urban objects in Moscow. *Russian Language at School*, *85*(4), 99–111. (In Russ.). https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111

Motschenbacher, H. (2020). Corpus linguistic onomastics: A plea for a corpus-based investigation of names. *Names*, *68*(2), 88–103. https://doi.org/10.1080/00277738.2020.1731240

Polygalova, S. A., & Kuryanovich, A. V. (2022). Ergonyms as a component of the verbal space of a regional city. In Kalinin K. A. (ed.) *Slovo v zerkale istorii yazyka:* VI Abramovskie nauchnye chteniya. Vol. 4. Naberezhnye Chelny, 35–41. (In Russ.). EDN: AGTYBO

Shaibakova, D. D. (2023). Lexical objectification of the concept “displaced persons”: D. N. Ushakov’s dictionary and modern lexicographic practice. *Philological Class*, *28*(4), 349–366. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-349–366

Shaklein, V. M. (2012). *Historical linguoculturology of the text*. Moscow: RUDN University. (In Russ.). EDN: TNGSET

Van Langendonck, W. (2007). *Theory and typology of proper names*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words*. London: Oxford University Press.

Zharkynbekova, Sh. K., & Akzhigitova, A. Sh. (2011). The functioning of the language planning program in the Republic of Kazakhstan (based on ergonyms of Astana). *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, (4), 32–37. (In Russ.).

Bio notes:

Svetlana Yu. Kamysheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Centre for Language Policy and International Education at Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina St., Moscow, 117485, Russian Federation. *Research interests:* methodology of teaching Russian as a non-native language, Russian as a foreign language, sociolinguistics, language policy, Russian as a foreign language. ORCID: 0000-0002-8697-015X. SPIN-code: 9141-9386. Researcher ID: CWQ-0924-202. E-mail: skamysheva@yandex.ru

Zarina T. Kanafina, Master of Pedagogical Sciences, Lecturer of Russian Language and Literature Department, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Avenue, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. *Research interests:* methodology of teaching Russian as a non-native language, onomastics, ergonymics, sociolinguistics. ORCID: 0009-0005-3269-5331. SPIN-code: 3075-7367. Researcher ID: KUF-0900-2024. E-mail: z.kanafina@abaiuniversity.edu.kz

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-297-312
EDN: QMATQT

Научная статья

Лингводидактический потенциал эргонимов в обучении русскому языку казахстанских студентов

С.Ю. Камышева[1], З.Т. Канафина[2] ✉

[1]Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, *Москва, Российская Федерация*
[2]Казахский национальный педагогический университет имени Абая, *Алматы, Республика Казахстан*
✉z.kanafina@abaiuniversity.edu.kz

Аннотация. Исследован лингводидактический потенциал русскоязычных эргонимов ритуальной сферы в контексте преподавания лексикологии русского языка в вузе. Актуальность работы обусловлена необходимостью интеграции данного ономастического материала в образовательный процесс для расширения лингвокультурной компетентности студентов, развития аналитического мышления и навыков интерпретации смыслов. Цель исследования — определить возможности использования эргонимов в формирова-

нии лексической и лингвокультурологической компетенций будущих филологов. Применены структурно-семантический, культурологический и когнитивный методы анализа. Материалом послужили 88 русскоязычных названий организаций ритуальной сферы, функционирующих в современном социокультурном пространстве Казахстана. Обоснована целесообразность системного включения эргонимов сферы ритуальных услуг в обучение лексикологии русского языка казахстанских студентов. Выявлены ключевые структурно-семантические и лингвокультурологические характеристики данных единиц и подтвержден их лингводидактический потенциал. Показано, что анализ эргонимов может служить учебной основой для формирования у студентов профессионально-языковых компетенций, рефлексивного отношения к слову и понимания национально-специфических реалий. Разработана модель анализа и определены принципы отбора эргонимического материала для использования в образовательном процессе. Перспективы исследования связаны с разработкой практических заданий и учебно-методического пособия по применению эргонимов в преподавании лексикологии русского языка в вузе.

Ключевые слова: эргонимика, ономастика, русскоязычные эргонимы, ритуальные услуги, лексикология, лингвокультурология, лексико-семантический анализ, культурные коды

Вклад авторов: Камышева С.Ю. — научное консультирование, критический пересмотр текста статьи, редактирование статьи; Канафина З.Т. — концепция исследования, сбор, обработка и анализ материала, написание статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27.04.2025; принята к печати 28.01.2026.

Для цитирования: *Камышева С.Ю., Канафина З.Т.* Лингводидактический потенциал эргонимов в обучении русскому языку казахстанских студентов // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 297–312. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-297-312 EDN: QMATQT

Список литературы

Беликов С.В. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному // Филология и человек. 2025. № 1. С. 55–71. https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-04 EDN: VYYJYG

Боброва М.В. Прозвища как лингводидактический материал // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 22–34. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34 EDN: ZDWHAX

Головина Л.С. Ономастика как способ формирования социокультурной компетенции на занятиях РКИ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 1 (26). https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).5 EDN: VQMYGH

Головина Л.С. Русская традиционная система именования в практике преподавания РКИ // Terra Rusistica : сб. материалов Междунар. форума молодых русистов. Псков : Псков. гос. ун-т, 2021. С. 89–92. EDN: TUYQJF

Горяев С.О. Наречение и номинирование как проблема отношения ономастики и ономасиологии // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. № 5. С. 49–55. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/35913

Горяев С.О., Полякова И.Г. Коммерческий ономастикон в сфере суррогатного материнства // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 1. С. 183–201. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.011 EDN: KLSHLB

Гридина Т.А. (ред.). Лингвистика креатива-1 : монография. 2-е изд. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 369 с. EDN: QNPRXF

Жаркынбекова Ш.К., Акжигитова А.Ш. Функционирование программы языкового планирования в Республике Казахстан (на материале эргонимов г. Астана) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 32–37.

Камышева С.Ю. (ред.). Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3. М. : Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. 70 с. EDN: SWGPCH

Каудырова А., Исенова Ф., Дукембай Г. Языковая игра как способ создания привлекательного городского пространства (на материале эргонимов Астаны) // Eurasian Journal of Philology. Science and Education. 2025. Т. 199. № 3. С. 96–106. https://doi.org/10.26577/EJPh202519939 EDN: KHRFBN

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира : монография. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Мадиева Г.Б., Иманбердиева С.К. Особенности и функционирование иноязычных эргонимов в лингвистическом ландшафте города // Наука и жизнь Казахстана. 2020. № 5 (1). С. 295–300. URL: https://inlnk.ru/agonYO

Маслова В.А. Лингвокультурология в ономастических исследованиях // Ономастика Поволжья : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова. 2017. Т. 1. С. 112–119. EDN: XPDOPB

Матюшина Н.В. Русскоязычные элементы в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы // Русский язык в школе. 2024. Т. 85. № 4. С. 99–111. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111

Полыгалова С.А., Курьянович А.В. Эргонимы как составляющая вербального пространства регионального города // Слово в зеркале истории языка : VI Абрамовские научные чтения. Т. 4. / под ред. К.А. Калинина. Набережные Челны, 2022. С. 35–41. EDN: AGTYBO

Фатеева Н.А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 13–29. EDN: WHWQJD

Холманских Ю.С., Верисова А.Д. Эргонимы с фразеологическим компонентом в лингвокультурном аспекте изучения русского языка как иностранного // Русистика без границ. 2023. Т. 7. № 1. С. 74–80. EDN: ADNQMY

Чупановская М.Н., Маклакова Т.Б. Региональный компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (лингвокультурный комментарий краеведческого материала Иркутской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 348–352. https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.74 EDN: YYOHYL

Шайбакова Д.Д. Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица»: Словарь Д.Н. Ушакова и современная лексикографическая практика // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 4. С. 349–366. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-349–366

Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста : монография. М. : РУДН, 2012. 632 с. EDN: TNGSET

Agabekova Z. Methods of using onomastics in teaching language and culture // Global Journal of Sociology: Current Issues. 2017. Vol. 7. № 2. Pp. 104–109. https://doi.org/10.18844/gjs.v7i2.2395

Boas H.C. (ed.). Directions for Pedagogical Construction Grammar. Learning and Teaching (with) Constructions. Berlin: De Gruyter, 2022. https://doi.org/10.1515/9783110746723

Contreras M.R. "John, Joan, Jone or Jon?" Análisis de contenido de antropónimos en materiales para la enseñanza de inglés como L2 // Onomástica Desde América Latina. 2023. Vol. 4. № 1. 1–17. https://doi.org/10.48075/odal.v4i1.31274

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001

MacKenzie L. What's in a name? Teaching linguistics using onomastic data // Language. 2018. Vol. 94. № 4. Pp. e293–e310. https://doi.org/10.1353/lan.2018.0068

Motschenbacher H. Corpus linguistic onomastics: a plea for a corpus-based investigation of names // Names. 2020. Vol. 68. № 2. P. 88–103. https://doi.org/10.1080/00277738.2020.1731240

Van Langendonck W. Theory and typology of proper names. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007. 378 p.

Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. London : Oxford University Press, 1997.

Сведения об авторах:

Камышева Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международного образования, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов:* методика преподавания русского языка как неродного и как иностранного, социолингвистика. ORCID: 0000-0002-8697-015X. SPIN-код: 9141-9386. Researcher ID: CWQ-0924-202. E-mail: skamysheva@yandex.ru

Канафина Зарина Талапкеровна, магистр педагогических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык, д. 13. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как неродного, ономастика, эргонимика, социолингвистика. ORCID: 0009-0005-3269-5331. SPIN-код: 3075-7367. Researcher ID: KUF-0900-2024. E-mail: z.kanafina@abaiuniversity.edu.kz